

ISSN 2226-3365

www.vestnik.nspu.ru

DOI: 10.15293/2226-3365.1602

ВЕСТНИК Новосибирского государственного педагогического университета

*Novosibirsk State
Pedagogical University*
BULLETIN

2(30) 2016

Учредитель журнала:

ФГБОУ ВПО «Новосибирский
государственный педагогический
университет»

Электронный журнал «Вестник Новосибирского
государственного педагогического университета»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС77-50014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ И СОВЕТ НАУЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Редакционная коллегия

главный редактор

Пушкарёва Е. А., д-р филос. наук, проф.

заместитель главного редактора

Майер Б. О., д-р филос. наук, проф.

педагогические и психологические науки

Синенко В. Я., д-р пед. наук, профессор

Богомаз С. А., д-р психол. наук, проф. (Томск)

философские и исторические науки

Майер Б. О., д-р филос. наук, проф.

Зверев В. А., д-р ист. наук, проф.

физико-математические и социально-

экономические науки

Трофимов В. М., д-р физ.-мат. наук, проф.

Ряписов Н. А., д-р экон. наук, проф.,

биологические, химические, медицинские науки

Айзман Р. И., д-р биол. наук, проф., член-корр.

МАНВШ, заслуж. деят. науки РФ

Просенко А. Е., д-р хим. наук, проф.

культурология, филологические науки

Чапля Т. В., д-р культурологии, проф.

Трипольская Т. А., д-р филолог. наук, проф.

Международный редакционный совет

Айзман О., д-р филос., д-р мед., Каролинский
институт (Стокгольм, Швеция)

Ангелика Ригер, д-р, проф. (Ахен, Германия)

Анна Паола Бонола, проф. славистики,
Миланский университет (Милан, Италия)

Балгимбеков Ш. А., д-р мед. наук, проф.,
(Алматы, Казахстан)

Бухтова Б., д-р наук, Университет им.
Масарика (Брно, Чехия)

Валькенхорст Ф., д-р наук, проф., университет
Кельна (Кельн, Германия)

Винго Чарльз С., д-р мед. наук, проф., ун-т
Флориды (Гейнсвилль, Флорида, США)

Либерска Х. д-р психол. наук, проф., ун-т
им. Казимира Великого (Быдгощ, Польша)

Логунов Д., н.с., ун-т Манчестера
(Великобритания)

Мауриция Калузио, д-р наук, ст. исследов. по
русс. лит. (Милан, Италия)

Мукатаева Ж. М., д-р биол. наук (Павлодар,
Казахстан)

Чагин А., д-р филос., н. с., Каролинский
институт (Стокгольм, Швеция)

Челси Д., д-р филос., проф., (Уппсала, Швеция)

Шмайс Й., д-р наук, Университет им. Масарика
(Брно, Чехия)

Юй Вень Ли, д-р политического образования,
Пекинский университет (Пекин, Китай)

Редакционный совет

председатель редакционного совета

Герасёв А. Д., д-р биол. наук, проф. (Новосибирск)

Афтанас Л. И., д-р мед. наук, проф., акад. РАМН, вице-
президент РАМН, Президент СО РАМН (Новосибирск)

Баликоев В. З., д-р экон. наук, проф. (Новосибирск)

Безруких М. М., д-р биол. наук, проф., почетный
профессор НГПУ, академик РАО (Москва)

Бережнова Е. В., д-р пед. наук, проф. (Москва)

Винокуров Ю. И., д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)

Галажинский Э. В., д-р психол. наук, проф.,
академик РАО (Томск)

Дымарский М. Я., д-р филолог. наук, проф. (Санкт-
Петербург)

Жафяров А. Ж., д-р физ.-мат. наук, проф.,
член-корр. РАО (Новосибирск)

Жукоцкая З. Р., д-р культурол., проф. (Нижевартковск)

Иванова Л. Н., д-р мед. наук, проф., акад. РАН
(Новосибирск)

Казин Э. М., д-р биол. наук, проф., заслуж. деят. науки
РФ, академик МАНВШ (Кемерово)

Ключко В. Е., д-р психол. наук, проф. (Томск)

Князев Н. А., д-р филос. наук, проф. (Красноярск)

Кондаков И. В., д-р филос. наук, проф., акад. РАЕН,
почетный работник общего образования (Москва)

Красноярцева О. М., д-р психол. наук, проф. (Томск)

Кривошеков С. Г., д-р мед. наук, проф. (Новосибирск)

Кудашов В. И., д-р филос. наук, проф. (Красноярск)

Кустова Г. И., д-р филолог. наук, проф. (Москва)

Медведев М. А., д-р мед. наук, проф., академик РАМН,
заслуж. деят. науки РФ (Томск)

Мокрецова Л. А., д-р пед. наук, проф. (Бийск)

Овчинников Ю. Э., д-р физ.-мат. наук, проф.
(Новосибирск)

Печерская Т. И., д-р филолог. наук, проф.
(Новосибирск)

Пузырев В. П., д-р мед. наук, проф., академик РАМН
(Томск)

Серый А. В., д-р психол. наук, проф. (Кемерово)

Федоров В. И., д-р биол. наук, проф. (Новосибирск)

Чупахин Н. П., д-р филос. наук, проф. (Томск)

Шошенко К. А., д-р мед. наук, проф. (Новосибирск)

Основан в 2011 году, выходит 6 раз в год

Редакционно-издательский отдел:

630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, д. 28

тел. +7(383)244-06-62

E-mail: vestnik.nspu@gmail.ru

Номер подписан к выпуску 10.04.16

The founder
Novosibirsk State
Pedagogical University

The registration certificate
The electronic journal «Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin»
is registered in Federal service on legislation observance in sphere of
communication, information technologies and mass communications
The registration certificate ЭЛ № ФС77-50014

EDITORIAL BOARD AND EDITORIAL COUNCIL OF SCIENTIFIC ELECTRONIC JOURNAL «NOVOSIBIRSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY BULLETIN»

Editorial Board

Editor-in-chief

Pushkareva E.A., Dr. of philosophical Sc., Prof. of the NSPU

Deputy editor-in-chief

Mayer B.O., Dr. of philosophical Sc., Prof. of the NSPU

Pedagogical Sciences and Psychology

Sinenko V.Ya., Dr. of Pedagogical Sciences, Professor

Bogomaz S.A., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Tomsk)

Philosophy and Historical Sciences

Mayer B.O., Dr. of philosophical Sciences, Professor

Zverev V.A., Dr. of Historical Sciences, Professor

Physics, Mathematics, Social and Economics Sciences

Trofimov V.M., Dr. of Physical and Mathematical Sciences, Professor

Ryapisov N.A., Dr. of Economic Sciences, Professor

Biological, Chemical Sciences and Medicine

Aizmam R.I., Dr. of Biological Sciences, Prof. of the NSPU, Corr-Member of IASHS

Prosenko A.E., Dr. of chemical Sciences, Professor

Culturology, Philology Sciences

Chaplya T. V., Dr. of Cultural Sciences, Professor

Tripolskay T. A., Dr. of Philological Sciences, Prof.

International Editorial Council

Aizman O., Ph.D., M.D., Karolinska Institute, (Stockholm, Sweden);

Angelica Rieger, Dr., Professor (Aachen, Germany)

Anna Paola Bonola, Professor Università Cattolica del Sacro Cuore (Milan, Italy)

Balgimbekov Sh.A., Dr. of Medical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)

Buhtova B., Ph.D., Masaryk University (Brno, Czech Republic)

Chagin A., Ph.D., Karolinska Inst. (Stockholm, Sweden)

Charles S. Wingo, M. D., Professor, University of Florida (Gainesville, Florida, USA)

Gianni Celsi, Ph.D., Professor, Uppsala University, (Uppsala, Sweden)

Liberska H. Dr. of Psychol. Sciences, Prof., Kazimierz Wielki University (Bydgoszcz, Poland)

Logunov D., Ph.D., University of Manchester (Manchester, United Kingdom)

Maurizia Calusio, Senior Researcher in Russian Literature, PhD (Milan, Italy)

Mukataeva Zh.M., Dr. of Biological Sciences (Pavlodar, Kazakhstan)

Walkenhorst Philipp, Dr., Professor, University of Cologne (Cologne, Germany)

Šmajš Jozef, Dr. of Philosophy, Professor, Masaryk University (Brno, Czech Republic)

Yu Wen Li, Ph.D., Professor Peking University (Peking, People's Republic of China)

Editorial Council

Chairman of Editorial Council

Gerashev A.D., Dr. of Biological Sc., Prof. (Novosibirsk)

Aftanas L.I., Dr. of Medical Sc., Prof., Acad. of RAMS (Novosibirsk)

Balikoev V.Z., Dr. of Economical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Bezrukih M.M., Dr. of Biological Sc., Prof. (Moscow)

Berezhnova E.V., Dr. of Pedagogical Sc., Prof. (Moscow)

Chupahin N.P., Dr. of Philosophical Sc., Prof. (Tomsk)

Dymarski M.J., Dr. of philological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

Fedorov V.I., Dr. of Biological Sc., Prof. (Novosibirsk)

Galazhinsky E.V., Dr. of Psychological Sc., Professor, the academician of RAE (Tomsk)

Ivanova L.N., Dr. of Medical Sc, Prof., Academ. of RAS, Institute of Citology and Genetics (Novosibirsk)

Kazin E.M., Dr. of Biological Sc., the academician of IASHS, Professor (Kemerovo)

Klochko V.E., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Tomsk)

Knyazev N.A., Dr. of Philosophical Sc., Prof. (Kasnoyarsk)

Kondakov I.V., Dr. of Philosophical Sc., Prof., Academ. of Russian Academy of Sciences (Moscow)

Krasnoryadstceva O.M., Dr. of Psychological Sciences, Professor (Tomsk)

Krivoshekov S.G., Dr. of Medical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Kudashov V.I., Dr. of Philosophical Sciences, Professor (Kasnoyarsk)

Kustova G.I., Dr. of philological Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Medvedev M.A., Dr. of Medical Sc., Prof., the Academic. of RAMS, Institute of Medical Genetics (Tomsk, Russia)

Mokretsova L.A., Dr. of Pedagogical Sciences, Professor (Biysk, Russia)

Ovchinnikov Yu.E., Dr. of Physical and Mathematical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia)

Pecherskaya T.I., Dr. of philological Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia)

Puzirev V.P., Dr. of Medical Sc., Prof., the Academician of RAMS, Institute of Medical Genetics (Tomsk, Russia)

Seryi A.V., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Kemerovo)

Shoshenko K.A., Dr. of Medical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Vinokurov Yu.I., Dr. of Geography Sc., Prof. (Barnaul)

Zhukotskaya Z.R., Dr. of Cultural Sciences, Professor (Nizhnevartovsk)

Zhafyarov A.Zh., Dr. of Physical and Mathematical Sc., Prof., Corr.- Member of the RAE (Novosibirsk)

The journal leaves 6 times a year

The academic journal is established in 2011

Editorial publishing department:

630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28

tel. +7(383)244-06-62

E-mail: vestnik.nspu@gmail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А.</i> (Новосибирск, Россия). Универсальный и активный словарь: развитие лексикографической традиции или возвращение к истокам.....	7
<i>Бонола Анна</i> (Милан, Италия). Семантико-прагматический потенциал слова вдруг в русском языке и его перевод на итальянский: контрастивный анализ на основе параллельного русско-итальянского корпуса.....	24
<i>Басовская Е.Н.</i> (Москва, Россия). О «неубедительнейшей» из помет: (высокая лексика в толковых словарях русского языка XX-XXI вв.)	38
<i>Басалаева Е. Г.</i> (Новосибирск, Россия). Национально-культурная специфика лексики обонятельного восприятия.....	49
<i>Добровольский Д.О.</i> (Москва, Россия), <i>Пёттель Л.</i> (Стокгольм, Швеция). Конструкции то-то и N, в том-то и N, в том-то и весь <весь и> N: корпусное исследование.....	61
<i>Кустова Г.И.</i> (Москва, Россия). Семантические переходы в абстрактных существительных	73
<i>Скворецкая Е.В.</i> (Новосибирск, Россия). О статусе так называемых форм субъективной эмоциональной оценки в русском языке.....	86
<i>Баранчеева Е.И.</i> (Новосибирск, Россия). Семантические механизмы английского перенесенного эпитета	94
<i>Попова С. А.</i> (Новосибирск, Россия). Образный компонент ментальной структуры смех в русской и английской языковых картинах мира	104
<i>Калузио Мауриция</i> (Милан, Италия). Проблемы стихотворного перевода с русского на итальянский.....	115
<i>Ланно М. А.</i> (Новосибирск, Россия). Прагматика новых обозначений и самообозначений в современном педагогическом дискурсе	124
<i>Морозова Н. М.</i> (Павлодар, Казахстан), <i>Чернобров А. А.</i> (Новосибирск, Россия). Текстологические, лексикографические и лингвокультурологические аспекты музыкального дискурса в сети Интернет	138
<i>Курьянович А.В.</i> (Томск, Россия). Полипарадигмальность жанра в зеркале предпочтений современной лингвистики (из опыта анализа online-петиций как особой разновидности эпистолярных текстов)	150
<i>Козлов А. Е.</i> (Новосибирск, Россия). Графологические интересы Н. Д. Ахшарумова в аспекте авторского самосознания: предварительные замечания.....	160
<i>Гаврилова Е.И.</i> (Иркутск, Россия). Полифункциональность авторизационных вводных компонентов в тексте кинокритики	170

CONTENTS

PHILOLOGY SCIENCES

<i>Bulygina E. Y., Tripolskaya T. A.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Universal and active dictionaries: development lexicographic traditions or return to the roots	7
<i>Anna Bonola</i> (Milan, Italy). Semantic and pragmatic potential of Russian word <i>vdrug</i> and its translations into Italian: contrastive analysis on the material of the parallel Russian-Italian corpus	24
<i>Basovskaya E. N.</i> (Moscow, Russian Federation). On "the least convincing" stylistic label: elevated vocabulary in Russian explanatory dictionaries of the XX–XXI centuries	38
<i>Basalaeva E. G.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). National and cultural peculiarities of olfactory lexis.....	49
<i>Dobrovol'skij D. O.</i> (Moscow, Russian Federation), <i>Ludmila Pöppel</i> (Stockholm, Sweden). Constructions <i>to-to i N</i> , <i>v tom-to i N</i> , <i>v tom-to i ves' < ves' i > N</i> : a corpus-based study	61
<i>Kustova G. I.</i> (Moscow, Russian Federation). Semantic shifts in abstract nouns.....	73
<i>Skvoretskaya E. V.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). On the so called subjective emotional evaluation in Russian	86
<i>Barancheva E. I.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Semantic mechanisms of transferred epithet in English.....	94
<i>Popova S. A.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). The metaphorical component of the mental structure <i>laugh</i> in the Russian and English language pictures of the world	104
<i>Maurizia Calusio</i> (Milan, Italy). Problems of translating poetry from Russian into Italian	115
<i>Lappo M. A.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Pragmatics of new nominations and self-nominations in modern pedagogical discourse	124
<i>Morozova N. M.</i> (Pavlodar, Republic of Kazakhstan), <i>Chernobrov A. A.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Textological, lexicographic and cultural aspects of musical discourse in the Internet.....	138
<i>Kurjanovich A. V.</i> (Tomsk, Russian Federation). Multiparadigmatic character of the petition genre in the mirror of modern linguistics (an analysis of online-petitions as a special kind of epistolary texts).....	150
<i>Kozlov A. E.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Graphological interests of N.D. Akhsharumov in the light of the author's self-consciousness: introductory remarks.....	160
<i>Gavrilova E. I.</i> (Irkutsk, Russian Federation). Multy-functionality of authorized parentheses in film review texts.....	170

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PHILOLOGY SCIENCES

© Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.01)

УДК 81.374 + 81.374.82

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ И АКТИВНЫЙ СЛОВАРЬ: РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ*

Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская (Новосибирск, Россия)

Идея словаря активного типа в общем виде сформулирована А. Реем и С. Делесаль: «Словарь начинает жить с того момента, когда он обращается не к значению слов, а к их действию». Концепция активного словаря получила дальнейшее развитие в русистике. Если А. Рей и С. Делесаль делали упор на прагматической информации в словарной статье, то отечественные лексикографы обсуждают проблему соотношения лингвистической и энциклопедической информации в словаре, предлагая «уйти» от минимализации классических толковых словарей (Гак). В современной теоретической лексикографии вопросы создания универсального/активного сейчас особенно актуальны: назначение словаря, адресат, объем лексикографической информации, способы подачи материала, источники и метаязык (Апресян). Признавая важными все проблемы, связанные с новым типом словаря, сосредоточимся на вопросах объема и соотношения семантической и прагматической информации о слове в двуязычном активном словаре. Основные положения активной двуязычной лексикографии нашли отражение во французско-русском словаре активного типа, который имеет иное назначение, чем одноязычные активные словари и «ставит своей целью эксплицитно показать соотношение между языком и речью: <...> показать пути перехода от системного значения слова и его перевода к типизированным контекстуальным значениям и их переводам, отмечая при этом те разнообразные средства, которыми располагает язык перевода для передачи различных значений слова исходного языка» (Гак, Триомф).

Авторы придерживаются когнитивно-энциклопедического направления, включая нетипичную для двуязычного словаря информацию о тематических группах («футбольная» и «шахматная» лексика, термины родства, карточные игры и др.), о составе и функционировании,

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты»; проект 15-14-54001а(р) «Конфликтный текст в зеркале лингвистического экспертирования: оскорбление, унижение чести и достоинства, порочащая информация в публичной коммуникации региона».

Булыгина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

Трипольская Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: tr_tatiana@mail.ru

например, каузальных глаголов, о речевых жанрах опасения, запрета, а также способах выражения вопроса и отрицания и пр. – информацию, облегчающую освоение системных и функциональных параметров языка. В этом случае можно говорить об ином адресате словаря – о пользователе, который осваивает чужой язык. Пользователь одновременно получает знания языка и знания о языке.

Прагматическая информация (эмоционально-оценочная, национально-культурная, идеологическая, гендерная, социальная и др.) концептуально не осмыслена как объект лексикографического описания и представлена неполно, непоследовательно и зачастую спорна.

Ключевые слова: лексикография, активный словарь, прагматический компонент семантики слова.

Предлагаемый к обсуждению круг проблем касается основных векторов развития современной лексикографии и – конкретно – лексикографии двуязычной, которая сегодня тоже представляет словари нового типа – активного и универсального. В первую очередь это относится к «Французско-русскому словарю активного типа» под редакцией В. Г. Гака и Ж. Триомфа [1].

Наличие двух терминов – активный и универсальный словари, – которые зачастую используются недифференцированно, требует специального обсуждения.

Идея словаря активного типа в общем виде сформулирована А. Реем и С. Делесаль: они считают, что словарь «не работает» до тех пор, пока в нем не содержится основных правил употребления слова, его существенных коммуникативных характеристик, которые помогли бы пользователю следовать принятым нормам коммуникации, «словарь начинает жить с того момента, когда он обращается не к значению слов, а к их действию» [2; 3, с. 263].

Концепция активного/универсального словаря получила дальнейшее развитие в современной науке. Подобные лексикографические проекты примерно в это же время обсуж-

дались и в русистике: создание универсального словаря, включающего энциклопедическую, культурно-историческую и этнолингвистическую информацию о слове [4], проблема соотношения антропоцентрического и лингвоцентрического подходов в лексикографировании [5], а также концепция словарей активного типа под руководством Ю. Д. Апресяна [6–7]. Концепция универсального словаря формируется в рамках антропоцентрической лексикографии, включающей такие словари, как Русский семантический словарь под редакцией Н. Ю. Шведовой¹, Русский ассоциативный словарь под редакцией Ю. Н. Караулова² и идеографические словари Уральской семантической школы [8].

При ближайшем рассмотрении термины «активный» и «универсальный» понимаются зачастую как синонимы: так называемая «активная информация о слове» А. Рей и С. Делесаль, которые делали упор на прагматической составляющей в словарной статье, позволяющей увидеть коммуникативные «правила» употребления слова, в русской лексикографии, видимо, включается в универсальную информацию о языковой единице. Так, Ю. Д. Апресян, по сути, не разграничивает эти термины, делая упор на противопоставлении активного и пассивного словарей. С точки зрения Ю. Д. Апре-

¹ Шведова Н. Ю. Русский семантический словарь. – М., – 2000. – Т. 1–2.

² Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь. – М., 1994.

сяна, можно выделить два основных отличия «пассивного» и «активного» словарей: активные словари «предназначены для того, чтобы обеспечить нужды говорения или, более широко, нужды производства текстов. <...> Основная формула канонического активного словаря – существенно меньше слов <...>, но по возможности полная, в идеале исчерпывающая информация о каждом слове, необходимая для его правильного употребления в собственной речи говорящих» [6–7].

Объем информации о слове, её детализация и способы представления в толковых словарях разных лексикографических традиций существенно различается: от минимума в российских словарях (в соответствии с концепцией Л. В. Щербы о противопоставлении энциклопедических и лингвистических словарей [8]) до возможного максимального объема в европейских словарях, приближающихся к энциклопедическим. Отечественные словари вполне соответствуют основному принципу распределения лингвистической информации о слове по разным аспектным словарям: системным, грамматическим, этимологическим, ассоциативным и пр. Европейская лексикографическая традиция предполагает иной подход: вся значимая словарная информация должна быть собрана в толковом словаре. Например, *Le nouveau petit Robert* (2002)³, *Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiano* (2006)⁴, *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* (1974)⁵, *Diccionario de uso espanol de Maria Moliner*⁶ максимально полно

(и в специальных комментариях, и в иллюстративном материале) отражают системные, функциональные, этимологические, семантико-прагматические и лингвокультурологические сведения о слове. В русских словарях подобная информация является, скорее, исключением (см. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова⁷).

Так, в словаре М. Молинер словарная статья лексемы **calle** включает единицы, имеющие отношение к городскому пространству: *alameda, arteria, avenida, bulevar, paseo, rambla, ronda, rúa* – улица (в названиях улиц); *carrera, vía pública, corso* (главная улица); *bajada, cuesta* (спуск), *subida* (подъем), *costana* (улица на склоне холма), *costanilla* (крутая улица); *bocacalle* (боковая улица, улочка, переулок); *callejón, calleja* (проулок, переулок, закоулок), *callejuela* (уменьш. от *calleja*), *callizo* (см. *callejón, callejuela*); *corredera* (аргентинское – коридор); *pasadizo* (1) проход, переход, проезд, проходной двор; 2) коридор); *pasaje* (3) переход, проход, проезд (место), проулок <...> 6) пассаж, крытая галерея между двумя улицами); *raso* (проход, переход); *travesía* (поперечная улица, проезд, переулок); *acera* (тротуар); *arroyo* (проезжая часть улицы, улица, мостовая); *calzada* (мощёная дорога, шоссе, мостовая; улица, проезжая часть, тротуар); *desembocar* (2) (об улице; проходе) выходить, вести, выводить куда), *girar, torcer, volver*; *arcada* (аркада), *porche* (крытая колоннада, портик), *pórtico* (портик, колоннада; галерея с колоннами внутри

³ *Le nouveau petit Robert. Nouvelle edition du Petit Robert de Paul Robert. Dictionnaires le Robert.* – Paris, 2002.

⁴ *Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiano.* Rizzoli Larousse. – 2006.

⁵ *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English.* A S Hornby with A P Cowie, A C Gimson. – Oxford University Press, 1974. – 1037 с.

⁶ *Diccionario de uso espanol de Maria Moliner.* URL: <http://www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?l=en&base=moliner&page=showindex> (дата обращения 25.12.2015).

⁷ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1935–1940. – Т. 1–4 (ТСУ).

двора); *esquina* (угол улицы, дома); *cruce* (пересечение, скрещение дорог, улиц; перекрёсток), *crucero*, *cruzada*, *encrucijada*, *crucijada*, *bivio*, *cuadrivio*, *trivio*; *plaza*: *plazuela*, *glorieta*, *rotonda*; *barrio* (квартал): *Judería* (Еврейский квартал), *Platería* (квартал ювелиров), *Trapería* (квартал суконщиков/старьевщиков), *Zapatería* (исторически – квартал сапожников), *Alta*, *Ancha*, *Baja*, *Mayor*, *Nueva*, *Laberinto*⁸.

Этот лексический фрагмент можно структурировать, выделив в семантическом поле городских наименований подгруппы, включающие: а) всё многообразие урбано-нимов (*calleja* – проулок, переулок, закоулок; *callejón* – переулок; *callejuela* – уменьш. от *calleja*); б) атрибуты городского пространства (*farola* – уличный фонарь); в) имена собственные, обозначающие темпорированные локусы (*Zapatería* – исторически квартал сапожников); г) наименования пешеходов (*azotacalles* – празднующийся, фланёр, бродяга; *viandante* – путешественник, путник); д) глаголы, обозначающие разные виды передвижения в городском пространстве (*desembocar* – (об улице, проходе) выходить, вести, выводить куда; *ruar* 1) прохаживаться, прогуливаться, фланировать; 2) проехать, прокатиться (в экипаже, верхом); 3) прогуливаться с женщиной).

Толковые словари французского, итальянского, испанского и английского языков в большей степени тяготеют к словарям смешанного типа (включающим информацию собственно лингвистического и энциклопедического характера), что, безусловно, отвечает потребностям «портретирования» слова и созданию словарей антропоцентрического типа.

Иными словами, в европейской лексикографической традиции нет такого жесткого противопоставления пассивного и активного (в понимании Ю. Д. Апресяна) словарей.

Минимизация информации в российской лексикографической традиции неразрывно связана с доминированием системного изучения языка, когда одной из задач являлось выделение дифференциальных признаков лексического значения, отличающих одно слово от другого и, соответственно, одну реалию от другой. Дифференциальная модель лексического значения, адекватная задачам изучения системного устройства словаря, естественным образом находит свое воплощение в практике лексикографирования лексических единиц.

До последнего времени изыскания российских лексикографов были направлены на четкую дифференциацию лингвистической информации о слове, которая находила место в общих и специализированных словарях: «<...> возникает впечатление, что авторы словарей – толковых и переводных – создают для себя “внутреннюю цензуру”, вынуждающую их намеренно отказываться от пояснений энциклопедического типа и ограничиваться семантическими указаниями (“ближайший род и видовое отличие”）」 [4, с. 122].

Анализ лексикографического описания позволяет рассматривать словарную статью как текст высокой степени компрессии: может быть, не столько «внутренняя цензура» лексикографа, сколько жанр толкового словаря предполагает минимальный объем текста с максимальной смысловой нагруженностью. К числу парадоксов Н. Ю. Шведова относит «максимальную концентрированность информации, заложенной в самом жанре словарной статьи –

⁸ *Diccionario de uso español* de Maria Moliner. URL: <http://www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?l=en&base=moliner&page=showindex> (дата обращения 25.12.2015).

присущую ей потенцию восстановления общей картины классов», «всеобщую связанность всех константных свойств в слове – их искусственное разъятие в словарной статье как обязательное условие самого ее существования», и, наконец, «слово как единицу, не знающую состояния покоя, – представление слова в словарной статье как единицы, находящейся в состоянии покоя» [11, с. 9].

В силу этого понятна и закономерна попытка обращения/возвращения к принципу энциклопедизма в словаре: обсуждается круг вопросов о назначении словаря, адресате, объеме лексикографической информации, способах подачи материала, источниках и мета-языке; кроме того осмысляются понятия активности, интегральности (описание лексики максимально согласуется с описанием его «грамматики» в широком смысле слова, то есть со сводом всех достаточно общих правил данного языка), ориентации на отражение «наивной», или языковой, картины мира и некоторые другие [12, с. 447].

Признавая актуальным весь круг проблем, связанных с новым типом словаря, сосредоточимся на первостепенных вопросах объема и соотношения семантической и прагматической информации о слове. Для лингвистического исследования лексикографический источник служит, как правило, отправной точкой, позволяющей выявить лакуны в лексикографическом описании и наметить перспективы изучения языкового явления. В активном словаре, как в одноязычном, так и в переводном, мы ожидаем увидеть максимально полную информацию о слове и сведения коммуниктивно-прагматического характера, способствующие успешному включению языковой единицы в процесс реальной коммуникации.

Вопрос о том, что именно должен включать активный словарь по сравнению с традиционными толковыми словарями, до сих пор остается открытым: нужна ли в словаре нового типа коммуникативно значимая информация (в каком объеме и каким способом представленная), включающая национально-культурную, идеологическую, гендерную, эмоционально-оценочную, а также коммуникативно-ситуативную составляющие.

Напомним об известной дискуссии о возможности и необходимости включения прагматической информации в толковый словарь, участники которой высказывали противоположные точки зрения [13].

Мнение Р. Лангаккера стало в последнее время весьма распространённым [14]: во многих лингвистических работах повторяется мысль о том, что в толковых словарях нет и быть не может информации о прагматических свойствах слова. Иная позиция представлена в работах Г. Н. Складчиковой: несмотря на кажущееся противоречие толкового словаря и лингвистической прагматики, в лексикографическом описании должно найти место неуловимое поведение языковых и внеязыковых элементов в разнообразных и неустойчивых актах речи [15].

Основным источником материала для словаря активного/универсального типа становятся «пассивные» словари и, конечно, специальные исследования, целью которых является «портретирование» слова. Однако лексикографический материал толковых словарей в разной степени оказывается полезным для словаря, учитывающего «коммуникативное поведение слова».

Конечно, информация об эксплицитной реакции говорящего на коммуникативную ситуацию, о системных связях лексемы, о сочетаемостных возможностях слов данного сло-

вообразовательного гнезда, об образных употреблении и устойчивых выражениях присутствует в Активном словаре русского языка под редакцией Ю. Д. Апресяна в том объеме, который невозможно было бы ожидать в словарной статье классического толкового словаря. Однако остается еще значительный пласт лексикографически релевантной информации, например, о прагматическом компоненте в лексическом значении слова, который лишь частично отражен в словарной статье [16]. Естественно, что словарь отражает тот уровень описания и осмысления языковых фактов, который характеризует современное состояние науки, но за последние тридцать лет лингвистика накопила серьезный опыт в моделировании прагматического компонента в семантике слова.

Отражение национально-культурного, гендерного, социального, идеологического, эмоционально-оценочного оказывается в ряде случаев более полно представлено в традиционных толковых словарях. Так, «Словарь русского языка»⁹, специально не ориентированный на отражение коммуникативно-прагматической информации о слове, тем не менее в разных структурных частях словарной статьи, например, глагола *болтать* отражает особенности речевого поведения с точки зрения адресата-слушателя и его эмотивную оценку. Ср.:

БОЛТАТЬ <...> **1.** перех. и без доп. Вести легкий, непринужденный разговор, разговаривать. [Милашкин:] *Будь глуп, как пробка, только умей любезничать, болтать... Вот что нынче нравится. А. Островский, Бедная невеста. Они целыми днями болтали о чьих-*

то успехах, о каких-то интригах, о женитьбах и смертях, о наградах и ошибочных надеждах. Макаренко, Книга для родителей. До поздней ночи мы сидим за столом и болтаем, болтаем без конца. Каверин, Два капитана.|| Говорить то, о чем не следует говорить; проговариваться. <...>. – *А понятно тебе, почему не надо болтать об этом? – Немного понятно. В. Беляев, Старая крепость. <...>.*

БОЛТЛИВЫЙ <...> Чрезмерно говорливый. *Погода к осени дождливей, А люди к старости болтливей. И. Крылов, Плотичка. – Я слишком болтлива? – весело спросила Аночка. – Говорите, говорите больше, я хочу вас слушать! Федин, Необыкновенное лето.*|| Не умеющий хранить тайну.

БОЛТОВНЯ <...> Бессодержательные разговоры; легкий, непринужденный разговор. – *Я не должен растрачивать свои силы на одну болтовню, пустую, бесполезную болтовню, на одни слова. Тургенев, Рудин. <...>.*

БОЛТУН <...> Тот, кто много болтает; пустослов. *В действительности Джон был болтуном, разносчиком всяческих историй и певцом на свадьбах. Паустовский, Поселок среди скал.*

БОЛТУНЯ <...> ж. разг. женск. К болтуну1.

БОЛТУШКА <...> ж. разг. ласк. к болтуну1 и болтунья. *Я надоем и вам ужасно: Все говорю и говорю, Болтушка – скажете. И. Никитин, Кулак*¹⁰

БОЛТУН <...> (разг.). **1.** Болтливый человек, пустослов. **2.** Сплетник. *Ему не говори, он – известный б.*¹¹

⁹Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981–1984 (МАС).

¹⁰Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стереотип. – Т. 1. – М.: Русский язык, 1999. – С. 105–106.

¹¹Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. 1 – М.: ОГИЗ, 1935. – С. 170.

Словарь описывает:

- коммуникативную ситуацию болтовни (*болтать, болтливый, болтовня, болтун, болтунья*) как *легкий, непринужденный разговор; бессодержательные разговоры; не умеющий хранить тайну; много болтает, чрезмерно говорливый, пустослов; проговариваться*);

- дает информацию об эмоционально-оценочной картине мира;

- взаимоотношениях коммуникантов;

- представлениях социума о мужских и женских недостатках речевого поведения (см. иллюстративный материал: *Я надоем и вам ужасно: Все говорю и говорю, Болтушка – скажете. И. Никитин, Кулак*). Едва ли возможно употребление **Я такой болтун* от лица мужчины. Напомним о тесте З. Вендлера на сочетаемость с «я» и введенном им понятии иллюкутивного самоубийства [17]: – *Я такая болтушка/болтунья* – заговорила вас совсем. Вполне приемлемы подобные варианты для успешной коммуникации (в отличие от фраз: ** Я такой болтун*).

Отметим, что информацию и о денотативной, и о прагматической семантике мы «собрали», анализируя все словообразовательное гнездо. И это вполне оправданный ход лексикографов-авторов толкового словаря.

Если обратиться к соответствующей словарной статье активного толкового словаря, обнаружим, что, кроме особым образом структурированной информации в соответствии с концепцией зонного устройства словарной статьи, словарь отражает эксплицитную реакцию говорящего на ситуацию болтовни (в основном неодобрительную – а она разная: эмоционально-оценочное варьирование не исчерпывается только отрицательной оценкой), си-

стемные связи лексемы, сочетаемостные возможности слов данного словообразовательного гнезда, образные употребления и устойчивые выражения.

Однако, например, гендерная и связанная с ней оценочная семантика дериватов *болтун, болтушка, болтунья* более адекватно представлена все-таки в классических толковых словарях. Ср.:

БОЛТУН, СУЩ; МУЖСК, ОДУШ; *болтуна. Пустой болтун; Он не болтун, ему можно доверять.*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Человек, который очень любит говорить и говорит слишком много, обращая мало внимания на собеседника, и, говоря, может сказать то, чего говорить не следует, или то, чему нельзя верить'.

Лицо женского пола называется *болтунья* или *болтушка*.

– *Вы знаете, я не болтун и всегда точно знаю, о чем говорю* (Ю. Домбровский). *На мой ответ, что Герен жив и по-прежнему читает лекции, гость тихо засмеялся и сказал, что в жизни своей не видел большего болтуна и глупца* (Ю. Тынянов). *Сумма похищенных денег, пока это не было выяснено точно, возрасла на языке досужих болтунов до чудовищных размеров – чуть ли не до миллиона...* (В. Курицын). *Великий оратор превращался в болтуна, корифей науки в популяризатора чужих идей* (В. Гроссман). *Что же ты мелешь, болтун?!* (М. Шолохов)¹².

В случаях с нейтральным словом можно говорить о том, что в словаре активного типа Ю. Д. Апресяна имплицитная коммуникативно и когнитивно значимая информация представлена эксплицитно. Количественное соотношение так называемой энциклопедиче-

¹² *Активный словарь русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. – Т. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 316.*

ской и коммуникативно-прагматической информации зависит в значительной мере от семантических свойств лексемы (ср. *карта и болтать*). Эмотивно-оценочная лексика оказывается далеко не центральным объектом для создателей словаря, и это вполне понятно, т. к. прагматически нагруженные единицы не составляют ядро лексической системы языка, хотя значимость лексем с многослойной семантикой в коммуникативном процессе трудно переоценить. В данной ситуации неполная и непоследовательно представленная прагматическая информация о «поведении» слова отражает также проблемы практического лексикографирования «тонкой материи слова».

Сходные проблемы стоят и перед создателями двуязычного словаря активного типа. Практическая необходимость и теоретическая значимость подобных словарей, фиксирующих разнородную информацию о слове, неоднократно обсуждалась и в русистике.

В. Г. Гак, анализируя французско-русский словарь К. А. Ганшиной¹³, пишет: «<...> *frimaire* и *ventose* толкуются соответственно так: фример – третий месяц республиканского календаря, вантоз – шестой месяц республиканского календаря. Но неподготовленному читателю остается неясным, на какое же время года приходятся данные месяцы <...>. Слово *arpent* в этом же словаре переводится арпан (старая французская земельная мера), однако конкретно размер этой единицы не указывается <...>. Переводные и толковые словари порой умышленно воздерживаются от реальных определений и пояснений, даже если такое пояснение было бы более экономно. А между тем было бы нелишне в переводном,

например, словаре указывать содержание мер, назначение различных растений, моллюсков и т. п. Это, кстати, послужило бы оправданием включения того или иного специального термина в общий словарь» [4, с. 122].

В цитируемой работе автором сформулированы основные положения активной двуязычной лексикографии, которые нашли отражение не только во «Французско-русском словаре активного типа» В. Г. Гака и Ж. Триомфа¹⁴, но и других антропоцентрических словарях.

Конечно, словарь В. Г. Гака и Ж. Триомфа имеет иное назначение, чем одноязычные активные словари и «ставит своей целью эксплицитно показать соотношение между языком и речью. В словаре пассивного типа, где правая сторона известна читателю лучше, чем левая, этот переход осуществляет сам читатель. В словаре же активного типа необходимо показать пути перехода от системного значения слова и его перевода к типизированным контекстуальным значениям и их переводам, отмечая при этом те разнообразные средства, которыми располагает язык перевода для передачи различных значений слова исходного языка» [1, с. 5].

В. Г. Гак относит к универсальным словарям «Малый Робер»: «Тенденция лексикографии – создание словарей, описывающих отдельные стороны слова. Проблема в соединении этой разрозненной информации в словаре, который бы дал читателю целостное представление о слове. Опыт такого словаря – «Малый Робер»: толковый, орфоэпический, этимологический, идеографический, а также словарь синонимов и антонимов и т. п. Такой словарь можно назвать универсальным» [4, с. 124].

¹³ Французско-русский словарь / сост. К. А. Ганшина. – 6-е изд., исправл. и доп. – М.: Советская энциклопедия, 1971.

¹⁴ Французско-русский словарь активного типа / под ред. В. Г. Гака, Ж. Триомфа. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1998.

Универсализация словаря может идти не только путем расширения и углубления лингвистической информации. Она может состоять в сочетании сведений филологического и энциклопедического характера.

Сопоставляя словари В. И. Даля, «Малый академический словарь» и «Малый Робер», автор предлагает введение энциклопедического и культурно-исторического компонентов во все структурные элементы словарной статьи: в толкование, иллюстративный материал и специальный историко-этнографический комментарий (например, информацию об использовании серебра, о типах вулканов и их природе и др.) [4]. Как видим, идея зонирования словарной статьи, в какой-то степени реализованная в ТСУ, видоизменяется и становится сквозной для разных традиций и для разных лексикографов.

Теоретические положения, высказанные В. Г. Гаком, нашли практическое применение в двуязычном словаре активного типа В. Г. Гака и Ж. Триомфа. В нем сделана интересная и уникальная попытка соединить функции переводного и универсального словарей, включающих разноплановую информацию о языке – от лексической системы (тематические группы, фрагменты семантических полей) до грамматических сведений, например, о каузальных, возвратных и других глаголах.

Авторы переводного словаря активного типа опираются, безусловно, не только на толковые словари с элементами энциклопедического комментария, но и на лучшие образцы двуязычных словарей¹⁵.

Особое внимания лексикографов в представлении лексического и грамматического материала связано с теми фрагментами языка, которые содержат национально-культурный компонент и отражают особенности картины мира социума. Ср., например, фрагмент тематической группы терминов родства:

- *Ligne descendante* Нисходящая линия
- *arri ère-petits-enfants* правнучата, правнуки, правнучки
- *arrière-petit-fils* правнук
- *arrière-petite-fille* правнучка
- *petits-enfants* внучата, внуки, внучки
- *petit-fils* внук; *dim* внучек
- *petite-fille* внучка; *dim* внученька
- *enfants* дети; *dim* детки, деточки, детишки
- *fils* сын; *dim* сынок, сыночек, сынишка, сынуля
- *filles* дочь; *dim* дочка, доченька, дочурка¹⁶.

Авторы включают нетипичную для двуязычного словаря информацию о тематических группах (цветообозначения, «футбольная» и «шахматная» лексика, термины родства, карточные игры и др.), о составе и функционировании, например, каузальных глаголов, о способах выражения опасения, запрета, а также вопроса и отрицания и пр. – информацию, облегчающую освоение системных и функциональных параметров языка. В этом случае можно говорить о двойном адресате словаря – о пользователях, которые осваивают чужой язык, как русский, так и французский.

¹⁵ Французско-русский словарь / сост. К. А. Ганшина. – 6-е изд., исправл. и доп. – М., 1971; Новый французско-русский словарь. «Русский язык-Медиа», 2004. Гак В. Г., Ганшина К. А. 70 тыс. статей. АBBYY, 2006. 100 тыс. статей. Режим доступа: АBBYY Lingvo. Электронный словарь. Вып.: 14.0.0.390. 2008 АBBYY; Большой русско-французский словарь. «Русский

язык-Медиа», 2004, Щерба Л. В., Матусевич М. И., Воронцова Т. П. и др. 200 тыс. слов и словосочетаний. Режим доступа: АBBYY Lingvo. Электронный словарь. Вып.: 14.0.0.390. 2008 АBBYY.

¹⁶ Французско-русский словарь активного типа / под ред. В. Г. Гака, Ж. Триомфа. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1998. – С. 710.

Читатель словаря одновременно получает знания языка и знания о языке. Сравните способ представления сложного для освоения фрагмента семантического поля движения, в корне отличающийся от семантизации глаголов перемещения в традиционном двуязычном словаре: помимо привычного представления многозначного слова приводится таблица, в которой соотнесены русские приставочные глаголы с французскими полисемантами.

Французско-русский словарь К. А. Ганшиной в словарной статье многозначного глагола *entrer*, кроме семантики перемещения,

представляет производные значения (в предложных конструкциях) «вмещать *сто человек*», «поступать *в школу*», «участвовать в чем-либо», «способствовать чему-либо». Аналогичная словарная статья имеется и в активном словаре В. Г. Гака и Ж. Триомфа. Таблица глаголов движения расширяет семантическую структуру указанных глаголов, детализируя способ и среду перемещения, «собирая» лексико-семантическую глагольную группу, рассыпанную по разным словарным статьям в алфавитном порядке (табл.).

Таблица

Глаголы движения¹⁷
Les verbes de mouvement / *verbs of motion*

Direction du mouvement		Nature du mouvement				
Verbe français	préverbe russe	a pied идти	pas a pied ехать	en courant бежать	en volant лететь	en nageant плыть
entrer	в-	войти	въехать	вбежать	влететь	вплыть
sortir	вы-	выйти	выехать	выбежать	вылететь	выплыть
monter	в[з]-, воз- вс-, вос-	взойти	въехать	взбежать	взлететь	всплыть
descendre	с-, со-	сойти	съехать	сбежать	слететь	–
s'approcher	под-, подо-	подойти	подъехать	подбежать	подлететь	подплыть
s'éloigner	от-, ото-	отойти	отъехать	отбежать	отлететь	отплыть
arriver	при-	прийти	приехать	прибежать	прилететь	приплыть
s'en aller	у-	уйти	уехать	убежать	улететь	уплыть
(se) rassembler	с-, со- (-ся)	сойтись	съехаться	сбежаться	слететься	сплыться
(se) séparer	раз-, рас- (-ся)	разойтись	разъехаться	разбежаться	разлететься	расплыться
atteindre	до-	дойти	доехать	добежать	долететь	доплыть
tomber sur	на-	найти	наехать	набежать	налететь	–

Конечно, национально-культурная и историческая информация, на неполноту или отсутствие которой в словаре К. А. Ганшиной

указывал В. Г. Гак, далеко не во всех случаях отражена и в словаре активного типа: так, недостаточно полно, с точки зрения В. Г. Гака,

¹⁷ Французско-русский словарь активного типа / под ред. В. Г. Гака, Ж. Триомфа. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1998. – С. 1018.

истолкованные К. А. Ганшиной словарные единицы, в его словаре вообще лишены комментария (*frimaire* – фример; *ventose* – вантоз). Это не первый и не последний случай, когда теоретические установки создателей словаря не находят полной реализации в практической лексикографии, последнее свидетельствует об объективных сложностях смены парадигмы лексикографического описания.

Выбор тех или иных фрагментов лексической и грамматической системы или некоторых речевых жанров для подобной развернутой презентации в словаре обусловлен представлениями лексикографов о степени их значимости для овладения языковой и коммуникативной компетенциями чужого языка: это зоны несовпадения, зоны, содержащие в наиболее яркой форме национально-культурную специфику, отмеченные наличием лакун разных типов.

В зону внимания лексикографов, естественно, попадают не все заслуживающие особого внимания лексические парадигмы. Так, например, наименования городского пространства в этом словаре не даются как отдельная тематическая группа, элементы которой сопровождалась бы каким-либо энциклопедическим комментарием, – это свидетельствует о том, что городские наименования не рассматриваются авторами как требующие специального лексикографического описания. Приведем типичные примеры из француско-русского словаря В. Г. Гака, Ж. Триомфа, которые вряд ли позволяют адекватно представить себе пространство французского города со всеми его особенностями для русского пользователя словаря: *boulevard* – бульвар; *avenue* – 1. проспект, авеню. *L'avenue des Champs Elysée*; *parvis* – паперть и др.: нет пояснений о

том, что *parvis de Saint-Morice* – это городская номинация площади вокруг собора, на которой расположены дома, т. е. наблюдается явное расхождение в интерпретации городского пространства.

А в толковом словаре Ю. Д. Апресяна словарная статья слова *бульвар* включает информацию об устройстве (*Улица в городе, в середине которой по всей длине растут два ряда деревьев, между которыми устроено пространство, предназначенное для гулянья, или само это пространство*), о соотношении имени нарицательного с именем собственным, о возможном местоположении (*на набережной*). Обычно у топонимов *улица, площадь* и прочие «пассивные» словари не комментируют «урбанистическое» значение (в отличие, например, от итальянских толковых словарей: *in urbanistica e toponomastica*). Трудно согласиться, правда, с разработчиками активного словаря русского языка, что у слова *бульвар* единственная коннотация «невзыскательный вкус массового читателя или зрителя». Слово *бульвар* вызывает совсем иные ассоциации: *Капуцинов, улица, Гагарина, прогулка, Цветной, широкий, авеню, аллея, большой, город, гулять, дорога, ... в Париже, ... для двоих, зеленый, зелень, идти, каменный, Монпарнас, ... погулять, полон народа, проспект, проституция, ... скамейка, темный, теней, Юности* [РАС]¹⁸. Кроме того, спорной является привязка бульвара к набережной – это частный случай устройства городского пространства.

Возвращаясь к словарю В. Г. Гака и Ж. Триомфа, отметим, что подобное «игнорирование», например, пространственной лексики легко объяснимо: чтобы тот или иной словарный фрагмент стал объектом специального внимания лексикографов, нацеленных на

¹⁸ Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь. Т. 1 – М.: Астрель, 2002.

фиксацию когнитивных и прагматических сведений о слове, данный участок лексической системы языка должен быть изучен сопоставительной лингвистикой и лингвокультурологией как значимый для национальных картин мира.

Если же обратиться к эмотивно-оценочной лексике, давно осмысленной как прагматически маркированный фрагмент словаря, то придется констатировать, что она тоже выпадает из поля зрения авторов – никаких дополнительных сведений о том, как слово «работает» в речи, в словарной статье не содержится. Лексикографы предлагают полностью довериться чутью пользователя, знающего оценочное значение слов, с помощью которых переводится на русский французский глагол.

Ср.:

Caqueter – 1. Квохтать, кудахтать; 2. Перен. Болтать, тараторить.

Radoter – 1. Говорить вздор; 2. Повторяться.

Déraisonner – нести (молоть) вздор.

Jaser – 1. Болтать, судачить, заниматься пересудами; 2. Проболтаться.

Bavarder – много, быстро говорить, пустословить.

Faire de blabla (fam.) – болтать языком¹⁹.

Социальные, возрастные, гендерные и связанные с ними оценочные характеристики слов *caqueter*, *bavarder*, *bavard*, *babillard*, *moulin à paroles* и др. остаются за кадром, хотя адресат активного словаря ожидает, что имплицитная прагматическая информация будет эксплицирована лексикографами.

Подведем итоги

1. Обращение к принципу универсализма в зарубежной и отечественной лексико-

графии связано с коммуникативно-когнитивными аспектами изучения слова, с накоплением сведений об интегральной структуре лексического значения, о коммуникативных свойствах слова, о факторах адресата и адресанта. Поиск и выбор термина для обозначения словаря нового типа обусловлен тем объемом необходимой и достаточной информации о слове, которая должна быть включена в словарь с точки зрения лексикографа, энциклопедической и прагматической.

2. Теоретическая лексикография вполне непротиворечиво разводит термины «активный» и «универсальный» словарь. На практике же словари, созданные под руководством Ю. Д. Апресяна, будучи универсальными, опирающимися на интегральное описание языка, называются активными, хотя, скорее, активный словарь [2] ориентирован на пользователя, а не на исследователя. Лексикографы же относят эти словари к словарям-исследованиям, дающим богатый материал и методику анализа лексических единиц: «В словаре реализована идея интегрального лингвистического описания, предусматривающего максимальную согласованность грамматических и лексических характеристик. <...>. Словарь ориентирован на отражение языковой, или «наивной», картины мира [18, с. 99; 19].

3. Для двуязычной лексикографии разведение этих терминов более актуально: словарь активного типа дает пользователю инструмент овладения коммуникативными навыками: как построить вопрос, отрицание, как отказать или попросить, как выбрать слово, например, в группе глаголов движения, как освоить фрагмент лексической системы языка и др. Словарь В. Г. Гака и Ж. Триомфа позволяет решать коммуникативные задачи,

¹⁹ Французско-русский словарь активного типа / под ред. В. Г. Гака, Ж. Триомфа. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1998.

предлагая «правила употребления слова», что соответствует задачам словаря активного типа.

4. Семантические, тематические и грамматические фрагменты или врезки в лексикографировании единиц какой-либо лексической парадигмы связаны не только с проблемой отбора языкового материала, но также и с вопросами о необходимой и достаточной информации национально-культурного, идеологического, коммуникативного и др. характера.

Можно обсуждать объем, виды, способы представления такой информации, однако любой подобный словарь имеет свою ценность для специалистов-филологов и для изучающих иностранный язык. Располагая такими разными словарями активного типа, можно говорить и о том, что для единиц разных лексических полей, групп, классов, должен существенно различаться и подход к лексикографированию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гак В. Г., Триумф Ж.** Предисловие // Французско-русский словарь активного типа. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1998. – С. 5–7.
2. **Alain R., Delesalle S.** Problèmes et conflits lexicographiques. In: *Langue française*, no 43, 1979. Dictionnaire, sémantique et culture, sous la direction de Simone Delesalle et Alain Rey, pp. 4–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.3406/lfr.1979.6160>
3. **Рей А., Делесаль С.** Проблемы и антиномии лексикографии / пер. с фр. И. Ю. Доброхотовой // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии: сб. статей / под ред. Т. С. Зевахиной, Б. Ю. Городецкого – М.: Прогресс. 1983. – С. 261–301.
4. **Гак В. Г.** Проблема создания универсального словаря (энциклопедический, культурно-исторический и этнолингвистический аспекты) // Национальная специфика языка и её отражение в словаре: сб. статей / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – С. 119–125.
5. **Морковкин В. В.** Антропоцентрический версус лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и её отражение в словаре: сб. статей / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – С. 131–136.
6. **Апресян Ю. Д.** Предисловие // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. – М.; Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 2004. – С. 8–11.
7. **Апресян Ю. Д.** Об Активном словаре русского языка // Активный словарь русского языка. Т. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 5–32.
8. **Теоретическая семантика и идеографическая лексикография:** эволюция интерпретаций: тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной 40-летию образования и научной деятельности кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета. 23–24 октября 2014. Екатеринбург, Россия. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2014. – 150 с.
9. **Щерба Л. В.** Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность: сб. статей / ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. – С. 265–304.
10. **Караулов Ю. Н.** Общая и русская идеография. – М.: URSS, 2014. – 360 с.
11. **Шведова Н. Ю.** Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре: сб. статей / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – С. 6–11.

12. **Апресян Ю. Д.** «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка»: предисловие ко второму изданию // Славянская лексикография: международная коллективная монография / под ред. М. Чернышевой. – М.: Азбуковник, 2013. – С. 445–470.
13. **Скляревская Г. Н.** К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре: виды реализации и способы описания: сб. статей / под ред. Г. Н. Скляревской. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1997. – С. 6–13.
14. **Langacker R.** An Interview with Ronald Langacker, by Jozsef Andor. In Acta Linguistica Hungarica. Cognitive Grammar: The State of the Art and Related Issues. – Vol. 52 (4). – 2005. – P. 343.
15. **Скляревская Г. Н.** Прагматика и лексикография // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: сб. статей к 60-летию члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова / ред. Ю. С. Степанов, Е. А. Земская, А. М. Молдован. – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – С. 63–71.
16. **Апресян Ю. Д.** Прагматическая информация для толкового словаря // Ю. Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т.2. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 766 с.
17. **Вендлер З.** Иллокутивное самоубийство / пер. с англ. А. А. Зализняк // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика: сб. статей / общ. ред. Е. В. Падучевой – М.: Прогресс, 1985. – С. 228–250.
18. **Козырев В. А., Черняк В. Д.** Русская лексикография. – М.: ДРОФА, 2004. – 286 с.
19. **Лукьянова Н. А.** Типология русских лингвистических словарей // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – 2005. – Т. 4, Вып. 4. – С. 20–45.

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.01)

Bulygina Elena Yurievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID iD [0000-0001-5191-7896](https://orcid.org/0000-0001-5191-7896)

E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

Tripolskaya Tatiana Aleksandrovna, Doctor of Philological Sciences, Professor of Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID iD [0000-0003-0820-0325](https://orcid.org/0000-0003-0820-0325)

E-mail: tr_tatiana@mail.ru

UNIVERSAL AND ACTIVE DICTIONARIES: DEVELOPMENT LEXICOGRAPHIC TRADITIONS OR RETURN TO THE ROOTS

Abstract

The general idea of the active type dictionary was introduced by A. Rey and S. Delesalle: "a dictionary begins to live from the moment when it presents not only meaning of the words but their functioning" (1983).

The concept of Active dictionary was further developed in Russian studies. If A. Rey and S. Delesalle focused on pragmatic information in a dictionary entry, Russian lexicographers discuss the problem of the relation between linguistic and encyclopedic information in the dictionary, offering to "walk away" from the minimization of the classical dictionaries (Gak).

In the modern theoretical lexicography it is of importance to create a universal/active dictionary: the purpose of the dictionary, the recipient, the amount of lexicographic information, methods of presentation, sources and metalanguage (Apresyan). Recognizing all the problems associated with the new type of dictionary let's focus on the issues of volume and the ratio of semantic and pragmatic information about the word in a bilingual active dictionary.

The main concept of the active bilingual lexicography is reflected in the French-Russian active type dictionary, which has a different purpose than active monolingual dictionaries and "aims to explicitly show the relations between language and speech: show the transition from a system of word meaning and its translation to typed contextual meanings and their translation, noting the diverse resources available to the target language to convey various meanings of the source language" (Gak, Triomphe).

The authors follow the cognitive-encyclopedic trend, and tend to include certain information not typical of a bilingual dictionary (such thematic groups as "soccer" and "chess" vocabulary, kinship terms, card games, etc.), or information on composition and functioning of causal verbs, the speech genres of Fear or Prohibition, as well as the ways of expressing Interrogation or Negation, etc. Such information that facilitates mastering the system and functional parameters of the language. In this case, we can speak about a different recipient of the dictionary – about the user who is mastering a foreign language. The user simultaneously receives knowledge of language and knowledge about language.

Pragmatic information (the emotional-evaluative, ethnic, cultural, ideological, gender, social, etc.) is not yet conceptually comprehended as an object of lexicographic description. The dictionary information is often incomplete, inconsistent and controversial.

Keywords

Lexicography, active dictionary, pragmatic component, semantics of the word

REFERENCES

1. Gak V. G., Triomphe J. Preface. *French- Russian dictionary of the active type*. Moscow, Russian Language Publ., 1998, pp. 5–7. (In Russian)
2. Alain R., Delesalle S. Problèmes et conflits lexicographiques. *Langue française*. no. 43, 1979. Dictionnaire, sémantique et culture, sous la direction de Simone Delesalle et Alain Rey. pp. 4–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.3406/lfr.1979.6160>
3. Alan R., Delesalle S. Problems and antinomy lexicography. Translated from the French I. Y. Dobrokhotova. *New in foreign linguistics*. vol. 14. Problems and methods of lexicography. (eds.) T. Zevachina, B. Gorodezsky. Moscow, Progress Publ., 1983, pp. 261–301. (In Russian)
4. Gak V. G. The problem of creating a universal dictionary (encyclopedic, cultural-historical and ethno-linguistic aspects). *National specificity of language and its reflection in the dictionary*. (ed.) Yu. Karaulov. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 119–125. (In Russian)
5. Morkovkin V. V. The anthropocentric versus lingvocentric approach to lexicographical description. *National specificity of language and its reflection in the dictionary*. (ed.) Yu. Karaulov. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 131–136. (In Russian)
6. Apresyan Yu. D. Preface. *New explanatory dictionary of synonyms Russian language*. (ed.) Yu. D. Apresyan. Moscow, Slavic Culture Languages Publ., Vienna, Viennese Slavonic Almanac, 2004, pp. 8–11. (In Russian)
7. Apresyan Yu. D. About active dictionary of the Russian language. *Active Dictionary of Russian language*. vol. 1. Moscow, Slavic Culture Languages Publ., 2014, pp. 5–32. (In Russian)
8. *The theoretical semantics and ideographic lexicography: the evolution of interpretations*. Reports of the International scientific conference devoted to the 40th anniversary of education and research activities of the department of modern Russian language and Applied Linguistics of the Ural Federal University. October 23–24, 2014. Ekaterinburg, Russia. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2014, 150 p. (In Russian)
9. Szczerba L. V. The experience of the general theory of lexicography. *Language system and speech activity*. (eds.) L. Zinder, M. Matusevich. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 265–304. (In Russian)
10. Karaulov Yu. N. *General and Russian ideography*. Moscow, URSS Publ., 2014, 360 p.
11. Shvedova N. Yu. Paradoxes of the entry. *National specificity of language and its reflection in the dictionary*. (ed.) Yu. Karaulov. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 6–11. (In Russian)
12. Apresyan Yu. D. «New explanatory dictionary of Russian synonyms»: the preface to the second edition. *Slavic lexicography*. International collective monograph. (ed.) M. Chernysheva. Moscow, Azbukovnik Publ., 2013, pp. 445–470.
13. Sklyarevskaya G. N. About pragmatic information in the Dictionary: are pragmatic litters? *Linguistic pragmatics in the dictionary: types of implementation and ways to describe*. (ed.) G. Sklyarevskaya. St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 6–13. (In Russian)
14. Langacker R. An Interview with Ronald Langacker, by Jozsef Andor. *In Acta Linguistica Hungarica*. Cognitive Grammar: The State of the Art and Related Issues. vol. 52 (4), 2005, p. 343.
15. Sklyarevskaya G. N. Pragmatics and lexicography. *Language – system. Language – text. Language – the ability*. (eds.) Yu. Stepanov, E. Zemskaya, A. Moldovan. Moscow, Institute of Russian Language of the RAS Publ., 1995, pp. 63–71. (In Russian)
16. Apresyan Yu. D. Pragmatic information for explanatory dictionary. *Apresyan Yu. Integral description of language and systematic lexicography. Selected works*. vol. 2, Moscow, Russian Language Culture Publ., 1995, 766 p. (In Russian)

17. Vendler Z. Illocutionary suicide. Translated by A. A. Zaliznyak. *New in foreign linguistics*, vol. 16. The linguistic pragmatics. (ed.) E. Paducheva Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 228–250. (In Russian)
18. Kozyrev V. A., Chernyak V. D. *Russian lexicography*. Moscow, DROFA Publ., 2004, 286 p. (In Russian)
19. Lukyanova N. A. Typology of Russian language dictionaries. *Vestnik NSU. History, Philology*, 2005, vol. 4, pp. 20–45. (In Russian)

© Анна Бонола

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.02)

УДК 81.374 + 81.374.82

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА *ВДРУГ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ПЕРЕВОД НА ИТАЛЬЯНСКИЙ: КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО РУССКО-ИТАЛЬЯНСКОГО КОРПУСА

Анна Бонола (Милан, Италия)

*Представленный в этой работе анализ начинается с краткого описания лексикографической традиции передачи смысла слова *вдруг* в русских одноязычных словарях, различающей семантику употреблений этого слова в качестве наречия способа действия, и в качестве модально-условной частицы; при этом в наречном употреблении особым образом выделяется психологический аспект значения.*

*Затем рассматривается диахроническое исследование изменения значений, в которых употреблялось слово *вдруг* с XVI в. до наших дней, основанное как на описаниях словарей русского языка соответствующего периода, так и на данных текстов, вошедших в национальный корпус русского языка. Кроме того, в статье осуществляется попытка анализа металингвистического осознания значений слова *вдруг* на основе текстов, в том числе поэтических, начала XX в., при этом специальное внимание уделяется развитию текстуально-нарративного значения; после чего будет проанализирован прагматический потенциал этого слова.*

*Далее в статье рассматриваются различные варианты передачи слова *вдруг* в итальянских переводах, используя для этой цели параллельный итальянско-русский и русско-итальянский подкорпус НКРЯ. В статье представлены соответствия значений слова *вдруг* различным переводческим приёмам, опирающимся не только на лексические эквиваленты, но и на морфологические, и даже на синтаксические средства итальянского языка.*

*На основе проведенного анализа уточняется, каким семантическим признакам русского *вдруг* лучше соответствуют разные итальянские эквиваленты с учётом их маркированности, что может помочь избежать возникновения искажений семантического потенциала слова *вдруг* в переводческой практике.*

Ключевые слова: русско-итальянский контрастивный анализ лексики, русская частица *вдруг*, русско-итальянский параллельный корпус, перевод, русская лексикография

Бонола Анна – доктор наук, профессор славистики, факультет иностранных языков и литературы, Миланский католический университет.

E-mail: anna.bonola@unicatt.it

1. Значения слова *вдруг* в русской лексикографии

В русской лексикографии Д. Н. Ушаков¹, В. И. Чернышев², А. П. Евгеньева³, С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова⁴, С. А. Кузнецов⁵, Д. В. Дмитриев⁶ слово *вдруг* толкуют как наречие и как частицу. Понятие частицы в русском языке представлено и в других работах [1–3]). Наречие обозначает *образ действия*: а) по отношению к психологическому ожиданию говорящего (*‘неожиданно’*, *‘внезапно’*); б) по отношению ко времени (*‘сразу’*, *‘немедленно’*, *‘тотчас’*, *‘одновременно’*, *‘разом’*). Значения временного модуса (б) *‘сразу’*, *‘немедленно’* и *‘тотчас’*, приводятся в некоторых словарях как *устарелые* формы (А. П. Евгеньева), а в других словарях (В. И. Чернышев, С. А. Кузнецов) они указываются как *разговорные*; а значения *‘разом’* и *‘одновременно’* (зачастую в сопровождении слов *все* или *все*) обычно несут только помету «разговорные». Необходимо отметить, что хотя значение слова *вдруг*, используемого в смысле *‘неожиданно’* или *‘внезапно’*⁷, в таких фразах как

(1) *Вдруг* раздался крик

по большей части относится к ожиданию говорящего, тем не менее оно может иметь некоторый компонент значения, относящийся ко времени, т. к. то, что вызывает в нас удивление, часто происходит стремительно. Дей-

ствительно, во многих примерах есть семантические элементы, указывающие на скорость действия, такие как глагольные формы в следующих фразах:

(2) *Вдруг* из-за поворота *выскочила* машина. (С. А. Кузнецов)

(3) *Вдруг* в то ущелье, где уж свернулся, *пал с неба* сокол с разбитой грудью. М. Горький, *Песня о Соколе* (А. П. Евгеньева)

(4) Чайка, *взмывшая* над кормой, становится *вдруг* вся золотую. Соколов-Микитов, *Чарши* (А. П. Евгеньева)

В любом случае в лексикографии первое, психологическое, значение слова *вдруг* отчетливо указывается в качестве современного и преобладающего употребления. Д. Н. Ушаков, например, приводит его в качестве единственного значения наречия *вдруг*, опуская значения временного модуса; только в зарубочной зоне фразеологического использования мы находим пример, в котором *вдруг* обозначает *разом*.

ВДРУГ, нареч. Неожиданно, внезапно.

❖ *Всё вдруг, все вдруг* (разг.) – *разом, всё или все вместе*. Подходите по очереди, не все *вдруг*. *Всё вдруг* истратил. (Д. Н. Ушаков)

Таким образом, *вдруг* – это наречие способа действия, относящееся к неожиданности

¹ Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М.: Сов. энцикл., 1935–1940.

² Чернышев В. И. Словарь современного русского литературного языка: в XVII т. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950–1965.

³ Евгеньева А. П. Словарь русского языка: в 4 т. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957–1961.

⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1992.

⁵ Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998.

⁶ Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка. – М.: Астрель - АСТ, 2003.

⁷ *Неожиданно* и *внезапно* с точки зрения формы слова являются полными синонимами, потому что, как указывает М. Фасмер, *внезапно* происходит из др.-русс. *запа*, *заапа* (надежда, ожидание). Ст.-слав. *въ незаѣпж*.

происходящего, или относящееся к временному протеканию действия (указывая в этом случае на стремительность действия или на несколько одновременных действий). Хотя первое значение на сегодняшний день является наиболее общеупотребительным, необходимо отметить, что во многих контекстах, как старых, так и современных, трудно исключить одно из двух значений. Итак, смешанные случаи, в которых сочетаются оба значения, очень частотны.

До сих пор мы имели дело с лексикографическим описанием семантики *вдруг* как наречия; если же *вдруг* толкуется как частица, то ей присваивается предположительное значение, однако словари различают употребление в вопросительных и в утвердительных предложениях (о частицах в ответных репликах [4]).

В вопросах, обычно в начальной позиции, *вдруг* соответствует по значению словам: *а если*, *а что если* и выражает предположение нежелательного, опасение:

(5) Страшно: *вдруг* доктора ошиблись?
Вдруг он не будет владеть руками как следует?
(Панова, Спутник) (А. П. Евгеньева)

Слову *вдруг* может предшествовать союз *а*:

(6) *А вдруг* гроза?

Согласно словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой в утвердительных предложениях, часто в сочетании с предшествующим

союзом *а*, *вдруг* выражает не опасение, а просто возможность чего-нибудь нежелательного и предупреждение:

(7) Дожда не будет. *А вдруг*. (С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова)

Несмотря на то, что большинство словарей приводят примеры, в которых частица *вдруг* встречается в предложениях, содержащих нежелательное предположение, это не является обязательным. Так, например, Д. В. Дмитриев предлагает положительное толкование и не указывает на какую-либо необходимость использовать частицу *вдруг* в негативных контекстах: «когда вторую часть предложения вы начинаете со слов **(а) вдруг**, вы хотите высказать своё предположение о том, что может произойти»⁸.

(8) Я взяла их визитные карточки, *а вдруг* пригодятся?

Итак, согласно лексикографии, слово *вдруг*, используемое как частица, имеет модально-условное значения.

2. Диахроническое исследование

Наш интерес сосредоточится здесь не столько на этимологии слова *вдруг*⁹, сколько на развитии его значений. В Словаре русского языка XI–XVII вв. в качестве самого древнего вхождения отмечается форма *в другъ*, употреблённая в Новгородской судной грамоте

⁸ Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка. – М.: Астрель - АСТ, 2003.

⁹ Эта форма приводится как древнерусская, т. е. восточно-славянская, и указывается на связь с формой *друг* (друг, товарищ, иной, *alius*), которая в свою очередь имеет индо-европейское происхождение (Филин Ф. П. Словарь русского языка XI–

XVII вв. – М.: Наука, Академия Наук СССР, 1975; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – 4-е изд. – М.: Прогресс, 1964–1973; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Русский язык, 1999).

(1471), но возможны и формы *вдрух*, *въдругъ*¹⁰. Кроме того, в качестве первого значения этого наречия даются значения способа действия и временное, а именно а) *одновременно*, б) *вместе*, в) *сразу, одним разом, в один прием* (с примерами XVII в.):

ВДРУГЪ, нареч. 1. *Одновременно*. А кто на комъ поищетъ наѣзда или грабежа въ земномъ дѣлѣ, ино судити напередъ наѣздъ и грабежъ, а о земли послѣ судъ... А кои истецъ похочетъ искать наѣзда или грабежа и земли в другъ, ино другому истцу ему отвѣчать. Новг. судн. гр. 1471 г. * Ты меня з двора послалъ не могу два дѣла въдругъ здѣлать. Simul facere, zugleich thun. Lud., 58. 1696 г. || *Вместе*. Еще принято · гї · ал<тын> · в̄ · де<нъги> что с начетными денгами вдрух принято по розписи. Кн. осмирубл. бору, 11 об. 1685 г. Въдругъ, вмѣстѣ. Там же, 41. 1696 г. || *Сразу, одним разом, в один прием*. А давать имъ [стрельцам] кормъ и питье понеделно, а вдругъ болши недели не давати. Астрах. а., № 1572. 1644 г. А жалуеть де пословъ Абда-Азизъ царь денежнымъ жалованьемъ вдругъ съ приѣзду и до отпуску. Нак. Паз., 47. 1669 г. (Ф. П. Филин).

Тогда как самое распространѣнное в современном языке значение, а именно значение неожиданности ('неожиданно', 'внезапно'), приводится в качестве вторичного:

2. *Неожиданно, внезапно, вдруг*. Прибыла в Купѣ и в Мукѣ вода велика вдруг и гѣдрвы хлѣбные запасы в онбарех с ысподѣ мѣшка в два подмочило. Якут. а., карт. 4, № 40, сст. 6. 1644 г. Какъ поехали, лошади под ними взоржали вдругъ, и коровы тутъ взревели... ужасъ на всѣхъ напалъ. Ав. Ж., 35. 1673 г. (Ф. П. Филин).

Употребление *вдруг* в качестве модальной частицы не упоминается вовсе.

Данные, которые можно получить с помощью диахронических запросов к НКРЯ, т. е. отталкиваясь от Старорусского корпуса и постепенно приближаясь к современному русскому языку, подтверждают лексико-графическую трактовку. В частности, мы произвели поиск формы *вдруг* как частицы в вопросительных предложениях (вдруг *bques*), и проанализировали количественное расхождение с встречаемостью *вдруг* в качестве наречия без ограничений на тип предложения (вдруг ADV). Это расхождение действительно оказалось разительным: в текстах основного корпуса НКРЯ (середина XVIII в. – середина XIX в.) на запрос (вдруг ADV) выдаются 6 858 вхождений, тогда как запросу (вдруг *bques*) соответствуют только четыре примера, восходящих к середине XIX в., в трёх из которых *вдруг* очевидно употребляется в значении 'неожиданно', как в (9):

(9) Да что ж с ним сделалось *вдруг*? (А. Ф. Вельтман. *Приключения, почерпнутые из моря житейского*. Саломея, 1848)

и только в одном случае, как нам представляется, можно утверждать, что *вдруг* появляется в гипотетико-предположительном контексте:

(10) Что ж пользы? не лучше ли сказать *вдруг*? – Да, о чем вы меня спрашиваете? (И. А. Гончаров. *Обыкновенная история*, 1847).

Тот же самый запрос, обращѣнный к текстам периода с 1850 г. по 1900 г. основного корпуса, дал следующий результат:

¹⁰ Филин Ф. П. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, Академия Наук СССР, 1975.

вдруг ADV Найдено 1 463 документа, 26 491 вхождений.

вдруг bques Найдено 32 документа, 38 вхождений.

Мы проанализировали вопросительные предложения, в которых увеличивается вероятность того, что *вдруг* встретится в роли модально-предположительной частицы, и обнаружили, что в большей части найденных 38 примеров *вдруг* употребляется в значении 'неожиданно' в эллиптических вопросительных конструкциях (11), (12), т. е. без значения предположения:

(11) Да как же это так *вдруг*? Но что с нею *вдруг*?

(12) – Давно ли? – опросила она взволнованным голосом. – Недавно, – отвечал Терхов. – Что же он заболел *вдруг*? – расспрашивала Сусанна Николаевна. – Не думаю, чтобы *вдруг*; но, как мне писали, он сам был причиной своей смерти: кутил и пил, как я не знаю кто! (А. Ф. Писемский. Масоны, 1880)

Однако изредка встречаются контексты, в которых *вдруг* в вопросительных предложениях выражает опасение:

(13) Жених развел руками. – Совсем нельзя этому быть-с, – сказал он. – После смерти покаяние не бывает. А *вдруг*? Ведь уже обвенчаешься, так уж потом развенчивать не будут. (Н. А. Лейкин. Приемка приданого, 1879–1898)

(14) – Чего? – Ты увлечешься. – Есть чем. – А *вдруг*? – Ты опять за свое. Повторяю, что ты должна согласиться, так как это единственный исход в нашем положении, иначе, несмотря на мою страстную любовь к тебе, я не

желаю подвергать тебя и себя неприятностям и лучше уеду от греха. – Это невозможно! [Н. Э. Гейнце. В тине адвокатуры, 1893]

В следующем примере *вдруг*, вероятнее всего, имеет значение 'неожиданно', и при этом встречается в конструкции, выражающей предположение чего-то неожиданного:

(15) «Каждый год, – думает она, – к именинному пирогу из-за тысячи верст приезжал, а теперь в одном городе, да ровно сгиб-пропал... Не случилось ли уж чего? Лошади не разбили ль? Не захворал ли **вдруг**?» Обливается тоской сердце Татьяны Андревны... (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая, 1875–1881)

Следовательно, употребление наречия *вдруг* в значении 'неожиданно' или в качестве модальной частицы со значением предположения чего-то нежелательного (или опасения) всё больше распространяется начиная с середины XIX в. в ущерб значениям временного модуса, которые прежде употреблялись намного больше. Приведём несколько примеров употребления *вдруг* в качестве модальной частицы:

(16) Еще больше тосковали во время тех страшных и не совсем ясных мыслей, что *вдруг* приходили в бессонные ночи на чужих диванах. – А *вдруг*? а *вдруг*? а *вдруг*? лопнет этот железный кордон... (М. А. Булгаков. Белая гвардия, 1923–1924)

(17) Так вот, я СТРУСИЛ защищать власовца перед особистом, я НИЧЕГО НЕ СКАЗАЛ И НЕ СДЕЛАЛ, Я ПРОШЕЛ МИМО, КАК БЫ НЕ СЛЫША – чтоб эта признанная всеми чума не перекинулась на меня (а *вдруг* этот власовец какой-нибудь свержлодей?

А *вдруг* особист обо мне подумает? А *вдруг*? Да проще того, кто знает обстановку тогда в армии – стал ли бы еще этот особист слушать армейского капитана? И со зверским лицом особист продолжал стегать и гнать беззащитного человека как скотину. Эта картина навсегда перед мною осталась. (А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ, 1958–1973)

Кроме того, находятся разнообразные подтверждения особой развитости металингвистического осознания этого употребления:

(18) Каратели, убийцы, мародеры – но какое отношение они могли иметь к разыскиваемой нами рации и вообще к шпионажу? Зачем они нам? Зачем я трачу на них время? А *вдруг*? ... Это «А *вдруг*?» всегда подбадривает при поисках, порождает надежду и энергию. Но я клевал носом и еле соображал. (В. Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого...), 1973)

(19) Вчера от него не было прока, сейчас прока нет, а завтра вдруг будет. Пусть даже Данилов слишком увлечен земным. А может, именно благодаря тому, что увлечен. – Держать демона на договоре ради этого «*вдруг*»? – поморщился заместитель Валентина Сергеевича. – Ради «*вдруг*»! – сказал Малибан. (В. Орлов. Альтист Данилов, 1980)

(20) Изменились планы. И эпизод снимается в другом порядке. Но отпустить их никто не решается. А *вдруг*? Что «*вдруг*»? *Вдруг* понадобятся. Кинематографическое «а *вдруг*», оно уже давно прописалось на студии и никого не возмущало. (Л. Гурченко. Аплодисменты, 1994–2003)

Металингвистическое осознание значения опасения слова *вдруг* проникает и в язык

поэтического текста, как показывают следующие стихи М. Цветаевой, найденные в поэтическом корпусе НКРЯ:

Удар, заглушенный годами забвенья,
Годами незнания.
Удар, доходящий – как женское пенье,
Как конское ржанье,

Как страстное пенье сквозь косное
зданье

Удар – доходящий.
Удар, заглушенный забвенья, незнания
Беззвучною чащей.

Грех памяти нашей – безгласой,
безгубой,

Безмясой, безносой!

Всех дней друг без друга, ночей друг без
друга

Землею наносной

Удар – заглушенный, замшенный – как
тиной.

Так плющ сердцевины

Съедает и жизнь обращает в руину...

– Как нож сквозь перину!

... Оконною ватой, набившейся в уши,
И той, заоконной:

Снегами – годами – пудами бездушья

Удар – заглушенный...

А что если *вдруг*

.....

А что если *вдруг*

А что если – вспомню?

(М. И. Цветаева. «Удар, заглушенный годами забвенья...», Надгробие, 4, 1933)

Анализ примеров со словом *вдруг* в текстах XX в. выявляет ещё одну функцию,

выходящую за рамки модального значения и работающую на уровне связности текста, а именно: *вдруг* маркирует не только неожиданное явление, но также продвижение наррации как в (21):

(21) Она скандалит и бежит под дождем. Он, конечно, читает заметки на коре дерева, сделанные когтями гризли, но не находит никаких указаний. И *вдруг*... – И *вдруг*?! – спросил встревоженный Детрей. – Зуб прошел сам. Не обижайтесь на меня, милый, я вас очень люблю. (А. С. Грин. Джесси и Моргана, 1928)

Это текстуально-нарративное значение [5–6] выступает на первый план в следующей цитате (22) из *Петербурга* Андрея Белого, отражающей металингвистическое наблюдение автора: значение, которое *вдруг* приобрело в русской нарративной традиции, стало настолько сильно, что автор решает олицетворить частицу *вдруг* и сделать её страшным, роковым героем своего романа.

(22) И при том лицо лоснилось Читатель! «*Вдруг*» знакомы тебе. Почему же, как страус, ты прячешь голову в перья при приближении рокового и неотвратного «*вдруг*?» (Андрей Белый. *Петербург*, 1913–1914)

Вдруг, исполняющее нарративную функцию, мы будем называть «нарративным

вдруг»; оно маркирует внезапное – не всегда быстрое или неожиданное – развитие событий. Эта функция получает распространение в русской литературе, особенно в нарративе XIX в., достигая пика в творчестве Ф. М. Достоевского¹¹.

Итак, попробуем подвести частичные итоги. Чаще всего в современном русском языке *вдруг* маркирует:

- неожиданность действия относительно горизонта ожидания говорящего;
- предположение или необоснованное ожидание говорящего;
- опасение чего-то нежелательного;
- новый шаг в нарративном повествовании.

3. Прагматический потенциал *вдруг*

Семантикой и коннотативным компонентом [9–10] слова *вдруг* занимались в рамках языковой картины мира А. Д. Шмелев и Т. В. Булыгина [11–12], которые показали, что *вдруг* употребляется для обозначения случайных – как бы иррациональных – переходов в нарративных текстах, переходов не мотивированных прежними условиями и нарушающих логическое развитие действия.

(23) Что это ты *вдруг* такой расстроенный? Куда это ты *вдруг* собрался?

¹¹ По поводу употребления *вдруг* Ф. М. Достоевским, И. В. Ружицкий пишет: «Анализ функционирования идиоглоссы “вдруг” позволил высказать предположение о том, что в этом слове сконцентрировано отношение Ф. М. Достоевского ко времени и к любому человеческому поступку в этом времени. В нём – случайность, неожиданность, а главное – неподчинённость поступка и мысли объективным причинно-следственным законам. *Вдруг*, реализуя

такие семантические оппозиции, как рациональность ≠ иррациональность, случайность ≠ закономерность, одновременность ≠ последовательность, мгновенность ≠ постепенность, целиком ≠ по частям, непредсказуемость ≠ заданность и т. п., выполняет тезаурусообразующую функцию, скрепляя остальные элементы текстов писателя, обеспечивая их связанность и целостность» [7, с. 21; 8].

Этому представлению лучше всего соответствует *вдруг* неожиданности, которое часто встречается в романах XIX–XX вв. (особенно у Ф. М. Достоевского). Исследования в рамках картины мира подчёркивают, что предположение, выражаемое словом *вдруг*, считается говорящим невероятным, но все-таки возможным, в силу того, что будущее непредсказуемо. Когда мы говорим:

(24а) Если Петя позвонит, скажи ему...

мы считаем звонок от Пети вполне возможным. А если мы говорим:

(24б) Если *вдруг* Петя позвонит...

говорящий думает, что, скорее всего, Петя не позвонит. И действительно, на пример (24б) можно было бы возразить:

(25) С чего это он *вдруг* позвонит?

Противопоставление между необоснованной надеждой и непредсказуемой возможностью выражается в полемике между *авось* и *вдруг*:

(26) *Авось* не упаду!

(27) А *вдруг* упадешь?

В любом случае, как в первом предложении (24а), так и в ответной реплике (25) оба говорящих считают обсуждаемое событие маловероятным.

Подводя итоги, можно сказать, что *вдруг* в картине мира считается языковым выражением русского чувства непредсказуемости мира, и таким образом к его семантике присоединяется это коннотативное значение, наблюдаемое в текстах русской литературы (в особенности Ф. М. Достоевского) [13–15].

3. *Вдруг* в итальянских переводах с русского и в русских переводах с итальянского

В текстах параллельного итальянско-русского корпуса НКРЯ на запрос (*вдруг ADV*) выдаётся 61 документ с 2 068 вхождениями. Среди этих документов некоторые имеют итальянский оригинал, а некоторые – русский. Если проанализировать, чему слово *вдруг* соответствует в итальянском языке (учитывая и то, как слово *вдруг* было передано в итальянских переводах русских текстов, и то, какие слова итальянских исходных текстов были переведены на русский словом *вдруг*), то выявятся следующие соответствия, сгруппированные нами на основе значений *вдруг*, рассмотренных выше (табл.).

Таблица

Соответствия слова *вдруг* в итальянском языке

Italian equivalents for Russian vdrug

№	Значения <i>вдруг</i> в русском языке	Эквиваленты слова <i>вдруг</i> в итальянском языке
1.	а) <i>Вдруг</i> : внезапно (быстро)	Наречие и наречное словосочетание: <i>a un tratto, d'un tratto, tutto a un tratto di colpo, d'un colpo, di botto, subito all'improvviso, improvvisamente, un attimo, per un momento, in men che non si dica, in un batter d'occhio, immediatamente</i>

	б) <i>Вдруг</i> : неожиданно <i>вдруг спросила</i> <i>вдруг появилась</i> <i>вдруг сказал</i> – Что это <i>вдруг</i> ты о них вспомнила. ... <i>вдруг</i> показалась ему велика	Наречие и наречное словосочетание: <i>inaspettatamente</i> <i>di punto in bianco</i> Лексикализация в глаголе: <i>se n'è uscita</i> <i>se l'è trovata a sorpresa</i> <i>sbottò</i> <i>E come ti saltano in mente</i> <i>ma gli è saltato in testa</i> di trovarlo troppo caro
2.	<i>Вдруг</i> : опасения, предположения <i>А вдруг?</i> <i>А если вдруг...?</i> <i>И вдруг...</i> (положительный) <i>А вдруг</i> она развяжется	И/а если + сослагателное наклонение: <i>E se per caso fosse?</i> <i>Ma se...</i> <i>magari...</i> Эксплицитное выражение опасения в глаголе + подчин. Предложение: <i>Aveva paura che si scioglieva</i>
3.	Нарративное <i>вдруг</i> , (как) <i>вдруг</i>	Наречие и словосочетание: <i>poi, poi subito, a un certo momento, a un certo punto, a questo punto</i> Союзы: <i>ed ecco che</i> <i>quand'ecco...</i> <i>quando...</i> Отсутствие маркера: Ø

Практика перевода с русского на итальянский и в обратном направлении выявляет, что для передачи наречия *вдруг* в его двойном психологическом и временном значениях итальянский использует в основном наречные формы – простые или составные (наречные синтагмы); однако в некоторых, хотя и редких, случаях элемент неожиданности лексикализуется в глаголе. Например, выражения *uscirsene (вдруг спросить/сказать/ответить)*, *trovarsi (a sorpresa) (вдруг появиться)*, *saltare in mente (вдруг вспомнить)*, *sbottare (вдруг сказать)* лексикализуют в глаголе элемент внезапности

чего-то неожиданного, и иногда стремительного.

Что же касается частицы *вдруг*, то её семантика передаётся в итальянском языке по большей части синтаксическими средствами, т. е. союзами *e se...*, *ma se...*, за которыми следует конъюнктив, или словом *magari* с индикативом; кроме того в качестве перевода русского «*А вдруг* она развяжется» мы нашли «*Aveva paura che si scioglieva*» (буквально: «Он боялся, что она развяжется»), т. е. эксплицитное выражение опасения в глагольном слово-

сочетании (*aver paura*) управляющее подчинительным предложением. Здесь мы имеем один из тех случаев, когда итальянский язык выражает и лексикализует семантический компонент, который в русском передаётся имплицитно через языковую единицу (обычно частицу или наречие), которая не выражает синтаксическую связь морфологически. Подобный пример мы находим в следующем переводе с итальянского на русский, где *вдруг* используется для передачи выражения “*nella felice ipotesi di...*”, в котором элемент гипотетического допущения получает эксплицитную ассерцию:

(33) Nella felice ipotesi di un sì, ci avrebbe senz'altro pensato lui, Giulio Meldolesi... (Giorgio Bassani. Il giardino dei Finzi-Contini, 1962)

Если же *вдруг*, к его огромному счастью, ответ будет благоприятным, то он, Джулио Мельдолези... (Джорджо Бассани. Сад Финци-Контини (Ирина Соболева, 2008))

Наконец, нарративная функция *вдруг* передается на итальянский не только наречиями и словосочетаниями (*poi, poi subito, a un certo momento, a un certo punto, a questo punto*), но и союзами (*ed ecco che, quand'ecco..., quando...*) и, что самое важное, часто не выражается вообще (Ø). Таким образом становится явной структурная разница между русским и итальянским: русские частицы часто выражаются в итальянском синтаксическими или лексическими [16–17] средствами или просто не переводятся.

Итак, чтобы сократить риск исказить в переводе смысл исходного языкового материала, необходимо:

– выделить семантические компоненты слова *вдруг* (психологический, временной, гипотетический и нарративный);

– определить, какой из них наиболее релевантен в контексте слова *вдруг* в русском оригинале;

– и наконец, выбрать самое точное итальянское выражение доминирующего в русском контексте компонента значения.

Например, для следующего отрывка:

(34a) *Вдруг* Аркадий подходит ко мне и молча, с таким ласковым сожалением на лице, тихонько, как у ребенка, отнял у меня книгу и положил передо мной другую, немецкую... улыбнулся, и ушел, и Пушкина унес (Л. Толстой. Отцы и дети, 1860–1861)

итальянский перевод звучит так:

(34b) *Di botto*, eccoti Arcadio che mi si avvicina e, senza aprir bocca, con una certa espressione pietosa, mi toglie pian piano il libro di mano, come l'avrebbe tolto ad un bambino, e me ne mette un altro davanti, un libro tedesco.... Poi sorride e volta le spalle, portandosi via il volume di Pusckin. (Ivan Turgenev. Padri e figli (Federigo Verdinois))

В итальянском тексте *di botto* передаёт в основном стремительность действия и теряет его неожиданный характер, присутствующий в исходном русском *вдруг* (в 34 «вдруг» значит «ни с того ни с сего», «без причины»). Таким образом перевод *di botto* в итальянском тексте входит в противоречие с глаголом *avvicinarsi*, предполагающим постепенность действия, порождая семантическую инконгруэнтность [18]. Таким образом рождается искусственно ускоренный и не вполне семантически последовательный итальянский текст.

Иногда же решение не передавать *вдруг* в итальянском переводе влечёт за собой риск

потерять элемент непредсказуемости исходного текста, как в итальянском переводе следующего русского отрывка:

(35a) Ее положение, которое казалось уясненным вчера вечером, *вдруг* представилось ей теперь не только не уясненным, но безвыходным. (Л. Толстой. Анна Каренина, 1873–1877)

(35b) La posizione sua, che le era sembrata chiarita la sera innanzi, $\emptyset$ le si presentava ora, non solo poco chiara, ma senza via d'uscita. (Lev Tolstoj. Anna Karenina (Maria Bianca Luporini), Zonghetti, 2010)).

La posizione sua, che le era sembrata chiarita la sera innanzi, le si presentava ora, non solo poco chiara, ma senza via

В (35b) теряется спонтанность, внезапность и неконтролируемость этого изменения перспективы.

«Erano quasi le sei e stavamo per andarcene, quando è squillato il telefono: "Ci siete ancora? (Anna Politkovskaja. La Russia di Putin (Claudia

Наконец, в следующей цитате из «Мёртвых душ» передача *вдруг* чрезмерно нагружена временной составляющей: в итальянском тексте выражение *a un tratto* указывает на действие не только неожиданное, но и стремительное; здесь же, в контексте размышления о том, как хорошо бы было произвести маловероятные строительные изменения, последние, разумеется, не внезапны; более нейтральное *ecco* во вводной позиции, возможно, сделало бы текст менее странным для уха итальянского читателя, без свойственного скорее переводам, чем оригинальным текстам ускорения нарратива.

(36a) Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было,

если бы *вдруг* от дома провести подземный ход или чрез пруд выстроить каменный мост... (Н. Гоголь. Мертвые души (1835–1852))

(36b) Talvolta, guardando dal terrazzino il cortile e lo stagno, parlava di come sarebbe stato bello se *a un tratto* la casa fosse stata collegata da un passaggio sotterraneo o si fosse costruito un ponte di pietra attraverso lo stagno... (Nikolaj Gogol'. Anime morte (Paolo Nori)).

В любом случае, приводя эти примеры, мы не имеем целью проводить анализ качества переводов – занятие по большому счёту бессмысленное и всегда спорное – а хотим продемонстрировать сложность языкового материала. Напротив, может оказаться полезным указать на большую или меньшую маркированность возможных итальянских лексических соответствий *вдруг*, не учитывая *вдруг* опасения и предположения, которое передаётся в итальянском очень точными и ясными синтаксическими средствами.

В общем, семантическая составляющая времени в большей степени свойственна выражениям *a un tratto, d'un tratto, tutto a un tratto, di colpo, d'un colpo, di botto, subito, un attimo, per un momento, in men che non si dica, in un batter d'occhio, immediatamente*; психологическое значение неожиданности доминирует в *inaspettatamente, di punto in bianco, all'improvviso, improvvisamente*; наконец, наиболее нейтральное продвижение нарратива, лишённое элементов с временным или психологическим оттенком, передаётся с помощью *poi, a un certo momento, a un certo punto, a questo punto, ed ecco che..., quand'ecco..., quando...*

Учитывать эти оттенки значения может быть полезным, чтобы нарратив в переводах с русского не приобретала для итальянского слуха более возбуждённый темп, чем в оригинале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Николаева Т. М.** Функции частиц в высказывании. – М.: Наука, 1985. – С. 169.
2. **Якобсон Р.** Shifters, verbal Categories, and the russian Verb, Russian Language Project, Dep. of Slavic Languages and Literatures. – Harvard.: Harvard University, 1957. – P. 14.
3. **Ратмайр Р.** Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme. – München: Otto Sagner, 1985. – С. 354.
4. **Баранов А. А., Кобозева И. М.** Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: АН СССР, 1988. – С. 45–69.
5. **Бонола А.** Strategie di organizzazione del testo russo: particelle e diatesi. – Milano: ISU, 2008. – С. 133.
6. **Бонола А.** Текстуальные и прагматические функции русских частиц: сопоставительный анализ русского и итальянского языков // *Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi slavo-romanzi* (Глагольные категории и проблемы организации текста. Сопоставительное описание славянских и романских языков, Atti del I Seminario Internazionale GeLiTeC, Milano 4–5 Febbraio 2010 / под ред. А. Бонола, О. Инкова, L'analisi linguistica e letteraria, XVIII, 2010. – С. 173–185.
7. **Ружицкий И. В.** Языковая личность Ф. М. Достоевского: лексикографическое представление: автореферат. – Екатеринбург, 2015. – С. 52.
8. **Ружицкий И. В.** Слово «вдруг» у Достоевского: словарное представление // *Материалы XXIII междунар. Старорусских чтений «Достоевский и современность».* – Великий Новгород, 2009. – С. 12–20.
9. **Шаумян С.** Signs, mind, and reality. A Theory of Language as the Folk Model of the World. – Amsterdam: Benjamins, 2006. – С. 315.
10. **Гоббер Дж.** Languages and Conceptualisation: some Remarks // *Possibilities and Challenges in the Relationship between Languages and Cultures* / A. Gałkowski. – Łódź-Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2013. – URL.: <http://hdl.handle.net/10807/53742> (дата обращения 29.09.2015).
11. **Шмелев А. Д., Булыгина Т. В.** Неоожиданности в русской языковой картине мира // *Полутропон. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова.* – М.: Индрик, 1998. – С. 306–324.
12. **Шмелев А. Д., Булыгина Т. В.** Русская языковая модель мира. Материалы к словарю, Языки славянской культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 149–163.
13. **Топоров В. Н.** Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления // *Проблемы поэтики и истории литературы: сборник статей* / С. С. Конкин. – Саранск: Мордовский гос. ун-т, 1973. – С. 91–110.
14. **Верч И.** Vdrug: l'improvviso in Dostoevskij. – Trieste: Editoriale Stampa Triestina, 1977. – С. 72.
15. **Бонола А.** Le particelle come manifestazioni del connettivo nella lingua russa (con esempi da Il giocatore – Igrok - di F.M. Dostoevskij) // *Sýndesmoi. Connettivi nella realtà del testo* / Гоббер Г., Чигада С. – Vita e Pensiero, 2006. – С. 199–220.
16. **Говорухо Р. А.** Sintassi e pragmatica nella coesione testuale in italiano e in russo // *Studi di grammatica italiana.* – 2001. – № 20. – С. 53–67.
17. **Говорухо Р. А.** La ripresa anaforica in russo e in italiano: sintassi e pragmatica // *L'analisi linguistica e letteraria.* – 2003. – № 11/2. – С. 619–644.
18. **Риготти Е.** Congruity theory and argumentation. // *Studies in Communication Sciences. Argumentation in Dialogic Interaction*, June 2005 / Eds. Dascal M., van F. Eemeren, E. Rigotti et. al. – Lugano: University of Lugano, 2005. – С. 75–96.

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.02)

Anna Bonola, Doctor of Philology, Professor of Slavistics, Catholic
University of the Sacred Heart, Milan, Italy.
ORCID iD [0000-0003-3931-670X](https://orcid.org/0000-0003-3931-670X)
E-mail: anna.bonola@unicatt.it

SEMANTIC AND PRAGMATIC POTENTIAL OF RUSSIAN WORD *VDRUG* AND ITS TRANSLATIONS INTO ITALIAN: CONTRASTIVE ANALYSIS ON THE MATERIAL OF THE PARALLEL RUSSIAN-ITALIAN CORPUS

Abstract

*The study begins with a short analysis of the way the Russian dictionaries describe the Russian word *vdrug*. They distinguish between *vdrug* as an adverb (with temporal and psychological meaning) and *vdrug* as a modal particle used to describe possible events. Then, on the basis of the Russian National Corpus (НКРЯ, NCRL) and Russian lexicography, it provides a diachronic investigation of the way the use of *vdrug* has changed since the 16th century. The author also shows how Russian speakers express their metalinguistic awareness of the meaning of this word in literary and poetical texts of the 20th century. Finally, by exploring the parallel Italian-Russian corpus in NKРJa, it analyzes how the different contemporary meanings of *vdrug* have been translated into Italian and how some Italian markers have been translated by *vdrug*.*

*Concluding her investigation the author identifies the semantic elements of the Russian word *vdrug* that correspond to various markers in Italian in order to avoid semantic reduction or distortions in translation practice.*

Keywords

*Russian-italian lexical contrastive analysis, Russian particle *vdrug*, Russian-Italian parallel corpus, translation, Russian lexicography.*

REFERENCES

1. Nikolaeva T. M. *Particle functions in the statement*. Moscow, Nauka Publ., 1985, 169 p. (In Russian)
2. Jakobson R. *Shifters, verbal Categories, and the russian Verb*, *Russian Language Project*, Dep. of Slavic Languages and Literatures. Harvard, Harvard University Publ., 1957, 14 p.
3. Rathmayr R. *The Russian particles as Pragma lexemes*. Munich, Otto Sagner Publ., 1985, 354 p. (In German)
4. Baranov A. A., Kobozeva I. M. Modal particles in response to a question. *Pragmatics and problems intensionality*. Moscow, ANSSSR Publ., 1988, p. 45–69. (In Russian)
5. Bonola A. *Strategies of organization of the Russian text: particles and diathesis*. Milan, ISU Publ., 2008, 133 p. (In Italian)
6. Bonola A. *Tekstual'nye i pragmatičeskie funkcii russkich častic: sopostavitel'nyj analiz russkogo-ital'janskogo jazykov*. Anna Bonola, Olga Inkova, *Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi slavo-romanzi* (Atti del I Seminario Internazionale GeLiTeC (Gruppo di studio di linguistica testuale Contrastiva), Milano 4-5 Febbraio 2010, ALL, XVIII, 2010-1, p. 173-185. (In Russian)

7. Ruzhitskiy I. V. *F. M. Dostoyevsky's Linguistic Personality: Lexikographic Description*. Ekaterinburg, 2015, 52 p. (In Russian)
8. Ruzhitskiy I. V. The word "vdrug" in Dostoevsky. *Papers of the XXIII International Congress. "Dostoevsky and modern time"*. Velikij Novgorod, 2009, pp. 12–20. (In Russian)
9. Shaumyan S. *Signs, mind, and reality. A Theory of Language as the Folk Model of the World*. Amsterdam, Benjamins Publ., 2006, 315 p.
10. Gobber G. Languages and Conceptualisation: some Remarks. *Possibilities and Challenges in the Relationship between Languages and Cultures* A. Galkowski. Łódź-Łask, Oficyna Wydawnicza Leksem Publ., 2013. Available at: <http://hdl.handle.net/10807/53742> (accessed 29.09.2015).
11. Shmelev A. D., Bulygina T. V. Unexpectedness in the Russian Linguistic world picture. *Polutropon. K 70-letiyu Vladimira Nikolaevicha Toporova*. Moscow, Indrik Publ., 1998, pp. 306–324. (In Russian)
12. Shmelev A. D., Bulygina T. V. *The Russian Linguistic picture of the world. Material for a Dictionary, Yazyki slavyanskoy kultury*. Moscow, 2002, p. 149–163. (In Russian)
13. Toporov V. N. Dostoyevsky's Poetics: Archaic schemes of mythical thinking. *Problems of poetics and history of Literature*. S. S. Konkin. Saransk, Mordovsky State University Publ., 1973, pp. 91–110. (In Russian)
14. Verc I. *Vdrug: "Sudden" in Dostoyevsky*. Trieste, Editoriale Stampa Triestina Publ., 1977, 72 p. (In Italian)
15. Bonola A. Le particelle come manifestazioni del connettivo nella lingua russa (con esempi da Il giocatore – *Igrok* - di F.M. Dostoevskij). *Sýndesmoi. Connettivi nella realtà del testo*, G. Gobber, S.Cigada, Vita e Pensiero, 2006, pp. 199–220.
16. Govoruch R. A. Sintassi e pragmatica nella coesione testuale in italiano e in russo. *Studi di grammatica italiana*, 2001, no. 20, pp. 53–67.
17. Govoruch R. A. La ripresa anaforica in russo e in italiano: sintassi e pragmatica. *L'analisi linguistica e letteraria*, 2003, 11/2, pp. 619–644.
18. Rigotti E. *Congruity theory and argumentation. Studies in Communication Sciences*. Argumentation in Dialogic Interaction, June 2005. Dascal M., van F. H. Eemeren, E. Rigotti et. al. (eds.). Lugano, University of Lugano Publ., 2005, pp. 75–96. (In Italian)

© Е. Н. Басовская

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.03)

УДК 81.373

О «НЕУБЕДИТЕЛЬНОЙ» ИЗ ПОМЕТ: (ВЫСОКАЯ ЛЕКСИКА В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА XX–XXI ВВ.)

Е. Н. Басовская (Москва, Россия)

Статья посвящена недостаточно подробно отраженной в научной литературе проблеме представления слов высокого стиля в толковых словарях русского языка XX–XXI вв. Рассматривая историю вопроса, автор подчеркивает значимость лексикографического решения С. И. Ожегова, предложившего в начале 1950-х гг., при подготовке второго издания однотомного «Словаря русского языка», новую стилистическую помету – высокое. Констатируется востребованность слов высокого стиля в текстах тоталитарной эпохи; указывается на сохраняющуюся и в современной коммуникативной ситуации актуальность риторической лексики, обладающей мощным экспрессивным зарядом, прежде всего – для языка средств массовой информации. На основании представленного в виде таблиц сопоставления данных ряда советских и постсоветских толковых словарей доказывается тезис о недостаточной разработанности и унификации системы стилистических помет. Опираясь на Национальный корпус русского языка, автор анализирует случаи использования лексем, обобщенно характеризующихся как высокие, в текстах, различных по мировоззренческим установкам и стилевой тональности. Выявляются различия между классическими «поэтизмами», применяемыми с целью создания «украшенной» речи и характерными в первую очередь для языка художественной литературы, и так называемыми «патетизмами», выступающими как средство целенаправленного идеологического воздействия публициста на сознание аудитории. Отмечается также укорененность поэтизмов в культурной традиции и зависимость выразительного потенциала патетизмов от социально-политической конъюнктуры. В статье указывается на необходимость расширить и уточнить представленную в словарях информацию о разнообразных прагматических возможностях стилистически окрашенной лексики, дополнив ее новейшим иллюстративным речевым материалом.

Ключевые слова: *высокий стиль, стилистическая помета, «поэтизмы», «патетизмы», толковые словари русского языка, С. И. Ожегов, прагматическая информация.*

Толковые словари русского языка предлагают читателю большое разнообразие стилистических помет. Отсутствие унификации в этой прикладной сфере лингвистики создает значительные неудобства в исследователь-

ской, редакторской и педагогической практике. В поисках «лексикографического согласия» представляется целесообразным изучить историю вопроса и выявить истоки существующих сегодня противоречий.

Басовская Евгения Наумовна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой медиа-речи, Российский государственный гуманитарный университет.

E-mail: jeni_ba@mail.ru

В качестве объекта исследования была выбрана небольшая, но порождающая немало проблем в описании часть русской лексики – так называемые стилистически высокие слова. На нечеткость их словарной характеристики указывал, например, А. В. Калинин: «Мы можем колебаться: следует ли отнести, например, слова *очи* и *чело* к архаической или высокой лексике? Любопытно, что С. И. Ожегов помечает слово *чело* как высокое... а *очи* (*око*) – как устаревшее... Нам кажется, что *чело* – устаревшее слово, а *очи* – скорее высокое» [1, с. 167].

Разногласия специалистов в стилистической оценке подобной лексики имеют долгую историю. В 1951 г. в рецензии на рукопись второго издания «Словаря русского языка»

С. И. Ожегова (СО) С. Г. Бархударов отметил: «Помета *высок.* не убедила в необходимости таковой...»¹. Помета действительно была новаторской. В предшествовавшем словарю С. И. Ожегова «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (ТСУ) для слов такого типа использовались пометы *книжн.*, *устар.*, реже – *поэт.*, еще реже – *торж.* В первом издании СО 1949 г. стилистических помет вообще было мало, а часть слов, стилистически маркированных в ТСУ, помет не получила или была обозначена как *устар.*

В приведенной ниже таблице представлены различия в стилистической характеристике слов, включенных в первый том ТСУ и в дальнейшем получивших помету «высок.» во втором издании СО (табл. 1).

Таблица 1

Различия в стилистической характеристике слов

Differences in the stylistic characteristics of words

СЛОВО	ТСУ ² , 1935	СО ³ , 1949
<i>багрянец</i>	–	–
<i>безвременный</i>	книжн.	–
<i>бездыханный</i>	книжн.	–
<i>беззаветный</i>	книжн.	–
<i>безоблачность</i>	книжн.	–
<i>бескрайний</i>	книжн.	–
<i>бессмертный</i>	книжн.	–
<i>бестрепетный</i>	поэт.	слова нет
<i>битва</i>	книжн.	–
<i>бичевать</i>	перен. – книжн.	–
<i>благоговейный</i>	книжн.	–
<i>благодарственный</i>	офиц. устар.	устар.
<i>благодетель</i>	книжн. устар.	–
<i>благословенный</i>	книжн. поэт. устар.	–
<i>благословить</i>	одобрить – книжн. устар.	воздать благодарность – устар.
<i>блеск (великолепие)</i>	–	–
<i>блистательный</i>	устар.	устар.
<i>блюсти</i>	устар.	–
<i>блюстител</i>	книжн. торж.	–
Примечание. Прочерком обозначено отсутствие стилистической пометы в словарной статье		

¹ Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Д. 216. Л. 9² Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1935. – 1564 с.³ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. акад. С. П. Обнорского. – М.: ОГИЗ: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. – 968 с.

Готовя второе издание словаря, С. И. Ожегов учел многочисленные замечания профессиональных рецензентов и прессы. Претензии, предъявленные к первому советскому однотомному толковому словарю, имели в основном идеологический характер (подробнее об этом см.: [2–3]). Однако среди них не удалось обнаружить прямого указания конкретизировать стилистическую характеристику слов или тем более ввести помету *высок*. Тем не менее составитель словаря решился на такой революционный для советской лексикографии шаг.

Появление новой пометы можно объяснить, как минимум, двояко. Во-первых, переработка словаря пришлась на годы так называемой «борьбы с космополитизмом», и пропаганды русского национального величия. Одним из имен, начертанных на знамени этой идеологической кампании, было имя М. В. Ломоносова. Сталинская пропаганда восславляла патриотизм ученого, его «борьбу против засилья иностранных проходимцев в Петербургской академии, стремившихся задушить русскую науку»⁴. В этой ситуации новую актуальность приобрело стилистическое учение М. В. Ломоносова, который однозначно выделил в составе русской лексики слова высокого стиля и писал: «Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных» (*курсив наш* – Е. Б.)⁵. Данных, указывающих на внимание

С. И. Ожегова именно к этому утверждению М. В. Ломоносова, получить не удалось. Тем не менее можно предположить, что составитель словаря принял во внимание мысль основоположника отечественной стилистики об особой важности высокого стиля как одного из преимуществ русского языка перед всеми другими. Кроме того, использование ломоносовской терминологии было своего рода охранной грамотой для рукописи второго издания словаря, с большими трудностями пробивавшейся к читателю.

Во-вторых, идея высокого стиля, прагматически предназначенного для передачи «важного великолепия», как нельзя лучше соответствовала духу эпохи. Показательно, что одна из монографий о советской архитектуре 1930–1950-х гг. называется «Высокий сталинский стиль» [4].

Поздний сталинизм, утверждая ценности национального государства, культивировал как визуальную, так и вербальную патетику. С. И. Ожегов отреагировал на это предельно чутко. Во втором издании его словаря, в отличие от вышедшего в те же годы первого тома «Большого академического»⁶, широко использовалась помета *высок*.

Знаменательно, что С. И. Ожегов не ставил знака равенства между словами высокими и устаревшими. Для традиционных поэтизмов, таких как *глас*, *ланиты*, *лобзать*, *младой*, *уста* и других, была предусмотрена помета *стар*. Высокими же были признаны слова, употребление которых обуславливалось в первую очередь не данью традиции, а коммуникативным заданием. Данный тезис подтверждается материалами Национального корпуса

⁴ Кузнецов И. В. Серьезные ошибки в освещении истории физики // *Большевик*. – 1950. – № 6. – С. 78.

⁵ Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. – Т. 7. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 588–589.

⁶ Словарь современного русского литературного языка / глав. ред.: чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышев. – Т. 1. – М., Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1950. – 767 с.

русского языка. Так, прилагательное *беззаветный* многократно использовалось в эмоционально насыщенных, исполненных советской патетики газетных и журнальных текстах тех лет, когда С. И. Ожегов работал над вторым изданием своего словаря:

«Таким подлинно всенародным доверием и любовью не пользовалась и не пользуется никакая другая партия в мире, кроме великой коммунистической партии, доказавшей на деле свою *беззаветную* преданность интересам народа» (Наука и жизнь, 1950);

«Мы не сомневаемся, что избиратели нашего округа единодушно отдадут свои голоса коммунисту Акакию Алексеевичу Хораве – большому артисту, государственному и общественному деятелю, вся жизнь которого – образец *беззаветного* служения народу» (Советское искусство, 1950);

«*Беззаветное* служение великому делу Ленина-Сталина, жизненным интересам советского народа снискало Сергею Ивановичу глубокое уважение и любовь трудящихся нашей страны» (Техника – молодежи, 1951) (*курсив наш*)⁷.

Трудно сказать, почему помета *высок* показалась сомнительной С. Г. Бархударову. Предложенная С. И. Ожеговым стилистическая оценка, безусловно, опирается на критерии, которые, видимо, были ясны составителю словаря интуитивно и лишь через десятилетия оказались сформулированы исследователями. Это такие признаки слов, как:

- специфика значения (*благодаяние, благословить*),
- культурная история (*битва, бичевать*),
- регулярное попадание в патетический контекст (*беззаветный, бессмертный*),

– закрепленность за определенными жанрами, для которых характерен большой эмоциональный накал (*безвременный* – некролог, *благодарственный* – письмо) [5, с. 6–7].

Высокая лексика оказалась особенно востребована советским публицистическим стилем. Этот факт вполне закономерен, причем не только для тоталитарного «газетного» языка, но и для медиадискурса в целом. В многочисленных российских и зарубежных исследованиях, посвященных текстам средств массовой информации, отмечается склонность журналистов и публицистов к использованию экспрессивных речевых средств, к числу которых, безусловно, относится высокая лексика (о языке СМИ см., например: [6–14]).

Вот несколько примеров функционирования прилагательного «бессмертный» в патетических контекстах:

«Да, он заслужил ее, мой Сталин, *бессмертный* и простой, скромный и великий, вождь, учитель, гений, солнце мое большое» (В. Н. Гельфанд, Дневники 1944–1946 гг.);

«Ведь ради этого дня мы жили, забывая о себе, ради того, чтобы уничтожить гитлеровское государство, гитлеровскую армию, гитлеровский порядок, шла в свой *бессмертный* поход богатырская красноразветная рать» (Известия, 1945);

«С трибуны этого съезда В. И. Ленин провозгласил *бессмертный* лозунг: "Комму-

⁷ Результаты поиска в основном корпусе: беззаветн* // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: [http://search-beta.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysent-size=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lex-](http://search-beta.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysent-size=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lex-form&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&no-dia=1&req=%E1%E5%E7%E7%E0%E2%E5%F2%ED*&p=31)

[form&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&no-dia=1&req=%E1%E5%E7%E7%E0%E2%E5%F2%ED*&p=31](http://search-beta.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysent-size=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lex-form&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&no-dia=1&req=%E1%E5%E7%E7%E0%E2%E5%F2%ED*&p=31) (дата обращения: 21.10.2015).

низм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны"» (Наука и жизнь, 1951) (*курсив наш*)⁸.

Вероятно, активизация данного лексического пласта в тоталитарном языке в определенной степени объясняется тем, что словам высокого стиля свойственно «усиление периферийного компонента лексического значения – эмоциональной оценки, иногда при ослаблении предметно-понятийной точности...» [15, с. 13]. А это качество, в свою очередь, отличает пропагандистский дискурс в целом. По наблюдениям Л. Фрэйзера, один из приемов пропаганды, определяемый им как *double-talk*, заключается в семантической неопределенности. Десемантизированные идеологические знаки привлекают аудиторию и заставляют ее открываться для пропагандистского воздействия [16].

Казалось бы, советские словари, последовавшие за СО, должны были еще более широко использовать помету *высок*. Но этого не произошло. В «Малом академическом словаре» она сохранена лишь частично. В постсоветский период использование пометы *высок* сделалось еще менее последовательным.

Далее показано, как предложенная С. И. Ожеговым стилистическая характеристика стала вытесняться другими, в большей или меньшей степени близкими пометами (табл. 2).

При сопоставительном анализе словарных материалов с 1952 г. до 2000-х гг. выявляются следующие варианты преобразований стилистических помет:

- «высокое – книжное»,
- «высокое – устаревшее»,
- «высокое – ироническое».

При этом в пометах «книжное» и «устаревшее», несомненно, содержится меньше прагматической информации, чем в помете «высокое», а помета «ироническое» соответствует далеко не всем возможным контекстам, в которые могут попасть рассматриваемые лексические единицы.

Последнее соображение заставляет задуматься о ситуативности проявления стилистических возможностей слова. Так, слова *багрянец* и *бескрайний* во многих случаях было бы, видимо, правильнее охарактеризовать не как книжные, а как поэтические, служащие подчеркнутой эстетизации описания:

«Правда, в золото и багрянец одеваются только окрестные леса, а в городе – вечная зелень кипарисов, камфорных лавров, олеандров и прочей субтропической экзотики» (Труд-7, 2001);

«Утопали в сумерках синие дали, прогнали через выгон коров, уже потускнели багрянец и желтизна кленов и одиноких у выгона груш» (Комсомольская правда, 2002);

«Бескрайний простор, синева неба, чистая желтизна песка с цветными пятнами растительности и белыми блюдами солончаков завораживают и заставляют вновь и вновь возвращаться в эти места» (Наука и жизнь, 2007)⁹.

Впрочем, граница между традиционным поэтизмом и словом, наполненным живой высокой экспрессией (условно его можно

⁸ Результаты поиска в основном корпусе: бессмертный // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: http://search-beta.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E1%E5%F1%F1%EC%E5%F0%F2%ED%FB%E9&p=21 (дата обращения: 21.10.2015).

⁹ Результаты поиска в газетном корпусе: багрянец // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: http://search-beta.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E1%E0%E3%F0%FF%ED%E5%F6&mode=paper (дата обращения: 21.10.2015).

назвать «патетизмом»), вряд ли может быть установлена объективно. В издающейся сейчас газете «Завтра», которая тяготеет к патетической тональности, слова *багрянец* и *бескрайний* становятся средством изображения

мира не просто прекрасного, но одухотворенного. Так, посещение монастыря на горе Афон сопровождается возвышенными воспоминаниями:

Таблица 2

Стилистическая характеристика слов в разных словарях

Stylistic characteristics of words in different dictionaries

Слово	СО ¹⁰ 1952	МАС ¹¹ 1957	Большой толковый словарь под ред. С. А. Кузнецова 1998 ¹²	СО под ред. Л. И. Скворцова 2005 ¹³	Словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой 2006 ¹⁴
багрянец	высок.	—	—	книжн.	книжн.
безоблачный	высок.	—	—	<i>ничем не омраченный</i> — книжн.	<i>ничем не омраченный</i> — книжн.
бескрайний	высок.	—	—	книжн.	книжн., устар.
бичевать	высок.	—	—	книжн.	<i>изобличать</i> — книжн.
благоговейный	высок.	книжн.	книжн.	высок.	высок.
благодарственный	высок. устар.	устар.	высок.	высок., устар.	устар., высок.
благоедеяние	высок.	высок.	книжн.	высок.	—
благословить	высок.	—	<i>воздать хвалу, благодарность</i> — высок.	<i>напутствовать</i> — высок; <i>воздать благодарность</i> — устар.	<i>напутствовать</i> — высок.; <i>воздать благодарность</i> — устар.
блеск (великолепие)	<i>великолепие</i> — высок.	—	—	—	—
блистательный	высок.	<i>блестящий</i> — устар.	—	книжн.	—
блюсти	высок.	—	книжн.	книжн.	книжн.
блюститель	высок., ирон.	<i>блюсти — следить, наблюдать</i> — устар.	обычно ирон.	высок., ирон.	устар., ирон.

¹⁰ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. акад. С. П. Обнорского. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. — 848 с.

¹¹ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Т. 1. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. — 992 с.

¹² Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 1998 // Грамота.ру. —

URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 16.12.2015).

¹³ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. — 24-е изд., испр. — М.: ОНИКС 21 век: Мир и Образования, 2005. — 896 с.

¹⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд., доп. — М.: А Темп, 2006. — 938 с.

«Раскрываются богатейшие анналы прошлого. Вспоминаются офицерская молодость и чарующая весна на Чаткальском хребте Западного Тянь-Шаня, в Узбекистане. Оживают сказочные горные пейзажи на туркмено-иранской, киргизо-китайской, таджико-афганской границах. Возвращаются недели и месяцы, прожитые в неприступных ущельях Гиссара, на Памиро-Алае и меж диких причудливых скал и заброшенных садов Чильдухтарона, в дебрях Дарваза. Воскресают хрустальные вечера, медно-алые закаты, медвяно-жемчужные ночи на памирских ледниках "Медвежий" и "Абдукагор". Зажигают *багрянец* рассветные зори горного Крыма и гостеприимного Закарпатья...

Полной грудью вдыхаешь пахучий апрельский воздух далекой, мирной Иверии. С наслаждением пьешь обжигающий напиток из душистых трав на крохотной веранде горного Бетанского монастыря. С умилением молишься на Божественной литургии в пещерной Лавре преподобного Давида Гареджийского...» (*курсив наш*)¹⁵.

Патетическим, а не поэтическим средством следует считать и прилагательное *бескрайний* в поздравительном тексте, адресованном главному редактору газеты «Завтра» А. Проханову его внуком:

«Сквозь все твое творчество красной нитью проходит мотив многомерности, универсальности нашей Родины, где причудливо переплетены энергии божественные и человеческие, природные и индустриальные. Так, *бес-*

крайние наши леса и зеркальные озера вливаются в гармонический союз с трубами колоссальных заводов и турбинами великих плотин, образуя громогласную и могучую симфонию Империи номер Пять. Ты в наше смутное время возвестил о неповторимом пути России, о возникающем здесь единстве человека и Бога, об извечном Русском рае.

Достославный мой дед! Люблю тебя, горжусь тобой, поклоняюсь тебе. Хочу быть твоей опорой, твоим утешением и твоим продолжением»¹⁶.

В ряде случаев помета *книжн.* оказывается недостаточно информативной и даже не вполне точной. В стилистической системе современного русского литературного языка к числу безусловно книжных относятся научный и официально-деловой стили. Ни в одном из них не используется глагол *бичевать*, демонстрирующий в современной речи не общекнижный, а публицистический характер:

«Если у твоего игрока сдали нервы – а в 19 лет, да и еще и в таком новом для нас виде спорта это возможно, – не дело *бичевать* его в прямом эфире» (Труд-7, 2010);

«Вместо призывов *бичевать* абстрактный грех в духе Екатерины Второй г-н Кабанов рекомендует властям объяснять россиянам конкретные последствия коррупции – например, риск авиакатастрофы из-за установки на самолет некачественных запчастей» (РБК Daily, 2009)¹⁷;

«Александр Проханов когда-то в каждом номере газеты в своих острых, метафоричных, образных передовицах страдал за униженную,

¹⁵ Яковлев-Козырев А. Прорыв к Афону // Завтра. – 8 июля 2002. – URL: <http://zavtra.ru/content/view/2002-07-0981/> (дата обращения: 21.10.2015).

¹⁶ Проханов И. Проханову – 75 // Завтра. – 26 февраля 2013. – URL: <http://zavtra.ru/content/view/-prohanovu-75-2013-02-26-111532-2/> (дата обращения: 21.10.2015).

¹⁷ Результаты поиска в газетном корпусе: бичевать // Национальный корпус русского языка [Электронный

ресурс]. – URL: http://search-beta.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=paper&sort=gr_tagging&lang=ru&req=%E1%E8%F7%E5%E2%E0%F2%FC (дата обращения: 21.10.2015).

поверженную Советскую Родину, бичевал, клеймил коллаборационистский антинародный режим, призывал к борьбе за возрождение Советской империи, возвышал героев и вождей Революции, а за спиной редактора в этих же номерах некоторые авторы оплевывали нашу Великую Революцию, наших вождей, наших дедов и отцов, построивших Великую Советскую сверхдержаву»¹⁸.

Таким образом, выразительность классических поэтизмов имеет корни главным образом в диахронии (культурная традиция, прецедентные тексты, повышение стилистической окраски в процессе устаревания языковой единицы). Но те же слова способны наполняться в контексте иным типом экспрессии, природа которой, напротив, подчеркнуто синхронна. Слова, условно обозначенные в данной статье как «патетизмы» – в том числе «газетизмы», или публицистическая лексика, – реализуют свои выразительные возможности с опорой на актуальные ассоциативные связи, активизируемые, например, идеологическим наполнением макротекста, в который они включены.

Толковые словари, несколько бессистемно характеризующие одни слова с точки зрения современности (*стар.*, *устар.*), другие – с точки зрения функциональной (*поэт.*, *публ.*), не предоставляют читателю сколько-нибудь полной информации о разнообразных прагматических возможностях одной лексической единицы.

Проведенный анализ показывает, что утверждение И. А. Королевой: «Вариативность стилистических помет тесно связана с историческими и общественно-идеологическими изменениями эпохи» [17, с. 118], – спра-

ведливо лишь отчасти. Не наблюдается прямой корреляции между общественным устройством, господствующей идеологией и выбором словарной стилистической характеристики слова. Большое значение имеет и собственная точка зрения составителя словаря, и сложившаяся лексикографическая традиция.

Не полностью можно согласиться и с И. Т. Вепревой, отмечающей в современном русском языке процесс «вымывания» высокого стилистического слоя лексики [18, с. 157]. Важно уточнить, что из словарей данный слой «вымывается» энергичнее, нежели из живой речи, и происходит это не только по объективным причинам, но и в результате решений, принимаемых составителями.

Принятую сегодня систему словарных стилистических помет вряд ли можно назвать удовлетворительной. Как уже отмечалось, информация о словах высокого стиля чаще всего неполна и неточна. Поэтому в качестве выводов можно предложить лексикологам и лексикографам обратить внимание, как минимум, на две актуальные задачи:

– разработку новой научной области – стилистической этимологии, предполагающей подробное изучение стилевой эволюции слов и отражения этого процесса в словарях;

– совершенствование лексикографического стилистического аппарата (в больших толковых словарях, если позволяет объем, желательно показывать различные стилистические возможности слова; пометы *высок.*, *поэт.*, *публ.*, *ирон.* и подобные могут соседствовать в одной словарной статье и непременно сопровождаться соответствующим иллюстративным материалом, в том числе – из современных средств массовой информации).

¹⁸ Ермолин С. Прохандида, или бег по кругу... // Завтра. – 16 сентября 2014. – URL: <http://zavtra.ru/content/>

view/prohandiada-ili-beg-po-krugu/ (дата обращения: 21.10.2015).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Калинин А. В.** Лексика русского языка. – 3-е изд. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – 232 с.
2. **Словарь:** попытка советизации (отзыв Ф. П. Филина о «Словаре русского языка» С. И. Ожегова) / публ. и ком. Е. Н. Басовской // Филологический класс. – 2014. – № 1 (35). – С. 50–57.
3. **Басовская Е. Н.** Об агностицизме, стахановце и суягной овце (из истории создания «Словаря русского языка» С. И. Ожегова). – С прил.: А. И. Корчагин. Рецензия [Институт русского языка АН СССР. С. И. Ожегов и др. – Малый толковый словарь русского языка (Стр. 1–3230)] // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4. – С. 31–38.
4. **Гершкович Е. В.** Высокий сталинский стиль. – М.: Трилистник, 2005. – 248 с.
5. **Смерчко А. К.** Глагольные фраземы высокого стиля русского литературного языка второй половины XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1974. – 23 с.
6. **Добросклонская Т. Г.** Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. – М.: URSS, 2010. – 286 с.
7. **Костомаров В. Г.** Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 247 с.
8. **Матисон Д.** Медиа дискурс: Анализ медиа-текстов: Исследования медиа и культуры / пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный центр, 2013. – 264 с.
9. **Язык современной публицистики:** сборник статей / сост. Г. Я. Солганик. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 230 с.
10. **Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования:** тезисы докл. Междунар. науч. конф. (Москва, филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 25–27 окт. 2001 г.). – М.: Изд-во Московского ун-та, 2001. – 140 с.
11. **Bednarek M.** Evaluation in Media Discourse. – New York; London, 2006. – 272 p.
12. **Bell A.** Language and the Media // Annual Review of Applied Linguistics. – 1995. – Vol 15. – P. 23–41.
13. **Fairclough N.** Discourse representation in media discourse // Sociolinguistics. – 1988. – № 17. – P. 125–139.
14. **Reah D.** The Language of Newspapers. – London: Routledge, 2002. – 126 p.
15. **Голуб В. Я.** Высокая лексика в современном русском литературном языке (по современным словарям и публицистике 60–70-х годов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1977. – 18 с.
16. **Frazer L.** Propaganda. – London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1957. – 218 p.
17. **Королева И. А.** Стилистические особенности сакрально-богослужебной лексики // Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге: материалы научной конференции. – Вып. 5. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 115–118.
18. **Вепрева И. Т.** Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.03)

Basovskaya Evgeniya Naumovna, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Media Discourse Department, Institute of Massmedia, Russian State University for Humanities, Moscow, Russian Federation
ORCID iD [0000-0002-6867-9326](https://orcid.org/0000-0002-6867-9326)
E-mail: jeni_ba@mail.ru

ON "THE LEAST CONVINCING" STYLISTIC LABEL: ELEVATED VOCABULARY IN RUSSIAN EXPLANATORY DICTIONARIES OF THE XX–XXI CENTURIES

Abstract

The article is devoted to the presentation of words of high-flown style in explanatory dictionaries of the Russian language in the XX–XXI centuries. The problem is not sufficiently revealed in literature. Considering the history of the issue, the author emphasizes the importance of S. I. Ozhegov's, lexicographic innovation, who proposed in the early 1950s, when preparing the second edition of his single-volume "Dictionary of Russian language", the new stylistic label – high. The author emphasizes the relevance of high style words of for the texts of the totalitarian era and points out that in modern communicative situation, the elevated rhetoric with its strong expressive charge, is primarily in demand for the language of mass media. The author's comparison of the data of a number of Soviet and post-Soviet dictionaries is presented in the form of tables. The researcher shows the lack of development and unification of stylistic labels. Using the National Corpus of the Russian Language the author analyzes the use of lexemes generally characterized as high, in the texts of various philosophical attitudes and stylistic tones and brings out the differences between the classic "poetisms" and the so-called "pathetisms". "Poetisms" are used to create "decorated" speech and are characteristic primarily of the language of fiction, and "pathetisms" act as means of the author's purposeful ideological influence on the minds of the audience. "Poetisms" are rooted in cultural traditions. The expressive potential of "pathetisms" depends on current socio-political situation. The article calls for the need to expand and clarify the information about stylistically colored vocabulary presented in the dictionaries with a variety of pragmatic features, adding the newest illustrative speech material.

Keywords

Style, stylistic label, "poetism", "pathetism", explanatory dictionaries of the Russian language, S. I. Ozhegov, pragmatic information.

REFERENCES

1. Kalinin A. V. *The Russian Vocabulary*. Moscow, Moscow University Publ., 1978, 232 p. (In Russian).
2. Dictionary: an attempt of Sovietization (a review of F. P. Filin about the "Dictionary of Russian language" by S. I. Ozhegov). Publication and comments by E. N. Basovskaya. *Philological class: scientific-methodical journal*. 2014, no. 1 (35), pp. 50–57 (In Russian)
3. Basovskaya E. N. About agnosticism, a Stakhanovets and a pregnant sheep (from the history of the creation of the "Dictionary of Russian language" by S. I. Ozhegov). Application: A. I. Korchagin.

- Review [Russian language Institute, Academy of Sciences of the USSR. S. I. Ozhegov and others – Small explanatory dictionary of Russian language (P. 1-3230)]. *Political linguistics*. 2014, no. 4, pp. 31–38. (In Russian).
4. Hershkowitz E. V. *High Stalinist style*. Moscow, Trefoil Publ., 2005, 248 p. (In Russian)
 5. Smerchko A. K. *Verbal phraseme of high style in the Russian literary language since the second half of the XVIII century*. Kalinin, 1974, 23 p. (In Russian)
 6. Dobroslonskaya T. G. *The study of media texts: exploration of modern English media speech*. Moscow, URSS Publ., 2010, 286 p. (In Russian)
 7. Kostomarov V. G. *Language taste of epoch: From observations of speech practice of mass-media*. Moscow, Pedagogika-press Publ., 1994, 247 p. (In Russian)
 8. Matison D. *Media discourse: Analysing media texts: Studies in media and culture*. Kharkov, Humanitarian center Publ., 2013, 264 p. (In Russian)
 9. *The language of modern publicism: collected papers*. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2007, 230 p. (In Russian)
 10. *Media language as an object of interdisciplinary research*. Moscow, Moscow University Publ., 2001, 140 p. (In Russian)
 11. Bednarek M. *Evaluation in Media Discourse*. New York, London, 2006, 272 p.
 12. Bell A. Language and the Media. *Annual Review of Applied Linguistics*. 1995, vol. 15, pp. 23–41.
 13. Fairclough N. Discourse representation in media discourse. *Sociolinguistics*. 1988, no. 17, pp. 125–139.
 14. Reah D. *The Language of Newspapers*. London, Routledge Publ., 2002, 126 p.
 15. Golub V. J. *High vocabulary in the modern Russian literary language (according to modern dictionaries and journalism of the 60–70-s)*. Voronezh, 1977, 18 p. (In Russian)
 16. Frazer L. *Propaganda*. London, New York, Toronto, Oxford University Press Publ., 1957, 218 p.
 17. Koroleva I. A. The stylistic characteristics of the sacral-liturgical vocabulary. *Cyrillo-methodian tradition in the Lower Volga region*. Materials of scientific conference. vol. 5, Volgograd, Peremena Publ., 2002, pp. 115–118. (In Russian)
 18. Veprava I. T. *Linguistic reflection in the post-Soviet era*. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2005, 384 p. (In Russian)

© Е. Г. Басалаева

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.04)

УДК 81'371

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКИ ОБОНЯТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ*

Е. Г. Басалаева (Новосибирск, Россия)

В статье анализируются различные способы описания действительности через призму запахового восприятия в интернет-дискурсе. Обонятельное восприятие является одним из важнейших этапов деятельности человеческого сознания по освоению предметного мира. В настоящее время интерес к изучению ольфакторного номинативного пространства возрастает. При этом остаются открытыми вопросы о специфике его национально-культурного своеобразия, закреплении устойчивых запаховых ассоциаций за тем или иным объектом действительности, складывающихся в некий культурный стереотип. Поэтому в настоящем исследовании на материале текстов, извлеченных из интернет-дискурса, предпринята попытка описать особенности проявления национально-культурного компонента в одорически маркированных высказываниях относительно «своего» пространства (родины, города, страны и пр.). В результате проведенного анализа можно выявить наиболее стереотипные ольфакторные представления, зависящие от стандартов обонятельной культуры и от собственных представлений говорящего человека. Так, образ родной страны для говорящих оказывается, с одной стороны, положительно окрашенным, что формируется такими запаховыми стереотипами, как запах природы, мороза, хлеба, матери и пр., с другой стороны, негативно оцениваемым, часто за счет метафорических переосмыслений (запах бедности). Одорические образы часто подменяются ментальными, тем самым можно наблюдать два семантических процесса: описание запаха и символизацию обонятельных впечатлений. Таким образом, слова с семой запах участвуют не только в процессе языкового кодирования ситуации ольфакторного восприятия, но и выступают в роли культурно значимых ориентиров, способствующих познанию окружающей действительности.

Ключевые слова: лексическая семантика, национально-культурный компонент, лексика обонятельного восприятия, интернет-дискурс.

По справедливому замечанию исследователей, запах, его восприятие, интерпретация и отношение к нему является культурным, исторически и социально формирующимся феноменом [1, с. 101].

Так, К. Классен указывает на то, что «запахи обладают культурно-релевантными значениями и участвуют в общественной жизни человека» в качестве парадигмы идентификации мира и взаимодействия с ним [2, с. 47–48].

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты».

Басалаева Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории языка и межкультурной коммуникации, Новосибирский государственный педагогический университет
E-mail: lena.bas@mail.ru

Эта особенность ольфакторной перцепции человека в первую очередь связана с её субъективно-оценочной сущностью [3]. Индивидуальные особенности восприятия запахов делают лексику, вербализующую запахи, важным источником информации о роли запахов не только в жизни отдельного человека, но и целого этноса. Анализ лексического состава современных языков позволяет исследовать обширный материал, свидетельствующий о закреплённых в национальном сознании ольфакторных образах, стереотипах, предпочтениях. В связи с этим изучение национально обусловленных особенностей одорического восприятия настоящее время приобретает особую актуальность и значимость (О. Вайнштейн [4], Р. Кирсанова [5], К. Классен [2], А. А. Колупаева [6], Н. С. Павлова [7], Н. А. Рогачева [8], Ю. А. Старостина [9], Т. А. Трипольская [10]; G. A. Miller, P. N. Johnson-Laird [11], T. Engen [12], Н. Н. Clark, P. A. Carpenter, M. A. Just [13] и др.).

Исследование национально-культурной специфики является достаточно традиционной проблематикой семантики, связанные с этим задачи решались в рамках различных лингвистических направлений. Ещё В. В. Виноградов отмечал, что общечеловеческое, понятное, логическое содержание в словах обростаёт своеобразными формами и смысловыми оттенками национального творчества данного народа [14, с. 29].

В. И. Карасик, во многом опираясь на идеи А. А. Потебни [15], отмечает, что языковые знаки имеют разную степень семиотической глубины в процессе общения: от минимального «ближайшего значения слова» до широкого культурно-исторического фона, связанного с «дальнейшим значением слова» [16]. При этом возможно выявление разных типов лексики: с одной стороны, выделяются слова и выражения, в концентрированном

виде выражающие специфический опыт народа, пользующегося языком (сюда относятся имена собственные, культурно-исторические реалии, распространённые аллюзии, прецедентные тексты, слова с эмоционально-оценочным фоном, который осознаётся именно данным этносом и т.д.), с другой стороны, существует большая группа слов и оборотов, имеющих универсальный характер для человечества в целом. Между национально-специфической и универсальной частями словаря располагается обширная часть лексики со слабо выраженными культурно-специфическими характеристиками. «Точнее было бы сказать, что для значительного числа слов и выражений конкретного языка национально-культурный компонент значения является вторичным, проявляется в специальном объяснительном контексте» [16].

Национально-культурный компонент значения, наряду с социальным, оценочным, эмотивным и др., по мнению многих исследователей, включается в состав прагматического, в целом представляющего значение в его отношении к говорящему и слушающему, их целям, фоновым знаниям, пропозициональным установкам – исходным допущениям, намерениям, мнениям, эмоциям, оценкам и пр. [17].

По нашему мнению, лексика обонятельного восприятия обладает различным национально-специфическим потенциалом – от закреплённого, устойчивого до ситуативно-обусловленного. Это связано с тем, что особенность такого вида перцепции, как ольфакторное восприятие, характеризуется ведущей ролью субъективного фактора, т. е. личной включённостью воспринимающего запах человека в процесс восприятия и его субъективным отношением к запаху [3]. В ходе восприятия запахов человек даёт им личностную оценку на основе сравнения запаха с неким

«эталонном», который различается у разных людей [7]. Но при этом частотность и повторяемость национально-культурных запаховых ассоциаций, возникающих в сознании языкового коллектива, позволяет говорить об относительно закрепленных в культуре данного общества ассоциациях, которые объединяют в себе логические и эмотивные содержания и которые складываются в некий культурный стереотип [18, с. 7].

Основными свойствами стереотипа принято считать:

- использование говорящими признаков и атрибутов, содержащихся в стереотипах, для оценки отнесенности предметов к тому или иному классу на основе семейного сходства;

- наличие когнитивной функции, состоящей в генерализации при упорядочивании информации; аффективной функции (противопоставление «своего» и «чужого»); социальной функции (разграничение «внутригруппового» и «внегруппового», что ведет к социальной категоризации и образованию структур, на которые люди ориентируются в обыденной жизни) [19].

Использование стереотипов происходит нередко автоматически: говорящий, как правило, не только совершенно не задумывается об истории мотивировки, но даже не обращает внимания на то, что некоторые эталонные свойства противоречат эмпирической картине мира [20]. По мнению Ю. Е. Прохорова, «несоответствие стереотипа реальному опыту связано, прежде всего, с тем, что в сознании возникает не реальное отражение действительности, а её образ, соответствующий условиям практики реализации этого явления в определённой общности, опосредованной спецификой деятельности в данной общности» [21, с. 73].

В качестве обобщающего подхода к стереотипам в лингвистике можно привести

определение, предложенное В. В. Красных: стереотип с точки зрения содержания есть некий фрагмент картины мира, существующий в сознании. Это некоторый образ-представление, это ментальная «картинка», некое устойчивое, минимизированно-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представления о предмете или о ситуации [22, с. 179].

Наиболее ярко национальная специфика ольфакторных стереотипов и их вербальных репрезентаций проявляется в высказываниях относительно своего или чужого пространства (дома, родины, города, страны и пр.). Перцептивное переживание нередко становится неотъемлемой чертой национальной идентификации говорящего либо демонстрацией принятия или непринятия чужой культуры.

На материале современной интернет-коммуникации можно выявить одорические признаки того или иного пространства, которые приписывает говорящий стране, городу исходя из своего личного опыта, тем самым эксплицирует свои сложившиеся, личностно и культурно обусловленные стереотипы. В первую очередь все выявленные в интернет-дискурсе контексты (из интернет-форумов, дневников, живых журналов и пр.), содержащие запаховый маркер того или иного пространства, следует поделить на две большие группы:

- одорическое впечатление о своем родном городе, стране (России);

- запаховые впечатления о чужом государстве, где человек жил, путешествовал или о котором знает из различных источников.

Запах становится своеобразным идентификатором страны, по которому эта страна может узнаваться (наряду с такими материальными объектами, как церкви, памятники, музеев и пр.). Чем частотней одорические ассоци-

ации носителей языка с тем или иным пространством, тем в большей степени проявляется их стереотипность. Таким образом, лексические единицы, репрезентирующие семантику одорической «свойственности» – «чуждости», оказываются культурно значимыми, т. к. описываемое значение представляет собой кумуляцию культурного опыта говорящего коллектива.

В настоящей статье остановимся подробнее на наиболее ярких особенностях одорического представления «своего пространства» – образа России – в интернет-коммуникации, тем самым выделим наиболее стереотипные ольфакторные представления, зависящие, с одной стороны, от стандартов обонятельной культуры, с другой, – от собственных представлений говорящего человека.

Так, все типичные и многократно повторяющиеся в примерах запахи России можно классифицировать следующим образом:

1) ароматы природы и ее растительных объектов (леса (березы, ели, сосны, кедра), полыни, реже яблони, земляники, сирени, черемухи; реки и пр.)¹: *Запахи дремучих и бескрайних лесов, луговых трав и цветов, запахи русской печи и тихого, умиротворяющего вечера, с еле слышимым, малиновым звоном вдалеке*²; *Великая Россия издревле пахла*

*березой, соснами, елью и морозной свежестью. Для меня Россия пахнет - сиренью, символом весны и расцвета природы*³; *В России много лесов, а значит исконно русский запах - это аромат русских деревьев, главный из которых это запах березы*⁴; *Для меня запах России – это запах тайги. Высокие кедры, непроходимые буреломы, писк комаров, плеск рыбы в горных реках*⁵.

К этой же группе можно отнести примеры, когда чисто русскими считаются запахи скошенной травы и сена: *Летом по-особому пахнут свежие и скошенные травы. И кто вдыхал этот запах, тот никогда его не забудет и будет он ассоциироваться с бесконечными полями зеленых полей*⁶;

2) запах мороза, морозной свежести, снега: *Для меня запах Родины, это морозная свежесть, когда выходишь зимой, (лучше на даче), с утра на улицу, и вдыхаешь полной грудью и чувствуешь, как пронзает всё тело, есть в этом что-то истинно Русское, русская зима. Ведь Россия самая большая и большая её часть северная, поэтому никакой другой запах не может быть, более Русским, чем эта морозная свежесть*⁷; *центр России связан для меня с морозными ароматами*⁸;

¹ В примерах орфография и пунктуация сохранены.

² Есть ли свой ЗАПАХ у нашей родины? [Электронный ресурс]. – URL: <http://otvet.monavista.ru/410216/est-svoj-zapah-nashej-rodiny-vashemu-pahnet-rossiya/> (дата обращения 05.01.2016).

³ Чем по Вашему пахнет Россия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1048521-est-li-svoj-zapah-u-nashej-rodiny-chem-po-vashemu-pahnet-rossiya-sm.html> (дата обращения 05.02.2016).

⁴ Есть ли свой ЗАПАХ у нашей родины? [Электронный ресурс]. – URL: <http://otvet.monavista.ru/410216/est-svoj-zapah-nashej-rodiny-vashemu-pahnet-rossiya/> (дата обращения 05.01.2016).

⁵ Есть ли свой ЗАПАХ у нашей родины? [Электронный ресурс]. – URL: <http://otvet.monavista.ru/410216/est-svoj-zapah-nashej-rodiny-vashemu-pahnet-rossiya/>

[svoj-zapah-nashej-rodiny-vashemu-pahnet-rossiya/](http://otvet.monavista.ru/410216/est-svoj-zapah-nashej-rodiny-vashemu-pahnet-rossiya/) (дата обращения 05.01.2016).

⁶ Есть ли свой ЗАПАХ у нашей родины? [Электронный ресурс]. – URL: <http://otvet.monavista.ru/410216/est-svoj-zapah-nashej-rodiny-vashemu-pahnet-rossiya/> (дата обращения 05.01.2016).

⁷ Есть ли свой ЗАПАХ у нашей родины? [Электронный ресурс]. – URL: <http://otvet.monavista.ru/410216/est-svoj-zapah-nashej-rodiny-vashemu-pahnet-rossiya/> (дата обращения 05.01.2016).

⁸ Чем по Вашему пахнет Россия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1048521-est-li-svoj-zapah-u-nashej-rodiny-chem-po-vashemu-pahnet-rossiya-sm.html> (дата обращения 05.02.2016).

3) запах русских блюд (хлеба, блинов), молока: *Россия пахнет хлебом из настоящей русской печи, блинами и душистым сеном⁹; пахнет домашним молоком, сметаной, пельменями¹⁰; Для меня Россия пахнет хлебом. Причем не какой-то булкой с ванилином, а нашим "бородинским"¹¹; И запах только что сваренной картошки, лука, селедочки и рюмки холодной водочки¹²;*

4) запах сырой земли (после дождя или схода снега): *Особый запах после схода снега, самой ранней весной. Запах влажный, земляной, какой-то пронизывающий, вызывающий лёгкую тоску...¹³; запах мокрой земли в огороде, после дождя¹⁴;*

5) запах дыма, горелой травы: *Очень четкий, ни с чем не спутываемый, запах дыма из труб в деревне, из натапливаемых дровами домов. И еще – запах сжигаемой травы весной, а также – сжигаемых листьев осенью¹⁵; моя Россия пахнет ... дымом – от сжигаемой*

травы весной¹⁶; Для меня самая главная ассоциация с родиной – вот этот запах. Посмотрите на фотографию. Прислушайтесь. Чувствуете? В ноздри проникает этот горьковатый дымок из печных труб¹⁷;

6) запах железнодорожного полотна, керамзита, шпал: *Запах железнодорожного полотна, который сразу рождает мысль о бесконечных дорогах и путешествиях, когда можно долго-долго ехать по своей стране; Запах горячих шпал и запаха креозота...¹⁸; Креозотом (веществом, которым пропитывают деревянные шпалы). Очень люблю этот запах¹⁹;*

7) запах метро, вагона поезда: *возле станции когда идешь, на улице, прям такой запах-запах: теплый и какой-то машинный. Не знаю точного названия, именно вот этот запах метро²⁰; когда Москву вспоминаю, то почему-то сразу возникает запах метро, но мне он нравится, с детства приятные воспоминания об этих вагончиках и эскалаторах остались²¹.*

⁹ Есть ли свой ЗАПАХ у нашей родины? [Электронный ресурс]. – URL: <http://otvet.monavista.ru/410216/est-svoj-zapah-nashey-rodiny-vashemu-pahnet-rossiya/> (дата обращения 05.01.2016).

¹⁰ Чем по Вашему пахнет Россия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1048521-est-li-svoj-zapah-u-nashey-rodiny-chem-po-vashemu-pahnet-rossiya-sm.html> (дата обращения 05.02.2016).

¹¹ Аромат Родины // Известия. 2003. 17 октября [Электронный ресурс]. – URL: <http://izvestia.ru/news/282690> (дата обращения 06.02.2016).

¹² Чем пахнет Родина для вас? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.askguru.ru/list.ghml?ID=485396> (дата обращения 06.02.2016).

¹³ Разговоры о самоопределении русского народа [Электронный ресурс]. – URL: <http://holmogor.Livejournal.com/1490567.html> (дата обращения 01.02.2016).

¹⁴ Запахи России. [Электронный ресурс] – URL: <http://eva.ru/forum/topicmessages.htm?print=true&topicId=3236643> (дата обращения 01.02.2016).

¹⁵ Чем же пахнет Россия? [Электронный ресурс]. – URL: http://aromatic.ucoz.ru/publ/chem_zhe_pahnet_rossija/1-1-0-48 (дата обращения 05.02.2016).

¹⁶ Чем пахнет Россия? [Электронный ресурс]. – URL: <https://otvet.mail.ru/question/8759453> (дата обращения 06.02.2016).

¹⁷ Одноклассники.ру [Электронный ресурс]. – URL: <http://m.ok.ru/solikams/topic/64585715957811> (дата обращения 05.02.2016).

¹⁸ Чем пахнет Россия? [Электронный ресурс]. – URL: <https://otvet.mail.ru/question/8759453> (дата обращения 06.02.2016).

¹⁹ Официальный форум Василия Васильевича Головачева [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.golovachev.ru/forum/showthread.php?t=35> (дата обращения 05.02.2016).

²⁰ Аромания.ру [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aromania.ru/index.php/topic/23640-31-мая-запах-родины/page-4> (дата обращения 05.02.2016).

²¹ Есть ли свой ЗАПАХ у нашей родины? [Электронный ресурс]. – URL: <http://otvet.expert/est-li-svoj-zapah-u-nashey-rodini-em-po-vashemu-pahnet-rossiya-sm-817723> (дата обращения 02.02.2016).

Последние две группы ассоциаций настолько частотны, что их повторяемость заставляет интернет-пользователей рефлексировать по этому поводу, связывать запахи с безграничным пространством России: *Меня в этих ответах поразил, прежде всего, постоянно встречающийся образ запаха шпал, железной дороги, поезда, который неожиданно появляется посреди переживаний природы и природных запахов. Россия пахнет бескрайним пространством*²².

8) ассоциации, которые связывают Россию с материнским началом, эксплицируемые в том числе и путем сравнения запаха России с запахом матери или младенца: *Чем же пахнет наша прекрасная Родина? Чувствуется еле уловимый, но такой родной и до боли знакомый запах матери*²³; *Когда вечером выходишь на улицу тебя окружает множество ароматов: запах сырой земли, свежескошенной травы... запах матери и родного дома*²⁴; *Запахи все время меняют друг друга, но все они вкусны и похожи на запах макушки ребенка*²⁵.

Представляется, что наиболее частотные одорические признаки России связываются с индивидуальным жизненным опытом человека. Поэтому они нередко обусловлены тем

эмоциональным и физическим состоянием говорящего, которые он испытывал в тот или иной момент перцепции.

По мнению субъектов высказываний, именно такое представление о запахах России сформировалось:

а) в детстве: *ассоциации родом из детства: запах земляники на склонах холмов деревни Загорье*²⁶; *для россиян мне кажется запах Родины – прежде всего запахи из детства, когда и сознание больше открыто и ассоциации больше абстрактные*²⁷; *Запах реки. Все летнее детство на ней провела*²⁸; *Моя Родина пахнет теплым навозцем, НО! в березах, цветах, мазуте в перемежку с хмельными нотами. Это, видимо, последствия летнего деревенского детства моего*²⁹;

б) под влиянием русской художественной литературы: *Запах России еще в свое время определил Иван Бунин в своем рассказе «Антоновские яблоки». Россия действительно пахнет спелыми яблоками, скошенным сеном, ароматом земляники летом, весной – пахнет сиренью и черемухой, зимой – морозной свежестью*³⁰. Это подтверждают и многочисленные примеры прецедентных высказываний, встречающихся выявленных кон-

²² Холмогоров Е. СЧАСТЬЕ БЫТЬ РУССКИМ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.specnaz.ru/article/7834> (дата обращения 05.02.2016).

²³ Есть ли свой ЗАПАХ у нашей родины? [Электронный ресурс]. – URL: <http://otvet.expert/est-li-svoy-zapah-u-nashey-rodini-em-po-vashemu-pahnet-rossiya-sm-817723> (дата обращения 05.02.2016).

²⁴ Чем по Вашему пахнет Россия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1048521-est-li-svoj-zapah-u-nashey-rodiny-chem-po-vashemu-pahnet-rossiya-sm.html> (дата обращения 05.02.2016).

²⁵ Есть ли свой ЗАПАХ у нашей родины? [Электронный ресурс]. – URL: <http://otvet.expert/est-li-svoy-zapah-u-nashey-rodini-em-po-vashemu-pahnet-rossiya-sm-817723> (дата обращения 02.02.2016).

²⁶ Аромания.ру [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aromania.ru/index.php/topic/23640-31-мая-запах-родины/> (дата обращения 05.02.2016).

²⁷ Аромания.ру [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aromania.ru/index.php/topic/23640-31-мая-запах-родины/> (дата обращения 05.02.2016).

²⁸ Аромания.ру [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aromania.ru/index.php/topic/23640-31-мая-запах-родины/> (дата обращения 05.02.2016).

²⁹ Аромания.ру [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aromania.ru/index.php/topic/23640-31-мая-запах-родины/page-2> (дата обращения 05.02.2016).

³⁰ Есть ли свой ЗАПАХ у нашей родины? [Электронный ресурс]. – URL: <http://otvet.expert/est-li-svoy-zapah-u-nashey-rodini-em-po-vashemu-pahnet-rossiya-sm-817723> (дата обращения 02.02.2016).

текстах: «Там русский дух... Там Русью пахнет». Это запах сена, злаков, хлеба русского, ягод и грибочков, а также полевых цветочков³¹; С запахом дыма. "И дым Отечества нам сладок и приятен":-)³²;

в) на определённом значимом, нередко переломном этапе жизни: *В 90-е жизнь так развернулась, что я был фермером. Земля весной – вот это запах сердцевинной России*³³.

Иными словами, актуализация представлений о запахах России часто связана с модулем воспоминаний, а не с актуальными переживаниями. Нередко она осложняется дополнительными эмоциональными коннотациями: тоска по прошлому, грусть воспоминаний и под.: *Запахи неизбывной русской грусти и неистребимой, вечной тоски; Вечной тоски, по чему - то, безвозвратно и навсегда ушедшему; Ускользающие, горестные запахи - так никогда и не сбывшихся надежд*³⁴.

Такой экспликация предшествует этап обобщения не только жизненного опыта, но и представлений о типично русских объектах. Ср.: *И воздух такой чистый и свежий! Этот глубокий воздух имеет запах всех озёр, от Байкала, до рек, морей. То солёноватый запах там, где Чёрное, Балтийское, Охотское моря, до пресный запах реки, как у Волги*³⁵. Возможно, что такие одорические ассоциации

связаны не только с результатами перцептивного восприятия, но и отражают стереотипные представления о России в целом (ср. данные Русского ассоциативного словаря³⁶: на стимул *Россия* даются такие реакции, как мать (8), матушка (5), березка (1), лес (1); на стимул *родина* – мать (65), береза (1), березка (1), березки (1), березы (1), зелень (1), лес = поле = речка (1), поля = леса = реки (1), природа (1)). Похожие ассоциации возникают у интернет-пользователей на стимул *Россия: у меня с сопками, с лесами, с полями, с реками, с историей; У меня, почему-то, Россия больше всего ассоциируется с березово-еловыми лесами...*³⁷ и пр.

Таким образом, можно предположить, что в сознании носителей языка за образом России закреплены скорее не реально физиологически ощущаемые запахи, а представления о русских реалиях, которые имеют отличающийся, явно выраженный (*дым, керамзит* и пр.) и недостаточно выраженный, нелегко идентифицируемый запах (*снег, береза* и пр.). Запах представляется в двух плоскостях: перцептивном и когнитивном, ментальном, как объект восприятия и символ познания. Одорические впечатления порой подменяются ментальными (представлениями о визуально вос-

³¹ Чем по Вашему пахнет Россия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1048521-est-li-svoj-zapah-u-nashej-rodiny-chem-po-vashemu-pahnet-rossiya-sm.html> (дата обращения 05.02.2016).

³² Чем пахнет Россия? [Электронный ресурс]. – URL: <https://otvet.mail.ru/question/8759453> (дата обращения 06.02.2016).

³³ Аромания.ру [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aromania.ru/index.php/topic/23640-31-мая-запах-родины/page-4> (дата обращения 05.02.2016).

³⁴ Есть ли свой ЗАПАХ у нашей родины? [Электронный ресурс]. – URL: <http://otvet.expert/est-li-svoj-zapah-u-nashej-rodiny-em-po-vashemu-pahnet-rossiya-sm-817723> (дата обращения 02.02.2016).

³⁵ Есть ли свой ЗАПАХ у нашей родины? [Электронный ресурс]. – URL: <http://otvet.monavista.ru/410216/est-svoj-zapah-nashej-rodiny-vashemu-pahnet-rossiya/> (дата обращения 05.01.2016).

³⁶ Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель; АСТ, 2002. Т. 1. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. [Электронный ресурс]. – URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>, свободный (дата обращения 02.02.2016)

³⁷ Что у вас в душе ассоциируется с Россией? [Электронный ресурс]. – URL: <https://maxpark.com/user/911402693/content/301613> (дата обращения 05.02.2016).

принимаемых объектах, например), тем самым можно наблюдать два семантических процесса: описание запаха (пахнет сеном); символизация одорических впечатлений (символическая метафора, или метафорический символ) (запах берез и просторов). Кроме того, наблюдаются многочисленные примеры синтестезии, когда одорическое восприятие «достраивает» сложившийся зрительный, звуковой, вкусовой или тактильный образ. Ср. *Родина пахнет ароматами леса. Когда идешь по лесу с полной корзиной грибов, выходишь на лесную поляну и падаешь без сил на траву. Глазам открывается голубое небо, по которому лениво скользят облака, стрекочут кузнечики, поют птицы. И вперемешку с этими ощущениями накрывает тебя волна аромата: луговые травы, лесные цветы, запах нагретой на солнце сосновой коры*³⁸.

Как показываются примеры, связь России с запаховыми признаками различных реалий носит преимущественно положительный характер. Происходит некоторая идеализация представлений. Россия в первую очередь – это родина, то, что остается от страны, когда из неё «вычитаются» география и политическое устройство, нечто «необъяснимое, что люди и любят больше всего другого» [23, с. 25].

Но нельзя не отметить и обратную ситуацию, когда одорические образы России носят сугубо негативный характер. Через типичные запахи говорящие выражают либо отрицатель-

ное мнение относительно сложившейся ситуации в какой-либо области, либо высказывают критику на фоне представлений о других странах, эпохах и др.

Эталонами обонятельно воспринимаемых негативных запахов России становятся следующие:

1) запахи экскрементов: *Абсолютно верно. Запах мочи вместе с табаком... Это - запах советской власти для меня. Это – запах России*³⁹;

2) запахи алкоголя, перегара: *Россия – перегар*;

3) запахи нечистого тела, грязи: *не обижайтесь братья русские, но [пахнет] запахом пота из подмышек!*⁴⁰

Кроме того, именно данная группа насыщена одорическими метафорическими образами: можно наблюдать те явления, которые более всего не принимаются современным обществом. Это запахи:

1) тревожности и опасности: *У России запах постоянной тревожности и опасности, запах недоверия друг другу. Это основная составляющая запаха России*⁴¹;

2) бедности: *Бедностью пока пахнет больше, чем благосостоянием и уверенностью*⁴²; *Экономический кризис принес в воздух страны необычный запах. Это не запах денег – это запах девальвации*⁴³;

3) перемен: *Есть такая песня «Ветер перемен». По-моему, именно так и пахнет сейчас Россия. Откуда дует ветер и что он*

³⁸ Есть ли свой ЗАПАХ у нашей родины? [Электронный ресурс]. – URL: <http://otvet.monavista.ru/410216/est-svoj-zapah-nashej-rodiny-vashemu-pahnet-rossiya/> (дата обращения 05.01.2016).

³⁹ Woman.ru [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.woman.ru/rest/medley8/thread/4328900/8/> (дата обращения 05.02.2016).

⁴⁰ Чем пахнет Россия? [Электронный ресурс]. – URL: <https://otvet.mail.ru/question/8759453> (дата обращения 06.02.2016).

⁴¹ Аромат Родины // Известия. 2003. 17 октября [Электронный ресурс]. – URL: <http://izvestia.ru/news/282690> (дата обращения 06.02.2016).

⁴² Аромат Родины // Известия. 2003. 17 октября [Электронный ресурс]. – URL: <http://izvestia.ru/news/282690> (дата обращения 06.02.2016).

⁴³ Запах девальвации // Рабкор. Интернет-журнал [Электронный ресурс]. – URL: <http://rabkor.ru/columns/editorials/2008/11/17/smells-like/> (дата обращения 05.02.2016).

принесет, пока непонятно. Но запах перемен приятный и пока нам не очень привычный⁴⁴;

4) коррупции: *Некоторые среди всех запахов России различают только зловонный запах коррупции*⁴⁵;

5) конфессиональных доминант: *Сегодня ряса, духовность и боевое кадило – это мейнстрим. Это теперь аромат большой политики и нашей новой идеологии!*⁴⁶

Ольфакторная метафора становится одним из адекватных средств, оценивающих неотъемлемые элементы современной российской жизни, что в целом соответствует характерным для современного дискурса «векторам опасности, агрессивности и тревожности» [24, с. 7]. Именно в данной группе в большей степени наблюдается взаимопроникновение ментальных и перцептивных структур.

Положительная и отрицательная «запаховые» оценки России имеют и еще один вектор противопоставления по шкале статичности и динамичности. Позитивно оцениваемые одорические признаки страны (*природа, мороз, дым* и пр.) как бы находятся вне времени, они относительно постоянны, являются неотъемлемой чертой России, поскольку сформировались давно и именно поэтому первыми

всплывают в сознании говорящих. Авторы высказываний скорее воспроизводят некие архетипические представления, но воплощают их в форме субъективного переживания, делают их личностными. Негативные же признаки чаще актуализируются в определенную эпоху, могут иметь «временный» характер, в силу социальных, политических, экономических изменений способны утрачиваться, менять полюс оценки. Ср. *Я могу только надеяться, что скоро запах перемен превратится в запах свободы, богатства и силы*⁴⁷.

Таким образом, слова с семой запах участвуют не только в процессе языкового кодирования ситуации ольфакторного восприятия, но и выступают в роли культурно значимых ориентиров, способствующих познанию окружающей действительности. Образ России в сознании носителей языка оказывается биполярным, обусловленным своеобразием культуры, историческими традициями, лингвокультурными характеристиками, национальным менталитетом, а также особенностями политической культуры, политического поведения носителей языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамцева В. В. К вопросу о вербализации концепта «запах» в художественной литературе // Вестник Чувашского государственного педагогического института им. И. Я. Яковлева. – 2015. – № 2 (86). – С. 101–106.
2. Классен К., Хоувз Д., Синнотт Э. Значение и власть запаха // Ароматы и запахи в культуре / сост. О. Б. Вайнштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – Кн. 1. – С. 43–52.

⁴⁴ Аромат Родины // Известия. 2003. 17 октября [Электронный ресурс]. – URL: <http://izvestia.ru/news/282690> (дата обращения 06.02.2016).

⁴⁵ Есть ли свой ЗАПАХ у нашей родины? [Электронный ресурс]. – URL: <http://otvet.expert/est-li-svoy-zapah-u-nashey-rodini-em-po-vashemu-pahnet-rossiya-sm-817723> (дата обращения 02.02.2016).

⁴⁶ Запах Родины [Электронный ресурс]. – URL: <https://rufabula.com/articles/2013/10/23/smells-like-kin-spirit> (дата обращения 03.02.2016).

⁴⁷ Аромат Родины // Известия. 2003. 17 октября [Электронный ресурс]. – URL: <http://izvestia.ru/news/282690> (дата обращения 06.02.2016).

3. **Шилина А. В.** Лингвокультурологический аспект изучения лексики ольфакторного восприятия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 6. – С. 255–257.
4. **Вайнштейн О.** Грамматика ароматов // Ароматы и запахи в культуре / сост. О. Б. Вайнштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – Кн. 1. – С. 5–13.
5. **Кирсанова Р.** Аромат родного дома и запах счастья // Ароматы и запахи в культуре / Сост. О. Б. Вайнштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – Кн. 2. – С. 270–279.
6. **Колупаева А. А.** Национальные особенности концепта *запах* в русском языке // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 7 (63). – С. 86–89.
7. **Павлова Н. С.** Запах города: вчера и сегодня (функционирование ольфакторной лексики в тексте) // «Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения». I Новиковские чтения: материалы Международной научной конференции (Москва, 5–6 апреля 2006 г.). – М.: Изд-во РУДН, 2006. – С. 252–256.
8. **Рогачева Н. А.** Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX – начала XX вв.: проблемы поэтики: монография. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. – 404 с.
9. **Старостина Ю. А.** Концепты «запах» и «красота» в романе П. Зюс-кинда «Парфюмер. История одного убийцы» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 7 (41). – С. 164–169.
10. **Трипольская Т. А.** Интерпретационный потенциал концепта «запах» // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: матер. Всерос. науч. конф. 14–16 апреля 2005 г. Екатеринбург, Россия. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 35–43.
11. **Miller G. A., Johnson-Laird P. N.** Language and Perception. – Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1979. – 760 p.
12. **Engen T.** The Perception of Odors. – N.-Y.: Academic Press, 1982. – 202 p.
13. **Clark H. H., Carpenter P. A., Just M. A.** On the Meeting of Semantics and Perception // Visual Information Processing. – N.-Y., London: Academic Press, 1973. – P. 311–383.
14. **Виноградов В. В.** Основные типы лексических значений // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3–29
15. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1964. – Ч. 1. – С. 142–169.
16. **Карасик В. И.** Языковой круг. Личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/1806336/page:10/> (дата обращения: 27.01.2016).
17. **Падучева Е. В.** Семантические исследования: Семантика времени и вида. Семантика нарратива. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
18. **Бартмицкий Е.** Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М., 2005. – 512 с.
19. **Кирилина А. В.** Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 155 с.
20. **Щекотихина И. Н.** Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2008. – № 5 (19). – С. 69–80.
21. **Прохоров Ю. Э.** Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении иностранному языку иностранцев. – М.: ЛКИ, 2003. – 224 с.
22. **Красных В. В.** Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
23. **Воркачев С. Г.** «Родина с нами»: идея патриотизма в русской лингвокультуре // Этногерменевтика и когнитивная лингвистика. – Landau: Verlag Empirische Pedagogik, 2007. – С. 24–44.
24. **Чудинов А. П.** Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург: УрГПУ 2001. – 238 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.04)

Basalaeva Elena Gennadjevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Language Theory and Intercultural Communication, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
ORCID iD [0000-0003-2830-0294](https://orcid.org/0000-0003-2830-0294)
E-mail: lena.bas@mail.ru

NATIONAL AND CULTURAL PECULIARITIES OF OLFACTORY LEXIS

Abstract

The article analyzes various ways of describing reality in online discourse in the light of olfactory perception. Olfactory perception is one of the most important steps in the development of human mind, in comprehending of the world around us. The attention to the studies of the olfactory nominative space is increasing nowadays. At the same time some questions of its national and cultural peculiarity, remain open. Anchoring of stable olfactory associations to this or that object forming a certain cultural stereotype is among them. Our study is an attempt to describe the manifestation of the cultural component in 'odour-focused' segments containing references to 'one's own' area (a country, city, village, etc.) on the material extracted from Internet discourse. The analysis can reveal the stereotyped olfactory representations, depending on the olfactory cultural standards and their personal perception by an individual speaker. Thus, on the one hand, the image of the country for the speaker is a positively coloured field of associations formed by such stereotyped odours, as the smells of nature, frost, bread, mother etc., on the other hand, the negative assessments can also appear, often as a result of metaphorical rethinking (the smell of poverty). Odourative images are often replaced by mental ones, thus two different semantic processes can be observed: a description of an odour and symbolization of olfactory impressions. The words with the seme of smell are involved not only in the process of language coding of olfactory perception, but also play the role of culturally significant landmarks that contribute to the knowledge of reality.

Keywords

Lexical meaning, lexis olfactory perception, national and cultural component, Internet discourse.

REFERENCES

1. Mamceva V. V. Verbalization of the concept of "smell" in fiction. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2015, no. 2 (86), pp. 101–106. (In Russian)
2. Classen C., Howes D., Synnott A. The value and power of smell. *Aromas and smells in culture*. Moscow, New Literary Observer Publ., 2003, vol. 1, pp. 43–52. (In Russian)
3. Shilina A.V. Lingvokulturologichesky aspect of studying vocabulary olfactory perception. *Actual problems of the humanities and natural sciences*, 2013, no. 6, pp. 255–257. (In Russian)
4. Vajnshtejn O. Grammar of smells. *Aromas and smells in culture*. Moscow, New Literary Observer Publ., 2003, vol. 1, pp. 5–13. (In Russian)
5. Kirsanova R. The aroma of home and the smell of happiness. *Aromas and smells in culture*. Moscow, New Literary Observer Publ., 2003, vol. 2, pp. 270–279. (In Russian)
6. Kolupaeva A. A. National characteristics smell concept in Russian. *Tamov University Review. Series: Humanities*, 2008, no. 7 (63), pp. 86–89. (In Russian)

7. Pavlova N. S. The smell of the city yesterday and today (functionolfactory vocabulary in the text). *"Functional semantics, semiotics of sign systems and methods of their study". I Novikov reading: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, 5-6 April 2006)*. Moscow, RUDN University Publ., 2006, pp. 252–256. (In Russian)
8. Rogacheva N. A. *Olfactory space Russian poetry of the end of XIX – early XX centuries: poetics problems*. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2010, 404 p. (In Russian)
9. Starostina Yu. A. The concepts of "smell" and "beauty" in the novel P. Süsskind "Perfume. The story of a Murderer». *Volgograd State Pedagogical University Bulletin. Philology*, 2009, no. 7 (41), pp. 164–169. (In Russian)
10. Tripolskaya T. A. Express modelling the mental structure "odour perception" in Russian language picture of the world. *Interpretational problems of linguistics: the types of perceptions and their linguistic embodiment*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2013, pp. 50–61. (In Russian)
11. Miller G. A., Johnson-Laird P. N. *Language and Perception*. Cambridge. Mass., Harvard Univ. Press Publ., 1979, 760 p.
12. Engen T. *The Perception of Odors*. N.-Y., Academic Press Publ., 1982, 202 p.
13. Clark H. H., Carpenter P. A., Just M. A. On the Meeting of Semantics and Perception. *Visual Information Processing*. N.-Y. London, Academic Press, 1973. pp. 311–383.
14. Vinogradov V. V. The main types of lexical meanings. *Voprosy Jazykoznanija*, 1953, no. 5, pp. 3–29. (In Russian)
15. Potebnja A.A. From the notes on Russian grammar. *Zvegintsev V. A. History of linguistics XIX-XX centuries in the essays and extracts*. Part 1. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1964, pp.142–169. (In Russian)
16. Karasik V.I. *Linguistic Circle. Person, concepts, discourse*. Volgograd, Peremena Publ., 2002. (In Russian). Available at: <http://www.studfiles.ru/preview/1806336/page:10/> (accessed 27.01.2016).
17. Paducheva E. V. *Semantic Research: The semantics of the time and type. The semantics of the narrative*. Moscow, LRC Publishing House Publ., 1996. 464 p. (In Russian)
18. Bartmin'skij E. *Language Image of the World: Essays on ethnolinguistics*. Moscow, 2005, 512 p. (In Russian)
19. Kirilina A.V. *Gender: linguistic aspects*. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999, 155 p. (In Russian)
20. Shhekotihina I. N. Stereotype: aspects and perspectives of research. *Pushkin Leningrad State University Bulletin*, 2008, no. 5 (19), pp. 69–80. (In Russian)
21. Prohorov Ju. Je. *National socio-cultural stereotypes of verbal communication and their role in foreign language teaching foreigners*. Moscow, LKI Publ., 2003, 224 p. (In Russian)
22. Krasnyh V.V. *Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics*. Moscow, Gnozis Publ., 2002, 284 p. (In Russian)
23. Vorkachev S. G. "Homeland is with us": the idea of patriotism in Russian linguoculture. *Etnohermeneutics and cognitive linguistics*. Landau, Verlag Empirische Pädagogik Publ., 2007. pp. 24–44. (In Russian)
24. Chudinov A. P. *Russia in a metaphorical mirror: cognitive study of political metaphors (1991-2000)*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ., 2001, 238 p. (In Russian).

© Д. О. Добровольский, Л. Пёппель

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.05)

УДК 81.37 + 81.367.4

**КОНСТРУКЦИИ ТО-ТО И N, В ТОМ-ТО И N, В ТОМ-ТО И ВЕСЬ <ВЕСЬ И> N:
КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ****Д. О. Добровольский (Москва, Россия), Л. Пёппель (Стокгольм, Швеция)*

Целью настоящего исследования является проверка гипотезы о природе лексической словосочетаемости. В соответствии с традиционными представлениями словосочетания могут быть либо свободными, либо устойчивыми. Причем понятие устойчивости традиционно связывается с понятием неаддитивности смыслов. Значение свободного словосочетания выводится из значений входящих в него элементов, в отличие от устойчивого словосочетания, значение которого не выводится из его составляющих, т. е. не является ни композиционным, ни аддитивным. С появлением больших корпусов текстов и развитием новых лингвистических направлений, таких как грамматика конструкций, открылись возможности исследования частоты употребления языковых единиц и их когнитивной укорененности эмпирическими методами, в том числе с помощью статистических методов. В статье будет показано, что устойчивость словосочетаний не обязательно связана с некомпозиционностью. Многие конструкции, образующиеся согласно правилам управления элементами словосочетания, могут тем не менее храниться в памяти как самостоятельные единицы. С помощью больших корпусов текстов, позволяющих получить обширный эмпирический материал, будут проанализированы семантически близкие конструкции *то-то и N*, *в том-то и N* и *в том-то и весь <весь и> N* и их реализации и будет показано, что некоторые реализации конструкций настолько частотны, что их можно считать когнитивно укорененными единицами, хранящимися в памяти как самостоятельные единицы языка. Соответственно, их следует описывать как отдельные единицы лексикона. Будут также выявлены некоторые закономерности распределения филлеров слота *N* рассматриваемых конструкций и сформулированы соответствующие правила такого распределения.

Ключевые слова: когнитивная укорененность, корпус, устойчивые словосочетания, конструкции, дискурсивные единицы.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 16-06-00339).

Добровольский Дмитрий Олегович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

E-mail: dm-dbrv@yandex.ru

Пёппель Людмила – доктор философии, доцент, отделение славистики, Стокгольмский университет.

E-mail: ludmila.poppel@slav.su.se

В данной работе анализируются дискурсивные единицы русского языка с близкой семантикой. Исследованию дискурсивных слов и конструкций на русском материале посвящена обширная литература. Ср. в первую очередь [1–3]. Здесь мы рассматриваем такие конструкции, как *то-то и N*, *в том-то и N*, *в том-то и весь <весь и> N*. Подобные конструкции на материале разных языков изучаются также в грамматике конструкций – одном из ведущих направлений современной лингвистики. О грамматике конструкций см. [4–5; 6, с. 225–290; 7–9]. Важно подчеркнуть, что некоторые идеи, связанные с изучением природы неаддитивных словосочетаний, были предвосхищены в традиционной русистике, в первую очередь в известной работе Н. Ю. Шведовой [10]. Из современных работ, развивающих идеи грамматики конструкций на русском материале см. [11].

Семантику интересующих нас квазисинонимических конструкций¹ *то-то и N*, *в том-то и N*, *в том-то и весь <весь и> N* можно описать следующим образом: ‘говорящий выделяет элемент ситуации, являющийся, по его мнению, главным в высказывании собеседника, и указывает на то, что этот элемент наиболее важен для адекватного понимания данной ситуации’². Особенность устройства подобных конструкций состоит в наличии в их структуре пустых мест. В данном случае это элемент *N* в структуре конструкций *то-то и N*, *в том-то и N*, *в том-то и весь <весь и> N*. Конструкции этой группы могут использоваться как отдельное высказывание и как матричная конструкция типа *то-то и N*, *что P*; *в том-то и N*, *что P*; *в том-то и весь <весь и>*

N, *что P*. Семантика этих конструкций остается принципиально той же и в случаях, когда конструкция употреблена в качестве отдельного высказывания, и в случаях, когда она употреблена как часть главного предложения, вводящего придаточное изъяснительное. Ср. примеры с (1) по (5).

- (1) Повесть, которую я писал, была о деревне, хотя человек я городской. Может показаться: с чего бы вдруг? Но *в том-то и дело, что* не вдруг. Среди солдат моего взвода примерно половина была из деревни. То, что они рассказывали, никак не похоже было на книги, которые я читал, на «Поднятую целину» Шолохова. (Г. Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999))
- (2) Но Крикушин был неумолим: – Я его, гада!.. На колени встанет, волосы на себе рвать будет! Ведь вы же добрый человек! – сверкал он глазами. – Красавица!.. Женщина устало улыбнулась. – Была... *То-то и оно, что* была. Потому и пошла за него замуж. А будь дурнушкой, жила бы сейчас спокойно, без дерготни... Детей жалко. (Дмитрий Каралис. Феномен Крикушина (1984))
- (3) Боря дернул костлявым плечом и прищурился, как следователь, допрашивающий преступника: – А, собственно, за что ты так сильно в нее влюбился? Что она – лучше других? – Ах, *в том-то и вся штука, что* я не знаю, за что я ее полюбил. Просто так. В этом-то все дело. (В. П. Катаев. Юношеский роман (1980–1981))
- (4) Вот ты, кстати, как со своей? Помнится, развестись грозился? – Собираюсь вроде. – *То-то и оно-то*. И восемь лет назад собирался. Даже жен впрок придерживаем. (Семен Данилюк. Рублевая зона (2004))

¹ Анализ квазисинонимических русских конструкций посвящены лишь отдельные небольшие работы. Ср., например, семантический анализ конструкций русского языка *чего доброго* и *того и гляди* в [12].

² Некоторые семантические и прагматические особенности этих конструкций были рассмотрены в [13–15].

(5) Я осторожно его спросил: – Вас тяготит ваша профессия? Он живо откликнулся: – Что из того? Не я ее, она меня выбрала. *В том-то и ужас*. (Леонид Зорин. Казанские гастроли // «Новый Мир», 2008).

1. Цели и задачи

Цель статьи состоит в проверке гипотезы о природе лексической сочетаемости. Традиционно считалось, что словосочетания могут быть либо свободными словосочетаниями, либо устойчивыми выражениями. Первые являются композиционными, т. е. общее значение выводится из значений каждого входящего в них элемента. Такие выражения порождаются говорящим по правилам семантической сочетаемости. Устойчивые словосочетания некомпозиционны, т. е. их значение не выводится или не полностью выводится из значений составляющих единиц. С появлением больших корпусов текстов и развитием таких новых направлений в лингвистике, как грамматика конструкций, появилась возможность исследовать частоту и соответственно когнитивную укорененность (*cognitive entrenchment*) словосочетаний эмпирическими методами, в частности с помощью количественного анализа.³ Возникло предположение, что устойчивость не обязательно связана с некомпозиционностью. Многие конструкции, образуемые по правилам семантической сочетаемости элементов, могут тем не менее храниться в памяти как отдельные единицы. См. об этом, например, [7, с. 5].

Применительно к нашему материалу это означает, что типы рассматриваемых нами конструкций реализуется в самых разнообразных токенах. Тем не менее, какие-то филлеры в конструкциях *то-то и N*, *в том-то и N*, *в том-то и весь <весь и> N* могут оказаться

настолько частотными, что это даст основание считать их когнитивно укорененными единицами и описывать их как отдельные единицы лексикона, а не только как токены данной конструкции. Проверка этой гипотезы и является основной теоретической целью данного исследования.

2. Материал

Эмпирический материал собран из поисковой системы *Sketch Engine* (www.sketchengine.co.uk), подкорпуса *ruTenTen* объемом свыше 18 млрд словоупотреблений. Это дало возможность выявить все реализации конструкций *то-то и N*, *в том-то и N*, *в том-то и весь <весь и> N* и получить статистически репрезентативные данные⁴. Для сравнения был использован Национальный корпус русского языка (НКРЯ) размером около 500 млн словоупотреблений (www.ruscorpora.ru). Поиск в *Sketch Engine* осуществляется таким образом, что на выходе даются все формы рода и числа. На основе полученного конкорданса строились таблицы, демонстрирующие количество реализаций каждого паттерна.

Поисковая система выделяет варианты с различными знаками препинания в разные строки. Поскольку нас интересует только лексическое заполнение слота *N* вне зависимости от структуры предложения, мы обработали полученные результаты вручную.

2.1 Конструкция *то-то и N*

Результаты поиска в *Sketch Engine* показывают, что из общего числа найденных примеров (6 709) конструкция *то-то и оно* встречается 5 596 раз, т. е. в десятки и сотни раз чаще всех остальных вариантов конструкций. Вторым по частотности филлером является

³ Понятие когнитивной укорененности (*cognitive entrenchment*) подробно рассматривается в [16–18].

⁴ О значимости частоты встречаемости языковых выражений и использовании статистических методов см. в первую очередь работы [19].

есть (821), за которым следуют *дело* (99), *беда* (91) и *горе* (24). Все остальные филлеры встречаются менее 10 раз. Соответствующие результаты поиска в НКРЯ показывают, что самым частотным является филлер *есть* (489 из общего числа попаданий 1 046), за которым следуют *оно* (416), *беда* (59), *дело* (54), *горе* (19) (табл. 1, 2).

Таблица 1

*To-to и N в Sketch Engine*⁵

To-to и N in Sketch Engine

слово N	частота
оно	5 596
есть	821
дело	99
беда	91
горе	24
штука	6
закон	6
фокус	2
делов-то	2
вопрос	2
главное	2

Таблица 2

To-to и N в НКРЯ

To-to и N in Russian National Corpus

слово N	частота
есть	489
оно	416
беда	59
дело	54
горе	19
штука	2
нет	3

Приведем примеры самых частотных реализаций этой конструкции:

- (6) Кто тут, спрашивается, народнее – граф Толстой или прасол Кольцов? внук раба Чехов или великий князь К. Р.? шестисотлетний дворянин Пушкин или Есенин, крестьянский сын? *То-то и оно*, что толком не разберешь. (Вячеслав Пьецух. Письма из деревни // «Октябрь», 2001).
- (7) – Ну, старик, так как же ты живешь? – весело воскликнул он, чувствуя неловкость и стараясь ее побороть весельем. Отец грустно и серьезно посмотрел на сына и утер под носом. – *То-то вот и есть*, что старик, – сказал он, вздохнув, и вдруг ласково и беспомощно улыбнулся, – *то-то и есть*, сынок, что старик. По-стариковски и живу. (В. П. Катаев. Отец (1922–1925)).

2.2. Конструкция *том-то и N*

Эта группа конструкций намного частотнее конструкций *то-то и N* и в *том-то и весь <весь и> N*. Автоматический поиск в *Sketch Engine* дал общей сложностью 25 772 попаданий. В этой группе конструкций слот *N* чаще всего заполняется следующими филлерами: *дело* (17 832), *беда* (1 154), *проблема* (754), *суть* (353), *штука* (255), *прелесть* (216), *фокус* (200), *вопрос* (155), *смысл* (131), *загвоздка* (128), *фишка* (128), *сила* (117), *парадокс* (104) (табл. 3, 4).

⁵ В таблицах 1, 2, 4, 5, 6 представлена частота более 1.

Таблица 3

В том-то и N в Sketch Engine⁶*V tom-to i N in Sketch Engine*

слово N	частота
дело	17 832
беда	1 154
проблема	754
суть	353
штука	255
прелесть	216
фокус	200
вопрос	155
смысл	131
фишка	128
сила	117
загвоздка	128
парадокс	104
ужас	94
соль	81
особенность	66
прикол	81
горе	67
секрет	67
разница	65
трагедия	52
сложность	48
закавыка	34
странность	25
ценность	28
опасность	29
трудность	29
отличие	28
хитрость	21
задача	28
преимущество	23
несчастье	11
специфика	12
величие	19
чудо	15
заслуга	16
причина	13

Таблица 4

В том-то и N в НКРЯ*V tom-to i N in Russian National Corpus*

слово N	частота
дело	679
беда	87
штука	45
сила	23
горе	19
ужас	19
суть	16
фокус	8
загвоздка	6
проблема	6
смысл	5
разница	4
особенность	4
фишка	4
несчастье	3
парадокс	3
заслуга	2
загадка	2
печаль	2
соль	2

Приведем примеры наиболее частотных реализаций этой конструкции:

- (8) Прочел название, перевел потом взгляд на фамилию автора и увидел, что там стоит моя собственная фамилия. В этом не было бы ничего удивительного. Каждому автору приходится иногда держать в руках книги, которые он написал. Но *в том-то и дело*, что я, как мне помнилось, никогда ничего подобного не писал. (Владимир Войнович. Москва 2042 (1986))
- (9) Квартира действительно была хорошая и стоила даже больше полтинника. И если бы у Томаса были свободные бабки, он бы согласился. Десять штук навару – кисло ли?

⁶ В таблице представлена частота более 10.

Но в том-то и беда, что этих тридцати тысяч у Томаса не было. (Виктор Левашов. Заговор патриота (2000))

Таблица 5

В том-то весь и N в Sketch Engine

V tom-to ves' i N in Sketch Engine

2.3. Конструкции в том-то и весь <весь и> N

Поиск в НКРЯ дал следующие результаты: в том-то весь и N: 66; в том-то и весь N: 29. (на 22.05.2015). В конструкции в том-то весь и N с огромным отрывом лидирует филлер дело (52), за ним следует штука (7). Остальные попадания единичные: соль (2), фокус (1), секрет (1), беда (1), загвоздка (1), несчастье (1). В версии в том-то и весь N картина другая: все попадания единичные, разброс статистически нерелевантен; ср. ужас (5), дело (4), фокус (4), штука (3), суть (2), (моя) беда (2), вопрос (2), несчастье (1), парадокс (1), соль (1), хитрость (1), разница (1), его трагедия (1), ваша просьба (1) (табл. 5, 6).

Ср. примеры употребления (10) и (11).

(10) Такой женой и такой семьей можно гордиться, и совсем не обязательно жену украшать и наряжать. То есть он бы, конечно, и украшал, и наряжал, если бы Женя сама захотела. Но в том-то все и дело, что она не хочет. (Александра Маринина. Последний рассвет (2013))

(11) Резкими ироническими штрихами набросав силуэт этого официально узаконенного «нашего Пушкина», Непомнящий противопоставил ему написанный щедрыми, широкими мазками портрет... Чуть было не написал «своего»... Если бы своего! В том-то вся и штука, что не своего, а тоже «нашего Пушкина». Только не тогдашнего, а теперешнего. (Бенедикт Сарнов. Уроки Розанова // «Огонек». 1991. № 8.)

слово N	частота
дело	1 450
штука	77
беда	56
проблема	46
фокус	26
прелесть	24
фишка	22
соль	20
загвоздка	17
суть	16
прикол	9
разница	7
смысл	7
ужас	6
хитрость	5
сложность	4
закавыка	4
трагедия	3
идея	3
подлость	2
трудность	2
радость	2
вещь	2
вопрос	2
печаль	2
петрушка	2
загогулина	2

Ср. контекст (12).

(12) Что изменилось, когда вам стукнуло 50? Ничего, в том-то и вся штука! Люди думают, что это какой-то рубеж в жизни, но это не так. Ты продолжаешь жить, как всегда жил... (Sketch Engine).

Таблица 6

В том-то и весь N в Sketch Engine
V tom-to i ves' N in Sketch Engine

слово N	частота
дело	90
фокус	34
беда	30
прелесть	24
вопрос	21
проблема	21
ужас	19
суть	18
штука	18
соль	16
смысл	15
загвоздка	13
фишка	12
сложность	8
прикол	7
секрет	7
разница	6
трагедия	5
петрушка	4
интерес	4
заковыка	4
сила	3
смак	3
парадокс	3
изюм	2
ошибка	2
цимес	2
хитрость	2
загогулина	2
идея	2
кайф	2
абсурд	2

3. Дискуссия

В качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предположение, что во многих конструкциях при семантически достаточно пред-

сказуемом заполнении открытого слота имеются явные количественные предпочтения в выборе конкретных слов, заполняющих данный слот. Такие конструкции являются, с одной стороны, семантически регулярными, с другой – отдельные их реализации являются устойчивыми словосочетаниями.

Анализ эмпирических данных *Sketch Engine* показал, что конструкции такого типа устроены еще более сложно. Филлер слота *N* – всегда абстрактное существительное, указывающее на серьезный, проблемный фактор ситуации. Все конкретные существительные, встречающиеся в этой позиции, употребляются в абстрактном смысле (с метонимическим сдвигом или в метафорической переинтерпретации).

Подтверждается гипотеза и о количественном разбросе между когнитивно укорененными филлерами и остальными *N*. По данным корпуса *Sketch Engine* в группе *то-то и N* выделяется ядро *то-то и оно* (5 596 попаданий, относительная частота: 0,3 на миллион). Некоторые конструкции встречаются один раз, т. е. попадают в зону периферии: *несчастье*, *проблема*, *фишка*, *эффект* и т. д. Выявлена также промежуточная зона с попаданием от 99 до 2. Например, *дело* (99), *беда* (91), *горе* (24). Конструкция *то-то и есть* встречается 821 раз, она оказывается скорее между промежуточной зоной и ядром. Однако по результатам НКРЯ в ядре этой группы оказываются две конструкции: *то-то и есть* (489) и *то-то и оно* (416), что несколько противоречит результатам *Sketch Engine*. Такое расхождение в результатах объясняется тем, что в *Sketch Engine* представлены за редким исключением современные тексты. Материал НКРЯ включает как тексты XIX в., так и современные тексты. В современном русском языке явно преобладает конструкция *то-то и оно*, а в языке XIX в. конструкция *то-то и есть* [14]. Иными

словами, в современном узусе конструкцией-прототипом является *то-то и оно*, а в узусе XIX в. – *то-то и есть*.

В группе *в том-то и N* ядром однозначно является конструкция *в том-то и дело* (17 832 попаданий, относительная частота: 1,00 на миллион). Данные *Sketch Engine* показывают, что конструкции *в том-то и N* во много раз частотнее других рассматриваемых нами групп конструкций. Здесь также выделяется периферийная зона (одно попадание) и, по крайней мере, две промежуточные зоны – от двух до ста попаданий и от 100 до 1 200. В зоне периферии найдено более 300 филлеров, т. е. ограничения на существительные, заполняющие слот *N*, гораздо слабее по сравнению с филлерами конструкций *то-то и N* и *в том-то и весь N* <весь и> *N*.

В группе *в том-то весь и N* выделяется явное ядро – конструкция *в том-то все и дело* (1 450 попаданий, относительная частота: 0,1 на миллион). Был также получен большой список единичных попаданий, например, *в том-то весь и страх* <секрет, парадокс, шик>; *в том-то вся и ситуация* <интрига, важность, загадка>. Между ядром и единичными случаями существует серая зона с попаданием от 77 до 2, например, *в том-то вся и штука* (77), *в том-то вся и беда* (56), *в том-то вся и проблема* (46); *в том-то весь и фокус* (26), *в том-то вся и прелесть* (24), *в том-то вся и фишка* (22), *в том-то вся и соль* (20).

В варианте этой конструкции *в том-то и весь N* картина похожая с той разницей, что *в том-то и все дело* встречается всего 90 раз. Если не учитывать реализации *в том-то все и дело* и *в том-то и все дело*, распространенность того или иного варианта конструкции приблизительно одинакова. Проанализированный материал НКРЯ в целом подтвердил результаты, полученные по данным *ruTenTen*. Особенно наглядно это видно по частотности

реализации *в том-то все и дело* (52 попаданий из 66).

Анализ эмпирического материала позволяет выявить следующие структурные особенности конструкций.

В группе конструкций *то-то и N* только филлер *оно* регулярно сочетается с энклитикой *-то*. Ср. пример (13).

(13) – Какие же они отличники, когда элементарных вещей?.. – Вот *то-то и оно-то...* (Булат Окуджава. Новенький как с иголки (1962))

Результат подтверждается данными *Sketch Engine* и НКРЯ. Во всех остальных случаях сочетаемость с *-то* не является регулярной (табл. 7).

Таблица 7

То-то и N: сочетаемость N с энклитикой –то

To-to i N: distribution of N with enclitic -to

<i>то-то и N-то</i>	<i>Sketch Engine</i>	НКРЯ
оно-то	87	54
есть-то	1	2
дело-то	1	0
беда-то	0	1
делов-то	1	0

При выборе филлера в конструкциях *в том-то и весь* <весь и> *N* важным фактором оказывается, начинается ли он с гласной или с согласной. Если с согласной, предпочтение не отдается ни одному из вариантов конструкций, ср. *в том-то весь и фокус* vs. *в том-то и весь фокус*; *в том-то вся и беда* vs. *в том-то и вся беда*. Если же филлер начинается с гласной, предпочтение отдается варианту *в том-то и весь N*. В корпусе *ruTenTen* в варианте *в том-то и весь N* было найдено 11 различных филлеров, всего 35 попаданий, начинающихся на

гласную, а в варианте *в том-то весь и N – 5* различных филлеров и 12 попаданий.

4. Заключение

Исследование подтвердило основную теоретическую гипотезу, связанную с природой лексической сочетаемости – устойчивость

не обязательно связана с некомпозиционностью. Мы показали, что конструкции *то-то и оно, в том-то и дело и в том-то все дело* являются во много раз частотнее всех остальных реализаций конструкции. Это дает основание предполагать, что они являются когнитивно укорененными и хранятся в памяти как отдельные единицы языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М.: Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.
2. Дискурсивные слова русского языка. Опыт контекстно-семантического описания: сб. статей / сост. К. Л. Киселева, Д. Пайар. – М.: Метатекст, 1998. – 447 с.
3. Дискурсивные слова русского языка. Контекстное варьирование и семантическое единство: сб. статей / сост. К. Л. Киселева, Д. Пайар. – М.: Азбуковник, 2003. – 207 с.
4. Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions. The case of *let alone* // *Language*. – 1988. – Vol. 64, № 3. – P. 501–538.
5. Goldberg A. E. Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1995. – 271 p.
6. Croft W., Cruse D. A. Cognitive linguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
7. Goldberg A. E. Constructions at work: The nature of generalization in language. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 516 p.
8. Goldberg A. E. Explanation and constructions // *Mind and Language*. – 2013. – Vol. 28, № 4. – P. 479–491.
9. The Oxford handbook of construction grammar / Hoffmann T., Trousdale G. (eds). – Oxford; New York: Oxford University Press, 2013. – 606 p.
10. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. – 378 с.
11. Лингвистика конструкций / под ред. Е. В. Рахилиной. – М.: Азбуковник, 2010. – 584 с.
12. Аркадьев П. М. О семантике конструкций *чего доброго и того гляди* // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – 2007. – № 4. – С. 11–17.
13. Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. Тимиологический аспект в семантике дискурсивных слов // Труды Института русского языка РАН II. – М.: Институт русского языка РАН, 2014. – С. 334–343.
14. Dobrovol'skij D., Pöppel L. Corpus perspectives on Russian discursive units: Semantics, pragmatics and contrastive analysis // *Yearbook of corpus linguistics and pragmatics* / J. Romero-Trillo (ed.). – New York, Berlin: Springer, 2015. – P. 223–242.
15. Dobrovol'skij D., Pöppel L. Russian constructions *то-то и N* and *в том-то и N* and their English and Swedish equivalents: A corpus-based cross-linguistic analysis // *Trends in Slavic Studies* / E. F. Quero Gervilla, B. Barros Garcia, T. R. Kopylova (eds.). – Moscow: URSS, 2015. – P. 595–607.
16. Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1. Theoretical prerequisites. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. – 280 p.

17. **Schmid H.-J.** Entrenchment, salience, and basic levels // The Oxford handbook of cognitive linguistics / D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 117–138.
18. **Blumenthal-Dramé A.** Entrenchment in usage-based theories. What corpus data do and do not reveal about the mind. – Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2012. – 282 p.
19. **Bybee J. L.** Language, usage and cognition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 264 p.

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.05)

Dobrovol'skij Dmitrij Olegovich, Doctor of Philological Sciences,
Professor, Leading Research Scientist, Vinogradov Russian Lan-
guage Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation.

ORCID iD [0000-0003-4531-6968](https://orcid.org/0000-0003-4531-6968)

E-mail: dm-dbrv@yandex.ru

Pöppel Ludmila, PhD, Associate Professor, Slavic Department, Stock-
holm University, Stockholm, Sweden.

ORCID iD [0000-0003-4983-4607](https://orcid.org/0000-0003-4983-4607)

E-mail: ludmila.poppel@slav.su.se

CONSTRUCTIONS *to-to i N*, *v tom-to i N*, *v tom-to i ves' < ves' i> N*: A CORPUS-BASED STUDY

Abstract

*The present study aims to verify a hypothesis on the nature of lexical co-occurrence. According to the traditional view word combination can be free or fixed. The meaning of free word combination is derived from the meanings of its elements according to grammatical and semantic rules. Fixed expressions are non-compositional; i.e., their meaning is not derived, or not fully derived, from the meaning of their constituent parts. With the appearance of large text corpora and the development of new approaches in linguistics such as Construction Grammar (CxG), it has become possible to study the frequency and hence the cognitive entrenchment of word combinations by empirical methods, particularly quantitative analysis. We are going to show that fixedness of word combinations is not necessarily connected with non-compositionality. Many constructions formed in accordance with the rules governing the co-occurrence of their elements can nevertheless be retained in memory as separate units. Using large text corpora for the empirical data we are going to analyze the types of construction *to-to i N* (that's the N), *v tom-to i N* (that's the N) and *v tom-to i ves' < ves' i> N* (that's just the whole N) with similar semantics which are realized in a wide variety of tokens. We will demonstrate that some tokens of the constructions can be so frequent that they can be considered to be cognitively entrenched units and are preserved in memory as separate units of the language. Such units should be described as separate items of the lexicon. We are also going to identify some regularities of distribution of fillers of the slot N in these constructions and formulate rules governing this distribution.*

Keywords

Cognitive entrenchment, corpus, fixed expressions, constructions, discursive units.

REFERENCES

1. Baranov A. N., Plungjan V. A., Rakhilina E. V. *Guide to Russian discursive words*. Moscow, Pomovski & Partner Publ., 1993, 207 p. (In Russian)
2. *Russian discursive words: An attempt at a context-semantic description*. (eds.) K. L. Kiseleva, D. Paillard. Moscow, Metatekst Publ., 1998, 447 p. (In Russian)
3. *Russian discursive words: Contextual variation and semantic invariance*. (eds.) K. L. Kiseleva, D. Paillard. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003, 207 p. (In Russian)

4. Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions. The case of 'let alone'. *Language*. vol. 64, no. 3, 1988, pp. 501–538.
5. Goldberg A. E. *Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure*. Chicago and London, The University of Chicago Press Publ., 1995, 271 p.
6. Croft W., Cruse D. A. *Cognitive linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2004, 356 p.
7. Goldberg A. E. *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2006, 516 p.
8. Goldberg A. E. Explanation and constructions. *Mind and Language*. 2013, vol. 28, no. 4, pp. 479–491.
9. *The Oxford handbook of construction grammar*. (eds). Hoffmann T., Trousdale G. Oxford, New York, Oxford University Press Publ., 2013, 606 p.
10. Shvedova N. Yu. *Essays on the syntax of the Russian colloquial language*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960, 378 p. (In Russian)
11. *Linguistics of constructions*. (ed.) Rakhilina E. V. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, 584 p. (In Russian)
12. Arkad'ev P. M. On the semantics of Russian constructions *čego dobrogo* and *togo gljadi*. *Scientific and technical information. Series 2. Information processes and systems*. 2007, no. 4, pp. 11–17. (In Russian)
13. Dobrovol'skij D. O., Levontina I. B. The timiological component in the semantics of discursive words. *Trudy Instituta russkogo jazyka RAN II*. Moscow, Institut russkogo jazyka RAN Publ., 2014, pp. 334–343. (In Russian)
14. Dobrovol'skij D., Pöppel L. Corpus perspectives on Russian discursive units: Semantics, pragmatics and contrastive analysis. *Yearbook of corpus linguistics and pragmatics*. (ed.). J. Romero-Trillo New York, Berlin, Springer Publ., 2015, pp. 223–242.
15. Dobrovol'skij D., Pöppel L. Russian constructions *to-to i N* and *v tom-to i N* and their English and Swedish equivalents: A corpus-based cross-linguistic analysis. *Trends in Slavic Studies*. (eds.) E. F. Quero Gervilla, B. Barros Garcia, T. R. Kopylova. Moscow, URSS Publ., 2015, pp. 595–607.
16. Langacker R. W. *Foundations of cognitive grammar. vol. 1, Theoretical prerequisites*. Stanford, CA, Stanford University Press Publ., 1987, 280 p.
17. Schmid H.-J. Entrenchment, salience, and basic levels. *The Oxford handbook of cognitive linguistics*. (eds.) D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford, Oxford University Press Publ., 2007, pp. 117–138.
18. Blumenthal-Dramé A. *Entrenchment in usage-based theories. What corpus data do and do not reveal about the mind*. Berlin, New York, De Gruyter Mouton Publ., 2012, 282 p.
19. Bybee J. L. *Language, usage and cognition*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2010, 264 p.

© Г. И. Кустова

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.06)

УДК 81.37 + 81.367.622.14

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ В АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Г. И. Кустова (Москва, Россия)

Цель статьи – выявить типы и механизмы семантических переходов в абстрактных (прежде всего – отглагольных) существительных. Предполагается, что тип семантического сдвига существенно зависит от семантического класса исходного значения. В свою очередь, производное значение относится к другому семантическому классу и приобретает другие валентности, что и является показателем семантического сдвига.

В статье описаны два случая:

(1) абстрактное существительное приобретает способность присоединять инфинитив в результате смещения в зону модальных значений: смысл событий → Какой смысл бежать? / Нет смысла бежать;

(2) абстрактное существительное приобретает валентность «по + Дат.» как показатель смещения в зону речи (и шире информации) или в зону параметров.

Абстрактные существительные разных семантических классов (интерпретация: неприятность, промах, разлад; деятельность: меры/работа/усилия [по урегулированию] и др.) рассматриваются по аналогии с речевой и ментальной лексикой, которая имеет валентность содержания, выражаемую обычно придаточным (думал, что Р; рассказал, что Р), и валентность темы, выражаемую предложной группой (думать/мысли о чем; рассказать/рассказ о чем).

Валентность темы может выражаться также предложной группой «по + Дат.», если: (а) происходит семантический сдвиг в зоне «информация»: требование соблюдать договор – требования по технике безопасности; (б) смещение лексемы в зону «информация»: раскол в партии – раскол по проблеме Ирака; (в) смещение лексемы в зону «параметр»: потребность истины – потребности по газу.

Ключевые слова: абстрактная лексика, инфинитив, предложная группа «по + Дат.», валентность содержания, валентность темы, ментальная и речевая семантика.

Некоторые семантические переходы в абстрактных существительных имеют достаточно регулярный характер и описаны в литературе. Прежде всего, это метонимические переносы типа *остановка трамвая* [событие] →

трамвайная остановка [предмет]. Выделен целый ряд таких переносов (действие → субъект: *защита*; действие → объект: *вклейка*; действие → инструмент: *свисток* и т. д.) [1].

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00604а «Типы и механизмы семантических переходов в глаголах и отглагольных именах».

Кустова Галина Ивановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

E-mail: galinak03@gmail.com

Более сложная ситуация возникает в случаях, когда оба значения – непредметные. Так, существительные типа *осложнение, неудобство, свобода, странность, несправедливость, помеха, результат, завоевание* и подобные имеют регулярную многозначность «предикатное значение» (т. е. характеристика, квалификация какого-либо явления) – «референтное значение» (конкретные события, ситуации, имеющие соответствующую характеристику): *Это неприятность, но не трагедия – Он не обращал внимания на мелкие неприятности; Эта авария – результат нарушения техники безопасности – Разрешите представить некоторые результаты, полученные в этом году.* У предикатного значения есть валентность (*свобода выбора, завоевание нового рубежа*) или оно употребляется предикативно (*Делать Р – вот истинная свобода*), референтное значение часто (хотя и не обязательно) реализуется формой множественного числа (*права и свободы, наши завоевания*) (Ср.: [1, с. 194–195]).

Другой тип семантических сдвигов рассмотрен Е. В. Падучевой. Выявлены принципиально возможные типы сдвигов в значениях предикатной лексики [2; 3], и описаны изменения онтологической категории, характерные для существительных со значением речи и эмоций [4–5].

В нашей работе будут рассмотрены некоторые типы семантических переходов в сфере абстрактных существительных, которые связаны с изменением семантического класса.

Значение абстрактных слов неопределенно и в силу этого подвижно. В результате изменения значения абстрактные слова могут мигрировать из одной группы в другую, подстраиваясь под семантику принимающей

группы и приобретая ее формальные характеристики. Для абстрактных слов довольно типична такая ситуация, когда в словаре некоторое значение отсутствует, но в текстах оно встречается. Поэтому особенно важно опираться на формальные критерии изменения значения. Наиболее явный и надежный формальный показатель семантического сдвига – изменение управления (которое в некоторых группах абстрактных существительных сопровождается изменениями в числовой парадигме).

Мы рассмотрим два случая изменения в сфере управления. В первом случае существительное приобретает способность присоединять инфинитив (*смысл слова – Какой смысл ехать?*); во втором случае изменяется падежное управление: *требование освобождения – требования по технике безопасности* (как правило, это новое управление «*по + Дат.*» реализуется формой множественного числа).

Смещение в зону модальности – управление инфинитивом

Многие существительные с модальной семантикой (*возможность [измениться], готовность, жажда, желание, намерение, необходимость, обязанность, попытка, потребность, право, решение, риск, способность, стремление, шанс* и др.), с узуальной семантикой (*навык [управлять], обыкновение, обычай, правило, практика, привычка, страсть, традиции*), с эмоциональной семантикой (*боязнь, опасение, страх [потерять работу]*); с речевой семантикой (*приказ, предложение, приглашение, просьба [вернуться]* и др.) управляют инфинитивом (выражающим валентность на ситуацию). Ср.: *От учебы в вузе он должен сохранить не содержательные результаты, а сам **навык учиться***¹. Хотя

¹ Здесь и далее примеры извлечены из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), далее –

НКРЯ. В примечаниях приводится указание источника как в НКРЯ: «Знание-сила», 2005.

такие существительные не всегда образованы от глагола (ср.: *шанс*), но в конечном счете имеют глагольную семантику, и условно можно считать их пропозициональную валентность глагольной.

Однако в русском языке есть существительные, которые не связаны с глаголом или утратили эту связь (ср.: *выгода, польза, смысл*) и которые в исходном значении не обладают способностью присоединять инфинитив. В определенных синтаксических позициях и конструкциях (см. ниже) у них появляется особое значение, с которым связана способность присоединять инфинитив. Например, слово *смысл* в исходном значении управляет родительным падежом (о доминировании генитива в сфере именного управления см., например, [6]): *смысл сообщения, смысл событий* ('внутреннее логическое содержание, значение чего-л., постигаемое разумом'²), но в значении 'целесообразность, основание, разумная причина, резон', которое можно считать близким к модальному, *смысл* приобретает валентность на инфинитив; при этом данное значение реализуется в совершенно определенных конструкциях: *Какой смысл бежать?*; *Нет смысла бежать*³; *Не вижу смысла бежать* и под. Ср.: ²*Он поинтересовался смыслом бежать* (при правильном: *Я не понимаю, какой смысл бежать*).

Есть несколько семантических классов слов, у которых обнаруживается такой семантический сдвиг, сопровождаемый изменением синтаксических свойств.

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ и ВЫГОДА: *выгода, интерес, корысть, польза, прок, расчет, резон, смысл, толк: Какой им интерес*

состоять в организации, о которой они ничего не знают? («Пермский строитель», 2004.04.27)

ВНУТРЕННИЕ РЕСУРСЫ (т. е. внутренние возможности, качества и состояния человека, которые он может использовать для реализации какой-либо ситуации): *бодрость, воля, дар, дух, мудрость, мужество, настроение, нервы, подъем, решимость, сила, силы, смелость, талант, темперамент, терпение, храбрость, энтузиазм* (эта группа близка к модальной группе – к способности или желанию что-то сделать): *Нет сил бороться; Нервов нету визги слушать!* (М. Гиголашвили «Чертово колесо», 2007); *Никакого энтузиазма помогать борьбе за свободу в среде земляков мы не встретили* («Знамя», 2010); *Просыпаешься среди ночи, и нет бодрости встать, чем-то занять себя.* (Г. Н. Владимов «Генерал и его армия», 1994)

УСТАНОВКИ: *замысел, идея, перспектива, план, установка, цель* – также близки по семантике к модальности – желанию и намерению (в то же время у них есть валентность содержания, которая обычно реализуется через вспомогательный глагол; ср.: *план состоит в том, чтобы Р*): *В 2009 году у нас нет планов выводить такие продукты на рынок* («РБК», 2009.03.17. www.rbcdaily.ru); *У нас нет установки – работать ради того, чтобы что-то иметь.* («Бизнес-журнал», 2004.03.03)

ВНЕШНИЕ РЕСУРСЫ: *время, деньги, место, слова, средства, власть, полномочия и т. п.:* *Нет времени объяснять; Нет слов описать ее красоту; Нет средств оборудовать*

² Формулировка значения дается по: Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР. Институт русского языка // под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981–1984 (МАС).

³ Аналогичный набор конструкций (*Нечего читать; Что нам было читать?*), также содержащих инфинитив, описан в работе [7].

автостоянку; **Нет** у начкара **власти знать** эзков **быстрей** (А. Солженицын «Один день Ивана Денисовича», 1961) (*нет* посессивное – ‘не хватает’, ‘не имеется’).

ОСНОВАНИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ, УСЛОВИЯ: *гарантии, данные, закон, запрет, мотив, основание, повод, предлог, причина, перспективы* (= ‘шансы’), *препятствия, свобода, случай, условия*: **Нет причин ему не верить**; *Ни у кого нет данных подозревать меня в том, что я имею какое-то отношение к диверсиям и прочим вещам* (Г. Горелик «Андрей Сахаров», 2004); *Не решится она, да и нет предлога уйти из дома* (И. А. Гончаров «Обломов», 1859); *Васильев вступился за парашечника, говоря, что нет закона бить арестантов* (Л. Н. Толстой «Воскресение», 1899).

Валентность абстрактных существительных на инфинитив конструктивно обусловлена, т. е. условия для присоединения инфинитива возникают в определенных конструкциях (о семантических и грамматических свойствах конструкций см., например, [8–10]). В первую очередь, это бытийная конструкция (*Есть причины бояться*) и отрицательно-бытийная (*Нет причин бояться*), в том числе ее разновидность – риторический вопрос (экспрессивное отрицание: *Какая мне выгода туда ехать?*). К ним примыкают количественные конструкции, которые могут соотноситься как с бытийными, так и с посессивными (‘иметь’): *У нас много/ достаточно/хватает причин молчать*. В других синтаксических конструкциях эта валентность не реализуется. Ср.: *Значит, есть прямая выгода использовать нефть как сырье для химии* («Химия и жизнь», 1967) – *выгода* в составе бытийной конструкции; но та же лексема *выгода* в составе адвербиального оборота: *Эту технологию с выгодой используют в сельском хозяйстве* – теряет свойство присоединять инфинитив. Ср.:

**С выгодой получить большую прибыль эту технологию используют в сельском хозяйстве*. Ср.: также пары: *Откуда у него столько сил сопротивляться vs. ? Его силы сопротивляться невелики*; *Трус какой-то схулиганил. Нету мужества сознаться* (В. Кондратьев «Сашка», 1979) *vs. ? Его мужество сознаться вызывает уважение*.

Интересующее нас значение является результатом смещения слова в группу полуслужебной лексики: соответствующие конструкции приобретают модальное значение, становятся синонимами модальных глаголов, существительных или предикативов, которые управляют инфинитивом: **Нет времени объяснять** – *Некогда объяснять*; **Нет терпения сидеть** на одном месте – *Не могу/невозможно сидеть*; **Какая им выгода держать корову?** – *Им невыгодно держать корову*.

Если существительное обозначает ресурс (*время, деньги, силы, средства* и т. п.), оно может участвовать также в ресурсной конструкции (см. [11]), которая включает компоненты ‘ресурс’ и ‘его предназначение’: *Нет времени, чтобы этим заниматься*.

Нельзя сказать, что во всех случаях происходит «окончательный» сдвиг в значении, который может быть зафиксирован в словаре, как у слова *смысл*), – например, у слов *бодрость* или *закон* отдельные значения с валентностью на инфинитив в словарях, конечно, не фиксируются. Тем не менее в рамках конструкции сдвиг значения – а именно, приращение модального или оценочно-модального компонента – несомненно, происходит: **нет бодрости встать**, *чем-то занять себя* = ‘не могу встать’; **нет закона бить арестантов** = ‘нельзя бить’.

Таким образом, рассмотренные существительные, первоначально не связанные с глаголом, смещаясь в зону модальности, как бы становятся глагольными, предикатными, а

соответствующие конструкции становятся эквивалентом модального предиката: они приобретают валентность на ситуацию и выражают эту валентность тем способом, который характерен для данной группы.

Изменение падежного управления – валентность «по + Дат.»

Семантический сдвиг может также сопровождаться изменением падежного управления. В принципе, изменение управления всегда есть сигнал изменения значения, ср.: [1]. Здесь есть разные случаи с точки зрения широты охвата материала. Некоторые изменения индивидуальны и касаются одного или нескольких слов. Однако есть случаи, когда целые группы слов претерпевают типовой сдвиг значения, и этот сдвиг сопровождается изменением управления.

Мы рассмотрим это явление на материале тех абстрактных существительных, которые в современном языке приобретают валентность «по + Дат.».

Валентность «по + Дат.» имеет книжный (и даже канцелярский) характер, тем не менее в современном языке наблюдается экспансия такого предложного управления [12–14].

Появление у существительного валентности «по + Дат.» может быть по причине разных типов семантических сдвигов. Мы рассмотрим два из них: сдвиг, связанный со значением «информация», и сдвиг, связанный со значением «параметр».

Группа ИНФОРМАЦИЯ – валентность темы

Информационной мы будем называть лексику, которая имеет валентность содержания (пропозициональный объект); наряду с ней эти слова обычно имеют и валентность темы (о номенклатуре ролей см., например,

[15]). Прежде всего, это слова с речевой и ментальной семантикой – глаголы, существительные, предикативы.

Валентность содержания может выражаться придаточным, инфинитивом, винительным или родительным падежом: *Сообщили, что рейс задерживается* – *сообщили о задержке* – *сообщение о задержке*; *Приказал, чтобы солдаты отступали* – *Приказал отступать* – *приказ отступать*; *Требуют, чтобы соблюдали договор* – *требуют соблюдать договор* – *требование соблюдать договор* – *требование соблюдения договора*; *Доказал, что X пригоден для P* – *доказал пригодность X-а для P* – *доказательство пригодности X-а для P*; *Решил, что поедет* – *решил поехать*; *Пожелал здоровья* – *пожелание здоровья*.

Валентность темы можно считать редуцированным выражением валентности содержания. Если содержание исчерпывается одной пропозицией, тема может быть информационно эквивалентной содержанию: *договорились встретиться* – *договорились о встрече*; *приказ отступать* – *приказ об отступлении*; *решил/решение уволиться* – *решение об увольнении*. Если содержание значительно по объему, то практически может быть выражена только тема: *лекция о международном положении*, *рассказ о поездке*.

У существительных со значением речи прототипическим способом выражения валентности темы является предложная группа «о + Предл.». Однако у многих существительных появляется также другое управление – «по + Дат.» (о семантике предлога *по* см. [16]). Это управление сравнительно новое. В текстах XIX в., размещенных в НКРЯ (ср.: *Главное правление даст немедленное приказание Кашеварову в точности исполнять мои требования по снабжению экспедиции товарами и запасами* (Г. И. Невельской «Подвиги

русских морских офицеров на крайнем Востоке России», 1878)), таких примеров меньше десятка. В первой половине XX в. такие примеры также немногочисленны. Только с середины XX в. количество контекстов с управлением «по + Дат.» существенно возрастает. И это именно валентность темы: **Требования по плаванию** были суровые, и отстающие кадеты обязаны были в зимнее время практиковаться (А. А. Игнатьев «Пятьдесят лет в строю», кн. 1–2, 1947–1953) – требования, касающиеся плавания, связанные с плаванием. Нередко группа «по + Дат.» обозначает не столько узкую тему, сколько более широкую сферу, к которой относится сообщение или целое мероприятие (включающее речевую составляющую): *пожелания по усилению охраны; просьбы по организации лагеря; переговоры по Ираку; лекция по химии* (контексты извлечены из НКРЯ). Несколько упрощая и обобщая, будем называть группу «по + Дат.» во всех таких случаях валентностью темы.

В сфере информационных существительных наблюдается несколько разных случаев.

Некоторые существительные имеют оба способа выражения темы («о + Предл.» и «по + Дат.»), и способ «по + Дат.» не связан с изменением значения: *просьбы о снижении налогов – просьбы по снижению налогов*. Этот случай мы не рассматриваем.

У некоторых существительных, которые исходно выражали валентность темы группой «о + Предл.», переход к управлению «по + Дат.» сопровождается сдвигом значения.

Есть также целые группы существительных, у которых в исходном значении вообще не было валентности темы, но в результате семантического сдвига она появляется и выражается группой «по + Дат.». Сразу оговоримся, что изменение управления часто связано и с изменением числового поведения, а

именно: в большинстве случаев управление «по + Дат.» реализуется формой множественного числа.

Примечание. В последние десятилетия стало достаточно массовым употребление абстрактных существительных, которые раньше квалифицировались грамматиками как *singulalia tantum*, во множественном числе, ср. *возросли продажи, риски, угрозы*. В результате, как отмечается в [17], произошло изменение числовой парадигмы многих абстрактных существительных (А. А. Горбов объясняет это влиянием английского языка). Но как показывает наш материал, употребление во множественном числе часто сопровождается семантическим сдвигом, так что формы ед. и мн. числа не всегда можно считать членами одной парадигмы.

Речевые и ментальные существительные: «расширение темы»

Указание о сборе материала – это указание собирать материал; *указания по сбору материала* – это указания о том, что надо делать, какие конкретные шаги предпринимать в рамках, в процессе сбора материала. *Решение об изменении законодательства* – это решение изменить законодательство, *решения по изменению законодательства* касаются конкретных действий в рамках изменения законодательства (само изменение является пресуппозицией).

Таким образом, в сфере речевых и ментальных существительных валентность «по + Дат.» часто не тождественна валентности «о + Предл.». «По + Дат.» – это более широкая тема, это скорее область, поле деятельности, сфера приложения усилий. Поскольку содержание валентности – часть семантики лексем, сдвиги на уровне содержания валентности тоже должны учитываться.

В других случаях происходит еще более серьезный семантический сдвиг на уровне самого значения.

Сдвиги в группе «речь»: «речевой акт → текст»

Наш материал показывает, что исходно «информационные» слова могут развивать особое значение в форме мн. ч. (с соответствующей валентностью «по + Дат.»). Ср.: *требование* (*требование прекратить огонь*) – это речевой акт, обращенный к конкретному лицу (лицам) и предполагающий конкретное действие, *требования* (*требования по технике безопасности*) – это какие-то правила и инструкции (нередко – письменные), обращенные к гипотетическим исполнителям в гипотетических ситуациях. Если в исходном значении речевого акта пропозициональная валентность Р соответствовала ситуации, то в конструкции *по Р*. Р – это, как и в предыдущем случае, некоторая область, сфера деятельности, в рамках которой будут реализовываться конкретные действия (и множественное число существительного здесь семантически мотивировано). Аналогичный сдвиг происходит в случаях *пожелания по*, *просьбы по*, *предложения по*, *рецепты по*.

Общим семантическим условием данного перехода является замена индивидуального субъекта-автора на обезличенного коллективного субъекта – инстанцию, замена конкретного адресата на потенциального исполнителя в гипотетической ситуации.

Сдвиг «ментальное значение → речь/текст»

Исходно ментальное значение может претерпевать семантический сдвиг, связанный с развитием или усилением компонента «речь/текст».

Исходное значение слова *принцип* ('убеждение', 'воззрение', 'теоретическое положение', 'закон', 'правило') выражает валентность содержания генитивом или адъективом (*принцип равенства*; *принципы международного права*; *принципы реалистической эстетики*, *демократические принципы*). В примерах типа *В ходе работы конференции была принята декларация ООН по проблемам окружающей среды, включающая 27 принципов по достижению устойчивого развития странами и государствами* («Зеркало мира», 2012) существительное *принципы* употребляются в значении 'соглашение', 'договоренность', 'решение, оформленное в виде текста', т. е. смещается в группу речи – и выражает валентность темы-содержания формой «по + Дат.». Ср.: Конференция *приняла Руководящие принципы по статистическому определению занятости в неформальной экономике* («Вопросы статистики», 2004.07.29) – конференция *приняла принципы* означает 'приняла документ, текст, которым человек будет руководствоваться в своей деятельности', и для такого употребления «по + Дат.» – естественная форма выражения валентности темы-содержания.

Ср.: *Есть ли у вас какие-то секреты по уходу за собой?* («100 % здоровья», 2003.01.15) ≈ 'приемы, методы, рецепты, рекомендации'. Исходно *секрет* – это утаиваемая информация (обычно – о событии), которая не известна другим лицам (*Это наш секрет*). *Секрет по* – это информация, неизвестная другим лицам (общий компонент с исходным значением), но полезная для них, которую субъект может сообщить (устно или в форме текста) в качестве совета, рекомендации.

Смещение в группу ИНФОРМАЦИЯ – валентность темы

Исходно не информационное значение может претерпевать семантический сдвиг, связанный с развитием или усилением «информационного компонента».

Поскольку валентность содержания и темы является прототипической прежде всего для речевой и ментальной, т. е. информационной, лексики, многие абстрактные лексемы, сдвигаясь в сторону речи, мысли и – шире – информации, актуализируют информационный аспект некоторой ситуации. Например, *конференция, переговоры, семинар* и т. п. – это мероприятия. Но они имеют существенную речевую и информационную составляющую. Поэтому для них естественна валентность темы «по + Дат.». Тот же информационный аспект выходит на первый план у таких слов, как *раскол, разлад*, которые исходно обозначают интерпретацию события (*раскол в партии; разлад в семье*), – конструкции с *по* выражают расхождение во взглядах (ср.: *противоречия*), т. е. относятся к информационной сфере: *Какого-то особого разлада по этому вопросу не было* («Известия», 2002.07.08); *Тем самым при внешнем согласии, в сущности, раскол по проблеме Ирака сохраняется* («Военная мысль», 2004.11.15) (ср.: *Никаких противоречий по разделению функций Генсовета и исполкома партии при обсуждении не возникало* («Известия», 2003.01.14)).

Смещение в группу ПАРАМЕТР – валентность «измеряемого»

Параметр имеет минимум две валентности – измеряемый предмет или ситуация (*высота дома; скорость движения*) и значение параметра (*высота – 20 метров; скорость – 80 км/ч*). Для параметров физических предметов и физических ситуаций управление «по + Дат.» не характерно: **скорость по движению,*

**высота по дому*. Ср.: *доходность по облигациям – 10 %* – хотя облигация – предметное существительное, за ней стоит абстрактная ситуация финансовых вложений.

Если же речь идет о существительных, которые исходно не являлись обозначениями параметров, то у них управление «по + Дат.» является показателем смещения в группу параметров.

Рассмотрим существительные с пропозициональной валентностью на ситуацию, относящуюся к будущему: *ожидание, потребность, риск, угроза*. Валентность этих существительных заполняется абстрактным существительным (*угроза insulta, риск обрушения, потребность тепла*), инфинитивом (*риск заболеть*), придаточным (*потребность в том, чтобы Р*), предложной группой (*потребность в общении*).

В исходной семантике этих существительных присутствует модальный компонент: *ожидание* – ‘возможно Р’, *риск, угроза* – ‘возможно плохое Р’, *потребность* – ‘необходимо, нужно Р’. При семантическом сдвиге – перемещении этих существительных в класс параметров – происходят также формальные изменения:

– значение параметра реализуется преимущественно в форме множественного числа;

– изменяется управление: исходное управление родительным, инфинитивом или придаточным меняется на характерное для параметров управление «по + Дат.».

Рассмотрим контексты из НКРЯ.

Ожидание-ожидания.

Ожидание чего (состояние субъекта):

В ожидании расстрела занимался самонаблюдением (Д. Гранин); *Ожидание встречи с больным простыло в душе* (О. Павлов).

Ожидания по чему (параметр): *оправдались ожидания по доходности* доллара; *ожидания по явке* избирателей полностью оправдались; *ожидания по промышленному производству*, видимо, будут скорректированы. Если *ожидание 1* (по МАС) – это состояние по глаголу *ожидать*, то *ожидание 2* [обычно мн. ч. (ожидания, -ий)] – это ‘предположение, надежда’. Но в нашем случае, в контексте канцелярского оборота «по + Дат.», это скорее не предположение-надежда, а предположение-прогноз. В параметрическом значении управление меняется на «по + Дат.», а управление родительным (нормальное для исходного значения, ср.: *ожидание встречи*) либо приводит к семантическому искажению, ср.: *ожидания доходности/явки* – бытийное значение (‘ожидается, что доходность/явка будет’), тогда как смысл выражений типа *ожидания по доходности/явке* сводится к косвенному вопросу (‘предположения о том, какая [в количественном выражении] будет доходность/явка’ – своего рода стяжение, ср.: [18]), либо вообще невозможно, ср. ?*ожидание промышленного производства*. Это не просто прогноз, но количественный прогноз (ср.: *Наши ожидания по явке на выборах – 45 %*).

Обозначая количественный показатель, слово *ожидания* попадает в класс параметров, и соответствующий параметр в каждом конкретном случае принимает то или иное значение. Надо заметить, что и управляемое существительное нередко тоже относится к параметрам (*явка, доходность*; причем ожидания по явке и реальная явка – это два разных параметра выборов), но оно может метонимически замещаться непараметрическими именами (ср.: – *Какие у вас ожидания по нефти?* [= по цене на нефть] – *60 долларов за баррель*). Значение параметра не обязательно количественное (ср.: – *Какие у вас ожидания по составу партий в парламенте?*).

Другие примеры аналогичного перехода в класс параметров.

Потребность – потребности.

Потребность – «модальное состояние» человека. У этого значения в модель управления входит родительный, инфинитив или группа «в + Предл.» (выражающие валентность объекта): *потребность общения, потребность любить, потребность в общении; Поэтому в вопросах, когда потребность истины* делается жизненно необходимой, Толстой предпочёл бы вообще обходиться без слов (Ю. М. Лотман «Символ в системе культуры», 1982–1992).

Потребности по X-у – потребности по газу, по производству мяса, по закупкам лекарств – это ‘требуемое количество X-а’, т. е. параметр с количественным значением (такое же параметрическое значение есть, впрочем, и при валентности «в + Предл.»): *При физических нагрузках твоя суточная потребность в витамине С* возрастает в два раза («Даша», 2004).

Абстрактная лексика может также смещаться в группу параметров с качественным значением.

Риск – риски.

Риск чего (*риск инсульта, дефолта, ошибки*) – это вероятность плохого события. *Риски по* (*риски по спекулятивным сделкам – по транзиту газа по суше – по операциям с ценными бумагами*) – это юридический и финансовый термин, который предполагает, что у различных ситуаций и операций есть такой параметр, как риски (наряду с такими параметрами, как доходность (или затраты), сроки, количество участников и т. д.).

Угроза – угрозы.

Угроза, как и *риск*, исходно означает ‘вероятность плохого события’: *угроза обрушения*, в контексте «по + Дат.» – просчитываемый (хотя и не количественный) параметр:

Оценки соотношения между степенью имеющихся угроз по утечке информации и требуемым уровнем ее защиты («Финансы и кредит», 2004.11.22).

Таким образом, в типах семантических сдвигов у абстрактных существительных можно проследить определенные закономерности, которые отражают потребности говорящих и особенности общественных (экономических, социальных, юридических) отношений. Во-первых, происходит усложнение «до-

кументооборота», появляется все больше жанров официальной (особенно письменной) речи – отсюда потребность в названиях текстов, документов, обслуживающих ту или иную сферу деятельности (*требования/принципы/решения/предложения по...*). Во-вторых, происходит «параметризация» экономического, социального, культурного пространства, различные ситуации и сферы деятельности структурируются, и их аспекты осмысляются как параметры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
2. Падучева Е. В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня: сб. ст. – Вып. 1 / отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 395–417.
3. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: ЯСК, 2004. – 608 с.
4. Падучева Е. В. Онтологические категории имен речи: проблема категориальной неоднозначности // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – 2013. – № 4. – С. 18–29.
5. Ляшевская О. Н., Падучева Е. В. Онтологические категории имен эмоций // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – 2011. – № 5. – С. 23–31.
6. Курилович Е. Проблема классификации падежей // Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М., 1962. – С. 175–203.
7. Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л. Конструкция типа *где спать*: синтаксис, семантика, лексикография // Ю. Д. Апресян, И. М. Болгуславский, Л. Л. Иомдин, В. З. Санников. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. – М.: ЯСК, 2010. – С. 59–113.
8. Croft W., Cruse D. A. Cognitive linguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
9. Goldberg A. E. Constructions at work: The nature of generalization in language. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 516 p.
10. Лингвистика конструкций / под ред. Е. В. Рахилиной. – М.: Азбуковник, 2010. – 584 с.
11. Кустова Г. И. Конструкции с союзом *чтобы*: ресурсы и соответствия // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог–2014». – Вып. 13 (20). – М., 2014. – С. 298–307.
12. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под ред. Е. А. Земской. – М.: ЯРК, 1996. – С. 237–304.
13. Кустова Г. И. Валентности абстрактных существительных: редукция vs. конкретизация // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – Вып. 14 (21). По материалам международной конференции «Диалог–2015». – М., 2015. – С. 363–373.
14. Кустова Г. И. Падежные рамки интерпретационных предикатов и механизмы компрессии // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 1. – С. 41–47.

15. **Апресян Ю. Д.** Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект // Апресян Ю.Д. и др. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. – М.: ЯСК, 2010. – С. 281–377.
16. **Иомдин Л. Л.** Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. Вып. 32. – М.: ВИНТИ, 1991. – С. 94–120.
17. **Горбов А. А.** Числовые парадигмы абстрактных существительных в русском языке XX века: тенденции развития и влияние английского языка // Russian linguistics. – 2014. – Т. 38, № 3. – С. 23–46.
18. **Падучева Е. В.** Об атрибутивном стяжении подчиненной предикации в русском языке (1980) // Падучева Е. В. Статьи разных лет. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 145–172.

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.06)

Kustova Galina Ivanovna, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.
ORCID iD [0000-0001-9404-081X](https://orcid.org/0000-0001-9404-081X)
E-mail: galinak03@gmail.com

SEMANTIC SHIFTS IN ABSTRACT NOUNS

Abstract

The article's objective is to identify the types and mechanisms of semantic shifts in verbal names, show the factors influencing the change of lexical meanings. It is hypothesized that the types of semantic shifts are substantially related to the thematic class of the initial meaning. In turn the derived meaning of an abstract lexeme belongs to a different semantic class and has a new valency.

The paper deals with two types of semantic shifts:

(1) as a result of a shift to the area of modality the abstract noun acquires the ability to be followed by the infinitive ('sense of events' case) – net smysla bezhat' ('it makes no sense to run');

(2) abstract noun acquires a valency "po + Dat." as a result of shift to the area of "information" or "parameters".

Abstract vocabulary may belong to various semantic classes: nepriyatnost' ('nuisance', 'trouble', 'annoyance'), promakh ('mistake'), razlad ('discord'); referendum, soveshchanie ('meeting'), turnir ('tournament'); mery ('measures') / rabota ('work') / usiliya ('efforts') [po uregulirovaniyu ('on settlement of')] et al. These lexemes have much in common with words denoting mental states or propositional attitudes e. g. X thinks that Y, where Y is the content (theme) of the proposition expressed by a subordinate clause or by a prepositional group (X thinks about Y).

Abstract lexemes can have similar valency in prepositional phrases of po X [Dat.] type (po here means about, on, of), if: (a) there is a semantic shift to the "Information" area: trebovaniye soblyudat' dogovor ('the requirement to comply with the contract') shifts to trebovaniya po soblyudeniyu dogovora ('requirements on/of compliance with the contract'); (b) there is a shift of the lexeme into the "Information" area: raskol po probleme Iraka ('split on Iraq issue'); (c) there is a shift of the lexeme into "Parameters" area: potrebnosti po gazu ('gas demand').

Keywords

Abstract vocabulary, infinitive, prepositional phrase «po + Dat.», valency of content, valency of theme, speech and mental semantics.

REFERENCES

1. Apresjan Yu. D. *Lexical semantics*. Moscow, 1974, 367 p. (In Russian)
2. Paducheva E. V. On the semantic derivation: word as a paradigm of lexemes. *Russian language today*. Moscow, 2000, pp. 395–417. (In Russian)
3. Paducheva E. V. *Dynamic models in the semantics of vocabulary*. Moscow, 2004, 608 p. (In Russian)
4. Paducheva E. V. Ontological categories of speech noun: the problem of categorical ambiguity. *Scientific and Technical Information. Series 2. Information processes and systems*, 2013, no. 4, pp. 18–29. (In Russian)

5. Lyashevskaya O. N., Paducheva E. V. Ontological categories of emotion noun. *Scientific and Technical Information*. Series 2. Information processes and systems, 2011, no. 5, pp. 23–31. (In Russian)
6. Kurilovich E. The problem of case classification. Kurilovich E. *Essays on Linguistics*, Moscow, 1962, pp. 175–203. (In Russian)
7. Apresjan Yu. D., Iomdin L. L. Construction *negde spat'*: syntax, semantics, lexicography. Apresjan Yu. D. et al. *Theoretical problems of Russian syntax: The interaction of grammar and vocabulary*, Moscow, LSC Publ., 2010. (In Russian)
8. Croft W., Cruse D. A. *Cognitive linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2004, 356 p.
9. Goldberg A. E. *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2006, 516 p.
10. *Linguistics of constructions*. (ed.) Rakhilina E. V. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, 584 p. (In Russian)
11. Kustova G. I. Constructions whis the conjunction *chtoby*: resources and correlations. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Issue 13 (20). Moscow, RGGU Publ., 2014, pp. 307–317. (In Russian)
12. Glovinskaya M. Ya. (1996) Active processes in the grammar. *Russian of twentieth-century end (1985–1995)*. (ed.) Zemskaya E. A. Moscow, 1996, pp. 237–304. (In Russian)
13. Kustova G. I. Abstract lexemes' valencies: reduction vs. specification. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Issue 14 (21). Moscow, RGGU Publ., 2015, pp. 307–317. (In Russian)
14. Kustova G. I. The case frames of the predicates of interpretation and mechanism of compression. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*. Yaroslavl', 2015, no. 1, pp. 41–47. (In Russian)
15. Apresjan Yu. D. Three-level government theory: lexicographical aspect. Apresjan Yu. D. et al. *Theoretical problems of Russian syntax: The interaction of grammar and vocabulary*, Moscow, LSC Publ., 2010, pp. 281–377. (In Russian)
16. Iomdin L. L. Lexical entry of the word ON. *Semiotics and Informatics*, vol. 32, 1991, pp. 94–120. (In Russian)
17. Gorbov A. Number paradigms of abstract nouns in twentieth-century Russian: development trends and the influence of English. *Russian linguistics*. vol. 38, no. 3, 2014, pp. 23–46. (In Russian)
18. Paducheva E. V. On attributive contraction of subordinate predication in Russian (1980). Paducheva E. V. *Selected works*. Moscow, 2009, pp. 145–172. (In Russian)

© Е. В. Скворецкая

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.07)

УДК 811.161.1`366

О СТАТУСЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ФОРМ СУБЪЕКТИВНОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. В. Скворецкая (Новосибирск, Россия)

Автор защищает традиционное обозначение слов типа домик, солнышко, лиственка; беленький, тихонечко **формами** субъективной эмоциональной оценки, мотивируя тем, что в лингвистике (и в лингвопоэтике) термин «форма» не только соответствует понятию «грамматическая форма» слова (фразеологизма, высказывания, языка в целом), т. е. тому содержанию, через призму которого воспринимается другое содержание. Коннотативная семантика субъективной эмоциональной оценки и является внутренней формой деминутива. В статье предлагается рассматривать объем форм субъективной эмоциональной оценки существительных в виде поля, в центре которого находятся традиционно выделяемые деминутивы, а на периферии – метафоризованные и образованные не от существительных. В статье обращено внимание на то, что вопрос о статусе форм субъективной эмоциональной оценки соотносится с проблемой объема этого явления в русском языке. К деминутивным существительным подключаются деминутивные прилагательные и наречия (типа беленький, тихонечко), а также слова с увеличительной семантикой (типа толстенный, крокодилище). Включение в эту сферу слов с признаковой семантикой обуславливается синкретизмом категорий качественности и количественности: количественный признак меры проявляется и как указание на размер (домик, домище), и как указание на степень (холодина, легонько). Значение субъективной эмоциональной оценки обязательно для данной сферы (ср. голубенький и голубоватый. Второе слово выходит за рамки форм субъективной оценки).

Автор считает, что нередко применяемое сейчас название описываемых единиц «Слова субъективной эмоциональной оценки и степени качества» является очень широким по отношению к традиционному термину «Формы субъективной эмоциональной оценки», потому что понятие «степени качества» включает и понятие «степени сравнения», а субъективная эмоциональная оценка проявляется не только в содержании деминутивов и слов с увеличительной семантикой, но и в содержании других экспрессивов.

Ключевые слова: формы субъективной эмоциональной оценки, внутренняя форма слова, деминутивы, словообразовательная и лексико-семантическая деривация, словообразовательная модификация.

Скворецкая Елена Викторовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: skvoretskaya.elena@mail.ru

Формы субъективной эмоциональной оценки и степени качества типа *домик, реченька, кругленький, толстенный, чуточку* давно привлекают к себе внимание, и каждый раз, обратившись к ним, исследователь находит какой-то еще до конца не решенный вопрос. Сейчас, в связи с ведущим антропоцентризмом в лингвистике, внимание к подобным словам обусловлено «включением адресата в личную сферу говорящего» [1, с. 145] и тем, что они отражают одну из ярких черт русской ментальности: простой русскоязычный человек при помощи форм субъективной эмоциональной оценки выражает свое ценностное отношение к окружающему, нередко умиляется какому-то предмету, особенно маленькому (*шляпка, пяточка, колечко, штанишки гриба* [2, с. 12]). Субъективное эмоциональное отношение к предметам, людям, можно сказать, соотносится в таких словах с проявлением «свойкости» – выражением участия, заинтересованности по отношению к близким по способу жизни, по духу людям. Приведем пример из рассказа В. М. Шукшина «Степка»¹, свидетельствующий об этом:

«...все радовались, что он (*Степка*) вернулся, только удивлялись: «Почему рано?» ... Мать и немая (...и глаза у нее синие, как *цветочки*, и смотрела она до слез доверчиво... Ждала все, *крестики* на стене ставила...) тем временем протопили *баньку*... Отец сбегал в *лавочку*... Кто принес *сальца в тряпочке*, кто *пирожков*, оставшихся со дня, кто *пивца-медовухи в туюске* – праздник случился нечаянно...»

Элемент «формы» в составе терминологического названия подобных слов постоянно

смущает тех, кто понятие «форма» отождествляет с понятием «грамматическая форма». Но уже более 150 лет существует это название, связанное с такими авторитетами в русистике, как К. Аксаков, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов [3, с. 97–100; 108–109; 121–122], и многими современными диалектологами и дериватологами, которые никогда не говорят, что образование подобных слов соотносится с изменением грамматической формы по отношению к исходному слову; наоборот, подчеркивают, что производящее и производное слова в этих случаях, называя один и тот же предмет, сохраняют отношение к одному грамматическому роду (*масло – маслице, лиственница – лиственка*).

Как известно, в лингвистике (и лингвопоэтике) со времен В. Гумбольдта и А. А. Потебни существует понятие «внутренняя форма слова» (фразеологизма и языка в целом) [4–5] – как способ существования значения в слове, его мотивировочный признак, «связь звукового состава слова и его первоначального значения, семантическая или структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами языка» [6, с. 72]. Суть внутренней формы слова в том, что одна семантика (не грамматическая!) является формой другой семантики, ее мотиватором. Так, в лингвопоэтике, сначала под влиянием А. А. Потебни, а потом – Г. О. Винокура, внутренняя форма художественного образа (эстетического знака) понимается как прямое значение по отношению к обычно многослойной метафорической семантике эстетического знака. Например, конкретное представление о бричке в упряжке трех лошадей, погоняемых Селифаном, – внутренняя форма двухслойного метафориче-

¹ Шукшин В. М. До третьих петухов. Рассказы и повесть. – М.: Детская литература, 1998. – 302 с.

ского образа птицы-тройки и несущейся неизвестно куда Руси. «Одно содержание, выражающееся в звуковой форме, служит формой другого содержания, не имеющего особого звукового выражения» [7, с. 28].

По отношению к внутренней форме слов типа *садик*, *Машенька*, *солнышко*, *серенький*, *худющий*, *чуточку* можно сказать, что она, выражаясь определенным рядом суффиксов, является коннотативным содержанием, отражающим субъективную эмоциональную оценку называемого предмета (или признака), которая в одних случаях (и довольно часто) вызывает у говорящего умиление («Милому свойственно быть милым», – писал К. Аксаков [3, с. 97]), в других – уничижение, пренебрежение (*деревенька*, *бродяжка*), в третьих – удивление или неодобрение (*ручища*, *деньжищи*, *толстенный*, *худющий*), возможно сочувствие (*седенький*) и многое другое, что можно соотнести с проявлением «свойкости» (см. выше).

Прототипическим значением многих форм субъективной эмоциональной оценки существительных является размерность (*маленький/большой*), прототипическим значением форм субъективной оценки признаков слов является степень качества (меньше/больше). Размерность и степень – две разновидности количественности, но семантика степени ориентирована на категорию качественности. Поэтому можно сказать, что сфера форм эмоциональной субъективной оценки соединяет качественность и количественность.

Если применять к описываемой сфере название «Слова эмоциональной субъективной оценки и степени качества», то при внимательном рассмотрении, это название является более широким по сравнению с формами

субъективной эмоциональной оценки, т. к. понятие «степени качества» включает и степени сравнения, а субъективная эмоциональная оценка проявляется не только у деминутивных слов и слов с увеличительной семантикой типа *домище*, но и у многих других экспрессивов.

Вопрос о статусе форм субъективной эмоциональной оценки соединяется с вопросом об объеме этого явления в русском языке. Одним из направлений в решении второго вопроса является, например, присоединение к деминутивным существительным деминутивных прилагательных и наречий типа *кругленький*, *легонько*, а также слов с увеличительной семантикой (*избища*, *ручище*, *крокодилище*, *толстенный*, *широченный*, *худющий*). Включение в эту сферу слов с признаковой семантикой обуславливает синкретизм качественности и количественности: «квантитативный элемент меры (степени) накладывается на квантитативную основу» [8, с. 7]. Имеется в виду то, что количественный признак меры проявляется и как указание на размер (*домик*, *домище*), и как указание на степень (*холодина*, *тихонько*). Значение степени признака при этом соединяется со значением субъективной эмоциональной оценки. За пределами этого находятся степени сравнения прилагательных и наречий, образования типа *сероватый*, *сверхмодный*.

Обратим также внимание на расширение пространства форм субъективной эмоциональной оценки существительных в сфере фитоморфизмов. Так, О. И. Блинова пишет: «Обилие фитоморфизмов в уменьшительных и уменьшительно-ласкательных **формах** (выделено нами – Е. С.) можно объяснить малой величиной номинированных предметов, особым отношением к ним номинаторов, русских крестьян, для которых мир растений один из

близких, важных миров – источник лечения, здоровья, красоты» [2, с. 12].

Среди фитонимов, описанных в работах Т. И. Вендиной (1995 г.) и О. И. Блиновой (2014 г.) есть слова, выражающие аффективные оценки, в которых отразился первый, чувственный опыт познания мира: *мякушка* – ‘сочная трава’ (осознание); *молодик* – ‘молодой лес’ (зрение); *пахучка* – ‘душистый вереск’ (обоняние). В таких случаях мы уже не можем говорить о том, что производящее и производное слово называют один и тот же предмет, как это проявляется по отношению к традиционно выделяемым формам субъективной эмоциональной оценки (*домик/дом; солнышко/солнце*), которые соотносятся со словообразовательной модификацией, т. е. в деривате слегка видоизменяется исходное значение [9, с. 353]. Традиционно понимаемые деминутивы образуются от слов той же самой части речи, а вторичные, типа *мякушка*, *молодик*, словообразовательно мотивируются именами прилагательными, в связи с этим их внутренняя форма более сложная, чем у слов *домик*, *деревенька* – их значение воспринимается через призму субъективного отношения говорящего к данным **маленьким** предметам. Внутренняя форма вторичных деминутивов типа *мякушка*, *желтушка*, *молодик* перцептивный признак – цветовой, тактильный, проявляющий повышенную **степень** и эмоционально-оценочное значение ласкательности. Подобные явления можно соотнести с периферией пространства «Формы субъективной эмоциональной оценки».

Среди фитонимов немало метафорических, которые возникли сначала на основе словообразовательной, а затем – лексико-семантической деривации. Их первичные и вторичные значения также соотносятся с разными предметами.

Из материалов Т. И. Вендиной:

березка – прямое ласкат. значение | *березка* (метаф.) – полевой вьюнок;
батажок – прямое уменьш.-ласк. значение | *батажок* (метаф.) – щавель;
дедок – прямое ласкат. значение | *дедок* (метаф.) – лопушник;
братки – прямое ласкат. значение | *братки* (метаф.) – анютины глазки;
колокольчики, *кувшинки* – уменьш.-ласк. значение | *колокольчик*, *кувшинки* (метаф.) – названия маленьких частей соцветий.

«... в этой семантической сфере, – пишет Т. И. Вендина, – ведущими являются три признака: качественно характеризующий, отражающий первичный уровень значения, связанный с субъективным восприятием качеств, свойств фитонимов» [10, с. 33–35].

Особый интерес представляют метафорические названия фитонимов, мотивированные так называемыми «репрезентативными собственными именами» (Л. М. Щетинин) в форме субъективной эмоциональной оценки: *матренка* (тысячелистник) – в основу наименования могло лечь сходство густых соцветий растения и густых кудрявых волос какой-нибудь известной *Матренки*; *авдотька* (из семейства лютиковых) – основой подобия могла стать, например, задранный вверх носик известной *Авдотьи* или, возможно, ее недобрый характер; *иванчик* (одуванчик) – название могло возникнуть на основе фонетической близости исходного деминутива (*Иванчик*) и производного фитонима.

Метафорическое содержание вышеуказанных фитонимов актуализирует исходное эмоционально-субъективное значение, и оно настолько ярко, значимо, что исследователь как бы игнорирует вторичность номинаций,

образованных лексико-семантическим способом от исходных деминутивов (в прямом значении), и говорит о метафоризованных деминутивах как о формах субъективной эмоциональной оценки. Можно было бы уточнить – вторичных формах, отличающихся своей словообразовательной производностью от традиционных, таких, как *лиственница* – *лиственка*; *курица* – *курочка*; *брат* – *братишка*.

Итак, традиционное название эмоционально-оценочных существительных, прилагательных и качественных наречий типа *бычишка*, *маслице*, *лиственка*; *серенький*, *тихонечко* – формы субъективной эмоциональной оценки – можно сохранить, если учесть, что термин «форма» в лингвистике (и в лингвопозитике) используется не только в значении «грамматическая форма», но и соответствует понятию «внутренняя форма» слова (фразеологизма, высказывания и языка в целом), т. е. тому содержанию, которое является формой (призмой) другого содержания. Коннотативное значение уменьшительности и ласкательности, неодобрения, сочувствия и др. – это и форма выражения эмоционального отношения говорящего к называемому предмету, и проявление одной из специфических сторон русской ЯКМ, т. е., по В. Гумбольдту, внутренней формы языка в целом.

Вопрос о статусе форм субъективной эмоциональной оценки не только связан с правомерностью их таковой номинации, но и с критериями отнесения слов в эту сферу. Одно из направлений в решении этого вопроса связано с присоединением к деминутивным словам слов с семантикой увеличения (*домище*, *толстенный*) и включение в формы субъективной эмоциональной оценки не только существительных, но и прилагательных и качественных наречий, что соотносится с синкретизмом количественности и качественности в этой сфере: можно сказать, что внутренняя форма субстантивных деминутивов опирается на прототипическое значение размерности, а признаков – на прототипическое значение степени качества. Субстантивные формы эмоциональной субъективной оценки можно представить в виде поля. В центре этого пространства находятся слова типа *деревенька*, *Машенька*, *окошечко*, *сынок*, которые вместе со словообразовательно исходным словом обозначают один предмет и связаны с исходным словом отношениями словообразовательной модификации, а на периферии – вторичные формы эмоциональной оценки, а именно: метафоризованные (типа *шляпка*, *пяточка*, *штанишки* гриба) и образованные не от существительного (типа *желтушка* – одуванчик, *молодик* – молодой лес), находящиеся с исходным словом в отношении словообразовательной мутации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Апресян Ю. Д.** Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. **Блинова О. И.** Малоизвестная сфера народной речевой культуры: названия частей растений // Русская речевая культура и текст: материалы VIII Междунар. науч. конф. (17–18 апреля 2014 г.) / под общ. ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2014. – С. 9–14.

3. **Виноградов В. В.** Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
4. **Гумбольдт В.** О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 4–127.
5. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. – М.: Министерство просвещения РСФСР, 1958. – 536 с.
6. **Иванов В. В.** Внутренняя форма слова // Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Дрофа, 1997. – С. 72.
7. **Винокур Г. О.** Понятие о поэтическом языке // Винокур Г. О. О языке художественной литературы. – М.: Либроком, 2009. – 398 с.
8. **Бондарко А. В.** Теория функциональной грамматики. Качественность и количественность. – СПб: Наука, 1996. – С. 7.
9. **Белошапкина В. А.** Современный русский язык: Синтаксис. – М.: Высш. шк., 1977. – С. 248.
10. **Вендина Т. И.** Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макроросм). – М.: Индрик, 1998. – 240 с.
11. **Антипов А. Г.** Симметрия/асимметрия словообразовательной формы // *Актуальные направления функциональной лингвистики: материалы Всероссийской научной конференции (Кемерово, 1–3 декабря 1997 г.)*. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. – С. 3–21.
12. **Голев Н. Д.** Словообразование как эволютивный синергетический процесс // *Актуальные проблемы современного словообразования: труды международной научной конференции (Кемерово, 24–27 июня 2007 г.)*. – Вып. 2 / под ред. Л. А. Араевой. – Томск: TGU, 2008. – С. 21–31.
13. **Лопатин В. В.** Русская словообразовательная морфемика. – М.: Наука, 1977. – С. 41–62.
14. **Немченко В. Н.** Современный русский язык. Словообразование. – М.: Высшая школа, 1984. – С. 83–162.
15. **Петров А. В.** Деривационное выражение степени проявления признака в сложных адъективах русского языка // *Актуальные проблемы современного словообразования: труды международной научной конференции (Кемерово, 24–27 июня 2007 г.)*. – Вып. 2 / под ред. Л. А. Араевой. – Томск: TGU, 2008. – С. 112–118.
16. **Улуханов И. С.** Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М.: Наука, 1996. – С. 80–95.
17. **Щетинин Л. М.** Слова, имена, вещи. – Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1968. – 215 с.
18. **Янко-Триницкая Н. А.** Словообразование в современном русском языке. – М.: Наука, 2001. – С. 73–75.
19. **Kripke S. A.** Naming and necessity. – Oxford: Blackwell, 1980. – 172 p.

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.07)

Skvoretskaya Elena Viktorovna, Candidate of Philological Sciences,
Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk,
Russian Federation.
ORCID iD [0000-0001-5025-4306](https://orcid.org/0000-0001-5025-4306)
E-mail: skvoretskaya.elena@mail.ru

ON THE SO CALLED SUBJECTIVE EMOTIONAL EVALUATION IN RUSSIAN

Abstract

The author defends the traditional classification of words such as domik, solnyshko, listvenka; belenkyi, tikhonechko as forms of subjective emotional evaluation arguing that in linguistics (and linguopoetics) the term "form" does not only correspond to the concept "grammatical form" of words (idioms, statements, language in general) that is to the content through which another content is perceived. Connotative semantics of subjective emotional evaluation is an internal form of diminutive units. The article proposes to consider the amount of subjective emotional evaluation forms of nouns as a field, its center including traditional diminutives and the periphery being metaphorical forms not derived from nouns. The author draws attention to the fact that the question of the status of the forms of subjective emotional evaluation is correlated with the scope of this phenomenon in the Russian language.

Diminutive nouns are viewed together with diminutive adjectives and adverbs (like belenkyi, tikhonechko) as well as words with magnifying semantics (like tolstennyi, crocodiliche). It is due to the syncretism of categories of quality and quantity that words with that feature semantics are included into this area: quantitative feature of measure is manifested as an indication of the size (domik, domiche), and as an indication of the degree (holodina, legon`ko). The meaning of the subjective emotional evaluation is obligatory for this area (cf. golubenkyi and golubovatyi. The second word is beyond the forms of subjective evaluation).

The author believes that the often used now name of the described units "The words of subjective and emotional evaluation of the degree of quality" is very broad in relation to the traditional term "Forms of subjective emotional evaluation", because the concept of "degrees of quality" includes the concept of "degrees of comparison" and subjective emotional evaluation is evident not only in the content of diminutives and words with a magnifying semantics, but in the content of other expression.

Keywords

Forms of subjective emotional evaluation, the inner form of the word, diminutive, word-formation and lexical-semantic derivation, derivational modification.

REFERENCES

1. Apresyan Y. D. *Linguistic picture of the world and systemic lexicography*. Moscow, Languages of Russian culture Publ., 1995, 767 p.
2. Blinova O. I. A little-known sphere of folk speech culture: names of parts of plants. *Russian speech culture and text. Proceedings of the VIII International Conference* (17–18 April 2014). Tomsk, 2014, pp. 9–14.
3. Vinogradov V. V. *Russian language (grammatical doctrine of the word)*. Moscow, Higher School Publ., 1972, 614 p.

4. Humboldt W. On the difference between the structure of human language and its influence on the spiritual development of mankind. *Humboldt W. fav. works on linguistics*. Moscow, 1984, pp. 4–127.
5. Potebnya A. A. *From the notes on Russian grammar*. Vol. 1–2. Moscow, Ministry of Education of the RSFSR Publ., 1958, 536 p.
6. Ivanov V. V. The inner form of the word. *Russian language: Encyclopedia*. (Ed.) Ju. N. Karaulov. Moscow, Bustard Publ., 1997, 72 p.
7. Vinokur G. O. The notion of poetic language. Vinokur G. O. *On the language of literature*. Moscow, Librokom Publ., 2009, 398 p.
8. Bondarko A. V. Preface. *The theory of functional grammar. Qualitative and quantitative*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, p. 7.
9. Beloshapkova V. A. *Modern Russian language: Syntax*. Moscow, Higher School Publ., 1977, 248 p.
10. Vendina T. I. *Russian language picture of the world through the prism of word formation (the macrocosm)*. Moscow, Indrikis Publ., 1998, 240 p.
11. Antipov A. G. Symmetry/asymmetry of formative forms. *Topical areas of functional linguistics*. Tomsk, Tomsk University Publ., 2001, pp. 3–21.
12. Golev N. D. Word formation as a process of evolutionary synergy. *Actual problems of modern word-formation*. Vol. 2. (Ed.) L. A. Araeva. Kemerovo, 2008, pp. 21–31.
13. Lopatin V. V. *Russian derivational morphemics*. Moscow, Science Publ., 1977, pp. 41–62.
14. Nemchenko V. N. *Modern Russian language. Word formation*. Moscow, Higher School Publ., 1984, pp. 83, 152, 162.
15. Petrov A. V. Derivational expression of the degree of manifestation of feature in complex adjectives of Russian language. *Actual problems of modern word-formation*. Vol. 2. (Ed.) L. A. Araeva. Kemerovo, 2008, pp. 112–118.
16. Ulukhanov I. S. *Units of word-formation system of the Russian language and its lexical realization*. Moscow, Science Publ., 1996, pp. 80–95.
17. Schetinin L. M. *Words, names, things*. Rostov on Don, Rostov University Press Publ., 1968, 215 p.
18. Janko-Trinitskaya N. A. *Word formation in modern Russian*. Moscow, Science Publ., 2001, pp. 73–75.
19. Kripke S. A. *Naming and necessity*. Oxford, Blackwell Publ., 1980, 172 p.

© Е. И. Баранчиева

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.08](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.08)

УДК 811.161.1'1(075.8) + 81'255.4

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕНЕСЕННОГО ЭПИТЕТА*Е. И. Баранчиева (Новосибирск, Россия)*

Статья посвящена описанию одного из стилистических приёмов английского текста, а именно перенесенного эпитета. Этот приём, являясь отклонением от регулярной грамматической нормы, представляет пример грамматического и семантического рассогласования, с его помощью создаются уникальные описания ситуаций внеязыковой действительности. В работе затрагивается проблема универсальной интерпретации скрытого в данном приёме семантического сдвига и проблема выбора адекватного варианта перевода. Цель статьи – обозначить семантические механизмы формирования перенесенного эпитета и определить те предметные области, описание которых обнаруживается в перенесенном эпитете. В статье дается краткий обзор толкований данного явления, принятый в пособиях по английской риторике, грамматике, композиции, в словарях стилистических терминов, а также в современных работах по когнитивной семантике (в частности, в работах по теории концептуальной интеграции). Далее приводится ряд классификаций перенесенных эпитетов, а также предпринимается анализ контекстов, включающих примеры переноса эпитета для описания различных объектов, частей тела, процессов, действий, места, времени. Указывается, что наиболее продуктивными в художественных и рекламных текстах являются перенесенные эпитеты, грамматически относящиеся к существительному, обозначающему объект, вовлеченный в действие, или обозначающий часть тела человека. Особое внимание в статье уделяется примерам, совмещающим действие перенесенного эпитета и регулярной метафоры. Подобные примеры, по мнению автора, требуют детального переводческого анализа всей ситуации, «свернутой» в конструкции с перенесенным эпитетом: такой анализ сможет помочь в поиске наиболее адекватного варианта перевода.

Ключевые слова: *стилистические приёмы, перенесенный эпитет, анализ переводного текста, перевод и прагматика текста.*

Идея статьи появилась в процессе учебного анализа переводных текстов со студентами-филологами и затрагивает, по меньшей мере, две переводческие проблемы: проблему универсальной интерпретации скрытых семантических сдвигов и проблему выбора

адекватного варианта перевода при сопоставление семантического и прагматического планов иноязычного и русского текстов. Зачастую переводя иноязычный текст, мы сталкиваемся с проблемой использования нетипичных для русского языка метафор, сравнений,

Баранчиева Екатерина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации, Новосибирский государственный педагогический университет; доцент кафедры русского языка, Новосибирский государственный технический университет.

E-mail: barancheeva_ek@yahoo.com

инверсий, удивительных ходов языковой игры, использования внутритекстовых и ассоциативных связей. В нашей работе будет проанализирован один из стилистических приемов, частотный для английской художественной и публицистической литературы и менее частотный в русских текстах.

Анализируя самые разнообразные английские тексты, мы обнаруживаем атрибутивные сочетания, буквальный перевод которых на русский язык невозможен или является неестественным: например, *a hasty hairpin* букв. «поспешная шпилька», *a smiling hand* букв. «улыбающаяся рука», *a lazy bath* букв. «ленивая ванна», *a polite elbow* букв. «вежливый локоть», *an astonished chest* букв. «изумленная грудь», *a clean-scrubbed silence* букв. «хорошо отмытое молчание», *vengeful train of thoughts* букв. «мстительный поток мыслей», *nice cup of tea* букв. «хорошая (прекрасная) чашка чая», *good strong cup of tea* букв. «хорошо заваренная чашка чая», *leisurely drink/lunch/cup of ...* букв. «неспешный (неторопливый) напиток, обед, чашка (чего-либо)», *fine pair of eyes* букв. «прекрасная пара глаз», *condemned cell* букв. «приговоренная к смерти камера», *sunburnt chatter* букв. «загорелая болтовня»; *and by the happy hollow of tree escaped the hunt* букв. «и посредством счастливого дупла дерева избежал погони» (Король Лир)¹.

В учебной и исследовательской литературе данный приём называется перенесенный эпитет (*transferred epithet*), он соотносится с античной фигурой речи гипаллага (*hypallage*). Отметим, что *эпитет* в англоязычной лингвистической традиции –

это определение, обозначающее характерный признак определяемого слова, перенесенный же эпитет – риторическая фигура, состоящая в перестановке определения («эпитета»), в сочетании его не с тем существительным, с которым он сочетается по смыслу (подробнее об этом см.: [19]).

В русскоязычных словарях термины *перенесенный эпитет* и *гипаллага* толкуются следующим образом: в учебном словаре стилистических терминов: гипаллага – ... стилистическая фигура, состоящая в переносе элемента одной синтаксической группы в другую, с ней смежную (*Тебя за щекой, как денежку, серебряно сберегу (А. Вознесенский))²; в словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой: «Эпитет перенесённый – фигура речи, состоящая в переносе эпитета на управляющее слово (*голубей крепкокрылая стая, вместо голубей крепкокрылых стая*)»³.

Особенностью перенесённого эпитета является расхождение между грамматической и семантической составляющими планами сочетания слов. Дж. Лич отмечает, что перенесенный эпитет часто используется в речи и ...является универсальным семантическим феноменом («*The transferred epithet is one of the rhetorical devices frequently used in our expressions. In most cases, the semantic transference in natural language relies on the use of transferred epithet, and transferred epithet is a universal semantic phenomenon*» [11, p. 201]).

В английской поэтической речи перенесенный эпитет закрепился довольно давно, он является одним из типичных стилистических

¹ Примеры взяты из Британского национального корпуса (www.corpus.byu.edu/bnc) и частично из [19].

² Лагуа О. Н. Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания / отв. ред. Н. А. Лукьянова. – Новосибирск: НГУ, 1999. – С. 13.

³ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – С. 32.

фигур. Один из авторов средневекового учебника по риторике А. Дей (A. Day «*The English Secretarie, with a declaration of Tropes, Figures and Schemes*») писал, что такой прием привычен для английской поэзии, и приводил в пример оборот «*the wicked wound thus given*» (букв. «злобная рана, подобным образом нанесенная») вместо «*for having thus wickedly wounded him*» с комментарием, что такое употребление привычно в поэзии («*The use of hereof in Poesie is rife*» [цит. по: 19]).

Современные исследования, изучающие данное явление, включают пособия по английской риторике, грамматике, композиции (J. C. Nesfield, F. T. Wood, T. M. Bernstein), словари литературных и стилистических терминов (J. A. Cuddon⁴, R. A. Lanham, B. M. Dupriez⁵), работы по когнитивной семантике (G. Leech, R. Jackendoff, G. Lakoff), работы по проблемам функционирования атрибутов разного уровня (И. В. Арнольд, И. Р. Гальперин, Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, О. В. Раевская, З. А. Харитончик, Е. В. Рахилина и др.), работы в рамках «теории концептуальной интеграции» или «теории концептуального блендинга» (M. Turner, G. Fauconnier, Ф. Р. Кубаева, X. Wang).

В словаре литературных терминов⁶ говорится, что в случае перенесенного эпитета определение переносится и начинает определять не базовое существительное, а другое, к которому оно в действительности не относится. В одном из пособий по английской грамматике и композиции утверждается, что

если два выражения (слова) связаны в сознании, то определение одного слова может «переходить» к другому [12, с. 284]. Это определенного рода сдвиг языковых норм обыденного языка, в семантическом или синтаксическом аспекте («*Figures of speech ...considered to be “a departure from the “linguistic norms” of everyday language in some way, whether semantically or syntactically*»⁷, предательство со стороны регулярной грамматики («*“betrayal” of the regular grammar*») [14, с. 1072].

Словарь литературных приемов Б. Дюприе⁸ определяет данный термин как ошибку, которая становится приемом, выражая неожиданное значение. Перенесенный эпитет связан с эстетикой неопределенности: он ослабляет связь определяемого слова и определения и «освобождает» последнее [6, с. 97]. Некоторые популярные пособия по письму (например, [1]) указывают, что такой прием может создавать ощущение абсурдности и несочетаемости – в таком случае от него следует отказаться.

Современное изучение перенесенного эпитета опирается на классические работы по проблемам функционирования атрибутов (см. выше), но осуществляется в рамках когнитивных теорий. Так, например, в рамках теории концептуальной интеграции, теории блендинга или теории концептуального блендинга, предложенной М. Тернером и Ж. Фоконье [2–5] выполнена работа Ф. Р. Кубаевой [17]. В данной работе подчеркивается, что используемая усложнённая когнитивно-семан-

⁴ Cuddon J. A. A Dictionary of Literary Terms. – Great Britain: W and J Mackay Limited, 1979. – 1024 p.

⁵ Dupriez B. M., Halsall A. W. A Dictionary of Literary Devices – Toronto: University of Toronto Press, 1991. – 523 p.

⁶ Cuddon J. A. A Dictionary of Literary Terms. –Great Britain: W and J Mackay Limited, 1979. – P. 315.

⁷ Wales K. A Dictionary of Stylistics. – London: Longman Group UK Ltd., 2011. – P.170-177.

⁸ Dupriez B.M. & Halsall A.W. A Dictionary of Literary Devices – Toronto: University of Toronto Press, 1991. – 523p.

тическая интерпретация М. Тернера и Ж. Фоконье свидетельствует о том, что применение теорий концептуальной метафоры и метонимии (в частности, двухпространственное видение метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона) не срабатывает в усложнённых вариантах перенесённого эпитета. По мнению Ф. Р. Кубаевой, наиболее важным вкладом модели М. Тернера и Ж. Фоконье, в дополнение к стандартному двухпространственному видению метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [9], является использование особого дополнительного соединительного (*co-ordinating*) пространства, называемого пространством обобщения. Недавнее исследование Х. Wang [14] также даёт интерпретацию перенесённому эпитету как явлению в рамках «теории концептуальной интеграции» [4; 5]. Автор утверждает, что именно такое исследование перенесённого эпитета показывает эффективность концепции Дж. Тернера и М. Фоконье.

Для изучения перенесённого эпитета важен анализ его структуры (именной группы с ведущим существительным и атрибутом): он может быть двухкомпонентный (*a lazy bath, a polite elbow*), трехкомпонентный (*strong cup of tea, important circle of patients*) или многокомпонентным (*a communicative sort of a young man*). В различных работах устанавливаются экспрессивные параметры перенесённых эпитетов, выделяются их стилистические типы (авторские, языковые, стёртые) [19]. Также выделяют полную и неполную (эллиптическую) гиполлагу, т. е. открыто выраженную перестановку эпитета от одного существительного генитивной конструкции к другому – *pleasant couple of months* (букв. приятная пара месяцев), *a very wealthy and important sort of patients* (букв. очень богатый и важный тип пациентов), *his vengeful train of thoughts* (букв. его мстительный поток мыслей),

nice(good)/good strong cup of tea (букв. прекрасная (хорошая), хорошо заваренная чашка чая), *fine pair of eyes* (букв. прекрасная пара глаз); и эллипсис генитивной конструкции – *a condemned cell* (букв. приговоренная к смертной казни камера) = *a cell of condemned prisoner* (камера приговоренного к смертной казни, камера смертника), *he was surrounded by sunburnt chatter* (букв. он был окружен загорелой болтовнёй) = *surrounded by chatter of sunburnt people* (... болтовнёй загорелых людей) [19].

В нашей работе представлен анализ собранного материала, примеров с точки зрения «прочитаемости» ситуации, которая в свёрнутом виде представлена в перенесённом эпитете. Для практики перевода чрезвычайно продуктивно «разворачивать» такие эпитеты, перебирая варианты адекватной интерпретации. Часто лингвисты и исследователи указывают, что все варианты переводов-толкований в своей совокупности свидетельствуют о семантической ёмкости данного приёма в английском языке, о его образной выразительности, не передаваемой никакими иными средствами.

Структурно-семантический анализ примеров перенесённых эпитетов сводится к выделению сферы, определяемой эпитетом (сферы-источника) и сферы переноса (сферы-мишени), описываемой базовым компонентом словосочетания. На основе такого анализа строятся классификации групп перенесённых эпитетов [17], позволяющие определить ментальные области, которые задействованы в построении такого эпитета.

Так, в выборке находим большое количество примеров, в которых осуществляется перенос признака действия субъекта на неодушевленный предмет, абстрактное понятие или иное действие человека: в словосочетаниях *guilty cup of tea* – «виноватая чашка чая», *hasty*

hairpin – «поспешная шпилька», *lazy bath* – «ленивая ванна», *leisurely lunch, drink, meal, walk* – «неспешный, неторопливый обед, напиток, прием пищи, прогулка», *restless night* – «ночь без отдыха», *diffident music* – «осторожная музыка», *careless match, cigarette* – «беззаботная спичка, сигарета», *protesting chair* – «протестующий стул», *clumsy helmets* – «неловкий шлем», *weary road* – «изнуренная дорога», *discreet silence* – «осторожная тишина» и т. д. Такие эпитеты – это своеобразный ёмкий способ охарактеризовать действие, совершенное или совершаемое. Этот способ реализуется через перенесение описания от действия к одному из участников ситуации (объекту, месту, времени действия и др.), которая может быть восстановлена в нашем сознании. Читателю или переводчику таких конструкций необходимо развернуть структуру ситуации и определить, к какому действию относится данный в словосочетании признак: так, в примерах выше свернуты такие ситуации как, «виновато выпить чашку чая», «поспешно заколоть шпильку», «лениво принять ванну», «не спеша, не торопясь пообедать, выпить или съесть что-то», «прогуляться, провести ночь без отдыха», «неуверенно, осторожно играть музыку», «беззаботно, без опасений выкурить сигару, зажечь спичку», «так резко сесть на стул, что сломать его», «лениво проводить время», «неловко надевать шлем», «изнуренно (с изнуренным видом) идти по дороге», «осторожно молчать, бояться нарушить молчание». В большинстве примеров, приведенных выше, представлен перенос признака с действия субъекта на объект, вовлеченный в действие.

Универсальным и самым продуктивным, по-видимому, является перенос признака действия, совершаемого субъектом, или признака самого субъекта на часть тела (ногу, руку, волосы, причёску, губы, нос и т. д.). Во всех примерах атрибут семантически характеризует

действие человека, но синтаксически определяет его компонент, т. е. синтаксически характеристика субъекта и его состояния «передается» части тела. Особенно много таких примеров в популярной массовой литературе. Можно говорить даже о закреплении этого стилистического приёма в текстах такого рода: *polite elbow* – «вежливый локоть», *smiling hand* – «улыбающаяся рука», *sad nose* – «печальный нос», *quiet hand* – «тихая рука», *doubtful curls* – «сомневающиеся локоны», *humorous eyes* – «смешные глаза», *honest forehead* – «честный лоб», *coward lips* – «трусские губы», *dizzy orbs* – «ошеломленные глаза». Например, *No money, Nulty said, and wrinkled his sad yellow nose* (наморщил свой печальный жёлтый нос) (R. Chandler); *[Peggotty] rubs everything that can be rubbed, until it shines, like her own honest forehead, with perpetual friction* (Он оттирает всё, что можно оттереть, пока оно не заблестит, как её честный лоб...) (Ch. Dickens, David Copperfield).

As I sat in the bath tub, soaping a meditative foot and singing, if I remember correctly, 'Pale Hands I Loved Beside the Shalimar,' it would be deceiving my public to say that I was feeling booms-a-daisy (Когда я сидел в ванне, намыливая задумчивую ногу и напевая...) (P. G. Wodehouse). По мнению исследователей [19], чаще всего из частей тела, на которые переносится признак, лидирует рука. Например, *the stranger extended (waved, raised) a smiling (affectionate, cheerful, deprecatory, agitated, cautious, coaxing, cordial etc) hand* (незнакомец протянул (помахал, поднял) улыбающуюся, любящую, весёлую, примирительную, возбуждённую, осмотрительную, уговаривающую, сердечную) руку. Отметим, что такие описания человека, героя текста через часть тела связаны с определенным типом текста, повествования и определенным жанром художественной литературы.

Английские рекламные тексты также активно используют изучаемое нами явление. Например, такие перенесенные эпитеты, как *leisurely lunch, meal, drink* («неторопливый ланч, неторопливая трапеза, неторопливый напиток») совсем не кажутся отступлением от языковых норм: *Alternatively, how about a leisurely lunch next to the lake while watching the fishermen mending their nets* (Enterprise lakes and mountains, 1990) (А что вы думаете насчет неторопливого ланча невдалеке от озера, наблюдая за рыбаками); *Wander around the bustling streets and markets or try the yellow trams which are cheap and easy to use and allow time for a leisurely drink at a pavement café or cosy brown bar* (Amsterdam Travel Service, 1992) (уделите время тому, чтобы позволить себе неторопливый напиток в открытом кафе или в уютном баре (т. е. неторопливо выпейте что-либо, никуда не торопясь)). Такие эпитеты частотны в путеводителях, рекламных текстах описания курортов и ресторанов. Типичным словосочетанием английского языка стал стёртый эпитет *nice cup of tea/a good strong cup of tea* – прекрасная чашка чая/хорошо заваренная чашка чая (очевидно, что здесь имеется в виду – чашка прекрасного чая или чашка хорошо заваренного чая). Такие словосочетания встречаем в рекламе, в текстах кулинарных блогов, в рецептах: *Many English people use teapots to make tea. They brew the tea for 2-3 minutes and generally drink good strong tea with milk*⁹ (Они заваривают чай 2–3 минуты и пьют хорошо заваренный чай с молоком).

Более сложный случай для читателя представлен в перенесении эпитета на других участников ситуации какого-либо действия. Например, характеристика субъекта и всей си-

туации через описание места или времени действия. Так в примерах ниже эпитет семантически относится к субъекту или его действиям, а синтаксически – к месту (трассе, по которой движется субъект – «утомленная дорога»; пространству, в котором находится субъект – «кафе, покрытое шрамами»): ...*Look, now! For glad and golden hours // Come swiftly on the wing: // O rest beside the weary road // And hear the angels sing!* («радостные золотые часы – утомленная дорога» (E. Sears); *The razor-scarred back street café bar where a man with cut cheeks and chewed ears, huskily and furiously complained, ...was not floodlit* (D. Thomas) («покрытый шрамами кафе-бар в закоулках»). Именно такое описание дороги, по которой идёт утомленный герой, или кафе, в котором собираются покрытые шрамами клиенты, сразу отсылает нас к субъекту описываемых ситуаций. Описание пространства и времени, через которое характеризуется герой, также регулярно встречается в поэтических текстах. Например: ...*Winter kept us warm, covering // Earth in forgetful snow, feeding // A little life with dried tubers.* (T. S. Eliot) (букв. «забывчивый снег»).

Характеристика субъекта может приводиться через эпитет, грамматически связанный с существительным, выражающим абстрактное понятие или действие субъекта. Например, «сдержанно, осторожно молчать» – «благоразумная, сдержанная тишина», «высокомерно обходиться с гостями, поджав губы» – «высокомерие с поджатыми губами», «широко открытыми глазами изумленно/удивленно смотреть» – «изумление/удивление широко открытых глаз». См. следующие примеры: *We're coming close to those little creeks*

⁹ Tea and Biscuits – British Slang. URL: <http://www.englishtrackers.com/english-blog/tea-and-biscuits-british-slang>

now, and we keep a *discreet silence* (H. Hollenbaugh) («мы храним осторожное молчание, тишину»), *A tight-lipped arrogance* had long since replaced the warm reception given to the visitors in the first few days ... (J. Grisham) («высокомерие с поджатыми губами сменило тот теплый прием, который был оказан гостям в первые дни»); *The new man wrote a question at which I stared in wide-eyed amazement...* (R. Ellison) («смотрел с удивлением широко открытых глаз»).

Особо стоит отметить случаи конвергенции метафорического и перенесенного эпитетов. Например, *There was no escape from the hot madness of 4 o'clock* (F. S. Fitzgerald) («некуда было деваться от жаркого безумия четырех часов»). Здесь универсальный метафорический эпитет «жаркое безумие» дан не в чистом виде, а совмещен с перенесением эпитета (жаркое послеполуденное время четырех часов + жаркое безумие). Такое совмещение образов реализуется в семантически сложном словосочетании «жаркое безумие четырёх часов» (*the hot madness of 4 o'clock*).

Семантическая нечеткость, неопределенность, мерцание образов – это одно из свойств перенесённого эпитета, в чём сходятся многие исследователи этого явления. Семантическое рассогласование даёт возможность множественности интерпретаций, в том числе для переводчика. Следующий пример

описан у X. Wang как пример совмещения в эпитете разных концептуальных полей (протестующий человек и скрипящий стул), пример структурирования образа на основе аналогии (*analogical mapping*): *The big man crashed down on a protesting chair* («огромный человек рухнул/упал на протестующий стул») [14]. Стул не может «протестовать» в буквальном смысле, но может производить звук как человек, который протестует, т. е. это стул, который не выдерживает под тяжестью человека и, вероятнее всего, ломается с некоторым шумом. Яркий эпитет требует тонкой переводческой интерпретации более широкого контекста и нахождения адекватного перевода.

Перенесенный эпитет в английском языке является нормированной и продуктивной аномалией, логическим сбоем, встроенным в грамматическую систему. Он позволяет уловить особый потенциал определенного отрезка языковой системы: возможность компактного, ёмкого, образного представления внеязыковой ситуации с помощью явного семантического рассогласования между грамматическим определением и определяемым словом. Использование такого семантического приема в тексте рождает дополнительные внутритекстовые значения, особый тип описания позиции героя, что требует дополнительных усилий со стороны переводчика, работающего с данным приёмом в тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Bernstein T. M.** The Careful Writer: A Modern Guide to English Usage. – The Free Press: New-York, 1998. – 512 p.
2. **Fauconnier G., Turner M.** Blending As a Central Process of Grammar // Conceptual Structure, Discourse and Language / Ed. A. Goldberg. – Stanford: Center for the Study of Language and Information (CSLI) Publications, 1996. – P. 113–129.
3. **Fauconnier G.** Mental Spaces, Language Modalities and Conceptual Integration // The New Psychology of Language / Ed. M. Tomasello. – London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1998. – P. 251–279.
4. **Fauconnier G.** Mental spaces. – New York: Cambridge University Press, 1994. – 240 p.

5. **Fauconnier G., Turner M.** Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. – 1998. – № 22, part 2. – P. 133–187.
6. **Guiraud P.** La sémantique. – Paris: Presses Universitaires de France, 1979. – 126 p.
7. **Jackendoff R.** Semantics and Cognition. – Mass: MIT Press, 1983. – 241 p.
8. **Johnson M.** The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 272 p.
9. **Lakoff G.** Cognitive Semantics // Meaning and Mental Representations / Ed. V. Eco. – Bloomington: Indiana University Press, 1998. – P. 119–154.
10. **Lanham R. A.** A Handlist of Rhetorical Terms. – Berkeley: University of California Press, 1991. – 205 p.
11. **Leech G.** Semantics. – Harmondsworth: Penguin, 1981. – 386 p.
12. **Nesfield J. C., Wood F. T.** Manual of English Grammar and Composition. – London and Basingstoke: Macmillan Publishers Ltd., 1964. – 356 p.
13. **Turner M., Fauconnier G.** Conceptual Integration and Formal Expression // Metaphor and Symbolic Activity. – 1995. – № 10. – P. 183–203.
14. **Wang X.** Interpretation of transferred epithet by means of conceptual integration theory // Journal of language teaching and research. – 2013. – Vol. 4, No. 5. – P. 1072–1078.
15. **Арнольд И. В.** Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1990. – 384 с.
16. **Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – 144 с.
17. **Кубаева Ф. Р.** Когнитивно-семантические характеристики перенесённого эпитета в английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2009. – 29 с.
18. **Кубрякова Е. С.** Типы языковых значений. Семантика производного слова. – 3-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 208 с.
19. **Полторацкий А. И.** Риторические алогизмы: перенесение эпитета в англоязычной художественной речи // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990. – С. 139–147.
20. **Раевская О. В.** Прилагательное как фактор семантической многомерности текста // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). – 2003. – № 6. – С. 63–70.

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.08](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.08)

Barancheeva Ekaterina Igorevna, Candidate of Philology Sciences, Associate Professor of Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University; Associate professor of Russian Language Department, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID iD [0000-0003-0024-5932](https://orcid.org/0000-0003-0024-5932)

E-mail: barancheeva_ek@yahoo.com

SEMANTIC MECHANISMS OF TRANSFERRED EPITHET IN ENGLISH

Abstract

The current article is devoted to the description of one the English stylistic means, which is transferred epithet. This stylistic device is supposed to be a way of destruction of regular grammar. It's a case of grammatical and semantic mismatch by which we can describe the non-linguistic reality in one of the unique ways. The work touches the problem of universal interpretation of hidden semantic shift occurred in transferred epithet and the problem of finding an adequate translation equivalent. The aim of the article is to reveal the semantic mechanisms of transferred epithet formation and to determine the source domains, used in the transferred epithets. The article includes a brief review of definitions of this phenomenon, accepted in the manuals on English rhetoric, composition and grammar, as well as in the dictionaries of stylistic terms and modern works in cognitive semantics (in particular in the works on the theory of conceptual integration). Then several classifications of transferred epithets are given. After that the author carries out the data analysis, including the transferred epithets with reference to different objects description as well as the description of parts of body, processes, actions, spaces and time of action. It's noted that the most productive spheres for transferred epithets are literary and advertisement texts. Here epithets relate to the nouns, denoting objects involved in the action or parts of body. The special attention is drawn to the examples, mapping the complex of transferred epithet and regular metaphor. Such examples in authors' opinion require the detailed translational analysis of the entire situation hidden in the construction with the transferred epithet. Only this analysis enables to find the most adequate translation.

Keywords

Pragmatic meaning of lexical units, the translation analysis, text translation and text pragmatics.

REFERENCES

1. Bernstein T. M. *The Careful Writer: A Modern Guide to English Usage*. New-York, The Free Press Publ., 1998, 512 p.
2. Fauconnier G., Turner M. Blending As a Central Process of Grammar. (ed.) A. Goldberg. *Conceptual Structure, Discourse and Language*. Stanford, Center for the Study of Language and Information (CSLI) Publ., 1996, pp. 113–129.
3. Fauconnier G. Mental Spaces, Language Modalities and Conceptual Integration. (ed.) M. Tomasello. *The New Psychology of Language*. London, Lawrence Erlbaum Associates Publ., 1998, pp. 251–279.
4. Fauconnier G. *Mental spaces*. New York, Cambridge University Press Publ., 1994, 240 p.

5. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science*. 1998, no. 22, part 2, pp. 133–187.
6. Guiraud P. *La sémantique*. Paris, Presses universitaires de France Publ., 1979, 126 p.
7. Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. Mass, MIT Press Publ., 1983, 241 p.
8. Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason*. Chicago, The University of Chicago Press Publ., 1987, 272 p.
9. Lakoff G. Cognitive Semantics. V. Eco (ed.) *Meaning and Mental Representations*. Bloomington, IN, Indiana University Press Publ., 1998, pp. 119–154.
10. Lanham R. A. *A Handlist of Rhetorical Terms*. University of California Press Publ., 1991, 205 p.
11. Leech G. *Semantics*. Harmondsworth, Penguin Publ., 1981, 386 p.
12. Nesfield J. C., Wood F. T. *Manual of English Grammar and Composition*. London and Basingstoke, Macmillan Publ., 1964, 356 p.
13. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression. *Metaphor and Symbolic Activity*, 1995, no. 10, pp.183–203.
14. Wang X. Interpretation of transferred epithet by means of conceptual integration theory. *Journal of language teaching and research*. 2013, vol. 4, no. 5, pp. 1072–1078.
15. Arnold I. V. *English language stylistics (stylistics of decoding)*. 3rd edition, Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, 384 p. (In Russian)
16. Galperin I. R. *Text as an object of linguistic research*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2006, 144 p. (In Russian)
17. Kubaeva F. R. *Cognitive and semantic features of transferred epithet in English*. Author's abstract of the thesis for the degree of candidate of science in philology. Pyatigorsk, Pyatigorsk University Publ., 2009, 29 p. (In Russian)
18. Kubryakova E. S. *Types of language meanings. Semantics of derivatives*. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009, 208 p. (In Russian)
19. Poltoratsky A. I. Alogical Figures in Rhetoric: Transferred Epithets in literary English texts. *Logical analysis of language: Contradictions and Anomalies of Discourse*. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 139–147. (In Russian)
20. Rayevskaya O. V. Adjective as a factor of semantic multi-dimensionality of the text. *Philological sciences*. 2003, no. 6, pp. 63–70.

© С. А. Попова

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.09](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.09)

УДК 811.161.1'37 + 811.111

ОБРАЗНЫЙ КОМПОНЕНТ МЕНТАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СМЕХ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

С. А. Попова (Новосибирск, Россия)

Статья посвящена исследованию сложной ментальной структуры «Смех» в русской и английской языковых картинах мира. Автором отмечается, что анализируемую ментальную структуру можно рассмотреть как концепт-образ и как концепт-сценарий. Цель статьи – моделирование образной составляющей ментальной структуры «Смех» в русской и английской языковых картинах мира и выявление отраженной в ней национальной специфики. Анализ образного компонента ментальной структуры «Смех» в обеих картинах мира проводится с учетом метафорического подхода: метафора отражает логические и мифологические особенности мышления человека. Автор выделяет и описывает метафоры, представленные в обоих языках: антропоморфная, зооморфная, натуроморфная, морбиальная. В русском и английском языках смех персонифицируется, осмысливается как живое существо (антропоморфная метафора). В рамках зооморфной метафоры смех в русской и английской языковых картинах мира рассматривается как звукоподражание животным (лошади, свинье, ослу, гусю, гиене и т. д.). Натуроморфная метафора сочетает в себе следующие представления: смех как вещество, материал, жидкость, лекарство, оружие, щит. Образ смеха как болезни сложный и многомерный, он разворачивается в сценарий болезни, нездорового состояния субъекта смеха. Данная ситуация в обеих языковых картинах мира включает в себя определенные физиологические симптомы и особенности поведения человека, находящегося в состоянии сильного смеха: нарушение пищеварительной системы, дыхания, психики, изменение оттенка кожи и т. д. Подчеркивается, что метафорические наименования позволяют охарактеризовать как эмоциональное состояние самого смеющегося, так и эмоциональную оценку слушателя или объекта смеха. В заключении делаются выводы о том, что общими для описания смеха и эмоциональных состояний, с ним связанных, являются следующие метафоры: антропоморфная (персонификация), вещественная и жидкостная метафора, включающая синестезическую (вкусовую, цветовую, тактильную).

Ключевые слова: языковая картина мира, ментальная структура, концепт, концепт-образ, концепт-сценарий, лексема, метафора, дефиниционный анализ, дискурсивный анализ.

Попова Светлана Андреевна – аспирант кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: spspsp@list.ru

В современной когнитивистике наблюдается повышенный интерес лингвистов к проблеме взаимосвязи языка и эмоций, способам языковой концептуализации эмоций в разных лингвокультурах. В. И. Карасик отмечал, что сфера эмоций является «одной из наиболее сложных областей описания лингвокультурной специфики того или иного народа» [1]. Это связано с метафоричностью языковых средств выражения эмоций, ведь чувства почти никогда не выражаются прямо и зачастую уподобляются чему-то. Дж. Лакофф определил, что эмоции могут быть поняты путем исследования метафор, в которых эти эмоции концептуализируются в языке. Познавательная сущность метафоры как механизма понимания абстрактных сущностей была отражена в теории концептуальной метафоры [2].

На сегодняшний день существует ряд отечественных и зарубежных исследований, посвященных метафорическому моделированию различных эмотивных концептов, таких как радость [3–4], счастье [5], печаль [6–7], горе [3; 8], страх [3; 7; 9], любовь [10], злость и гнев [6; 11–13] (в том числе в сопоставительном аспекте [7; 10]). Как отмечал С. Г. Воркачев, для таких «концептов-духовных ценностей» большое значение имеет «образный компонент, опредмечивающий в языковом сознании когнитивные метафоры, через которые постигаются абстрактные сущности» [5]. Описывая образную составляющую концепта «Счастье», исследователь показал, как различные метафоры (зооморфная, ботаническая, вкусовая, цветовая и др.) позволяют воплотить в чувственных образах (животных, растений, вещества, имеющего вкус, цвет и др.) трудно постигаемую абстракцию – счастье.

Исследуемая нами ментальная структура «Смех» выступает одним из ключевых понятий русской и английской культур и соотносится с эмотивными концептами. Смех (сам по себе не являясь эмоцией) выражает различные чувства и эмоциональные состояния человека: *смех – выражение полноты удовольствия, радости, веселья или иных чувств отрывистыми характерными звуками, сопровождающимися короткими и сильными выдыхательными движениями*¹. Метафора также приобретает существенное значение для конструирования и интерпретации ментальной структуры «Смех».

Информация о смехе и о его эмоциональной составляющей концептуализируется в ментальном пространстве человека как концепт-образ и концепт-сценарий. Такой подход – анализировать информацию о внеязыковой ситуации как одновременно существующую в разных ментальных «упаковках» – был ранее использован Т. А. Трипольской [14], А. Г. Бердниковой [15], Л. В. Мальцевой [8]. Мариновой Е. Д., Евдокимовой А. А. [4] и др., а также реализован нами при исследовании ментальной структуры «Смех» в русской языковой картине мира [16]. Образ опирается на комплекс метафорических наименований, описывающих представления людей о смехе и его субъекте – носителе того или иного эмоционального состояния. Ментальный сценарий предполагает исследование компонентов эмоционально-оценочной ситуации смеха (субъекта, объекта, предиката, цели и каузатора смеха, взаимоотношений между субъектом и объектом, оценочной и эмоциональной составляющих) и способов взаимодействия участников коммуникации.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: Оникс, 2010. – 1200 с.

Цель настоящей статьи – моделирование образной составляющей ментальной структуры «Смех» и «*Laugh*» в русской и английской языковых картинах мира (далее – РЯКМ и АЯКМ) и выявлению отраженной в нем национальной специфики.

В результате дефиниционного и дискурсивного анализа лексем, входящих в семантические поля «Смех» и «*Laugh*», был выделен ряд метафорических образов, репрезентирующих образную составляющую изучаемых ментальных структур. Материалом для анализа стали данные толковых^{2,3} и фразеологических^{4,5} словарей, а также текстовые фрагменты из Национального корпуса русского языка⁶, Британского национального корпуса⁷ и ABBYY Lingvo⁸.

Предпринятый нами анализ подтверждает некоторые результаты исследования Ю. А. Кузнецова, который описывал образный компонент ментальной структуры «Смех» в РЯКМ, называя метафоры живого существа, военной сферы, материала, жидкости, вкуса и болезни [17]. Нами уточнены и дополнены образные составляющие ментальной структуры «Смех»: образы оружия и щита (описывающие метафору борьбы/войны/схватки); образ лекарства; материала/вещества и его свойств (вкус, температура, цвет); болезни и ее атрибутов, зооморфные образы субъекта смеха. Предпринята попытка структурировать полученные метафорические наименования: 1) ан-

тропоморфная метафора (смех как живое существо, враг, противник); 2) зооморфные образы субъекта смеха (лошадь, свинья, птица и др.); 3) натуроморфная метафора (смех как вещество/материал, жидкость, лекарство, оружие, щит); 4) морбиальная метафора (смех как болезнь, смерть). Построенная нами классификация метафор актуальна для ментальной структуры «Смех» как в РЯКМ, так и в АЯКМ.

1. В русском и английском языках *смех* персонифицируется, осмысливается как *живое существо*. Значительную продуктивность данной метафоры связывают с антропоморфным характером человеческого познания [18, с. 284]. Как *враг, противник* на войне, смех *нападает* и *овладевает* человеком, *охватывает* его. Например: *Но когда <...> они оба подняли глаза и взглянули в тарелки друг друга, смех овладел обоими; He had the giggles; He was taken with a fit of laughter*. Смех нарушает нормальное функционирование организма субъекта: смех *разбирает* человека, не дает ему спокойно дышать, *душит*, как видно из примеров: *Смех душил меня, вырывался клубами; His laughter was choking him*. Данные метафоры актуализируют семантику силы и власти смеха над человеком, а также стихийности, неконтролируемости и интенсивности эмоционального состояния смеющегося.

Заметим, что в семантической структуре высказываний смех обычно занимает позицию активно действующего субъекта. Подобно

² Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

³ The Free Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения 1.03.16)

⁴ Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. – М., 1986. – 464 с.

⁵ The Phrase Finder [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.phrases.org.uk/> (дата обращения 1.03.16)

⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 1.03.16)

⁷ British National Corpus [Электронный ресурс]. – URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения 1.03.16)

⁸ ABBYY Lingvo-Online [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lingvo-online.ru/ru> (дата обращения 1.03.16)

другим эмоциональным состояниям, «Смех» предстает как хозяин, который овладевает человеком и может распоряжаться им по своему усмотрению (Ср.: *гордость одолела; напал страх* и т. д.). При этом смеющийся может выступать в роли пассивного объекта воздействия (*на него напал смех, его разобрал смех*) и активно действующего субъекта, борющегося со смехом (*он боролся со смехом, подавил, укротил смех*).

2. В рамках *зооморфной метафоры* смех в РЯКМ и АЯКМ рассматривается как звукоподражание животным. Смех, как было сказано выше, нарушает нормальное состояние человека, при этом «будит» в нем дикого зверя, животного, которое *рычит, воет, чирикает; to roar, to howl with laughter, to twitter* и т. д. Смеющийся человек может представляться носителям языка в образах разных животных: лошади, осла (*ржать, лошадиный смех, смеяться, как осел; to neigh like a horse, to laugh a donkey, to hee-haw*), свиньи (*хрюкать от смеха; to laugh and grunt like a very loud little pig*), гуся и курицы (*гогот, кудахтающий смех; to gaggle, to cackle*). В английском языке существует национально окрашенный фразеологизм *to laugh like a hyena* – смеяться визгливо и пронзительно. Носители английского языка заметили сходство звучания человеческого смеха со звуками, которые издают гиены. Однако для русского человека такое сравнение неактуально, потому что об этом животном в русской культуре есть лишь общие представления.

Заметим, что в качестве субъекта смеха выступают зооморфные образы таких животных, которые издают громкие, резкие, неприятные на слух звуки: лошади, ослы, гуси, гиена. Такой субъект и его сильный «животный» смех вызывают отрицательное эмоциональное отношение у слушателей, как видно из приме-

ров: *Хватит ржать! У меня уже голова кружится; Грегочет* какая-то *тварь, то есть ржет по-лошадиному; Have you ever laughed out loud like a hyena? If you have, you may have scared your friends; They both laughed like hyenas at stuff that wasn't over funny. I didn't even enjoy sitting next to them in the movies.* И в РЯКМ и в АЯКМ отражено, что таким образом обычно смеются мужчины: *Соседние пацаны во дворе ржали, как лошади; The sailors all laughed at me because I walked and neighed like a horse.*

3. Для обеих картин мира актуальна *натуроморфная метафора* смеха – перенос наименований реально существующих предметов на психические факты внутреннего мира человека [18, с. 292]. Смех в РЯКМ и АЯКМ рассматривается как вещество (материал), жидкость, лекарство, оружие и щит.

3.1. Звучание смеха в русском и английском языках может восприниматься и оцениваться как *вещество* (или *материал*), обладающее определенными свойствами: *вкус, цвет, температурная характеристика, структура/консистенция*. При этом источником образования метафор, описывающих смех как вещество/материал, является синестезия, которая характерна и для эмотивных концептов.

Аудиально воспринимаемый звук смеха интегрируется со вкусовыми ощущениями: смех может быть сладким, горьким. Например: *Тут – сладкий смех, тут поцелуй легчайший.* Восприятие звучания смеха синестетически связано с визуальным восприятием цвета и света. Смех предстает окрашенным в разные цвета (*розовый, серебристый* и др.), может быть светлым, блеклым и ярким. Например: *А на лицах засияет розовый смех – лучший друг души и желудка; У тебя прошел светлый смех и добродушная шутка; There were silvery peals of laughter.* Зрительный образ соединя-

ется также с тактильными ощущениями (хрустальный, жемчужный, ржавый, бархатный и др.), смех имеет температуру и бывает горячим, теплым, прохладным, холодным, как видно из примера: *Васькову слышалось что-то похожее на едкий холодный смех; The fox's cold laughter joined hers.* Данные метафорические наименования позволяют охарактеризовать разные типы звучания смеха, выражающие положительную или отрицательную эмоциональную оценку слушателя: с одной стороны – серебристый, сладкий, мягкий, бархатный, с другой стороны – ржавый, холодный, горький).

В английском языке обнаруживается национально окрашенное сравнение, имеющее в семантике негативную коннотацию: *to laugh like a drain*. Смеяться как канализационная труба – смеяться громко или грубо, доставляя дискомфорт другим. В основе сравнения лежит сходство неприятного на слух звучания булькающей воды в канализации и человеческого смеха.

3.2. В анализируемых языках смех интерпретируется, как и все эмоции в целом, через образ вещества определенной консистенции – жидкости, заполняющей человека изнутри. «Жидкостная метафора общеэмоциональна и восходит скорее всего к представлениям об эмоциональной жизни человека, регулируемой истечением “соков” и “духов”, которые сложились в “наивной физиологии” и в средневековой науке» [19]. Смех, как вода, может литься или плескаться. Например: *Заливался Охватюхин веселым старческим смехом, необыкновенно похожим на беззаботный детский смех; “I love this dress”, – she whispered against his throat, laughter still spilling into his mind; Laughter spilled out of his prodigious frame like gravel being unloaded from a dump truck.* Смех, как жидкость, может заполнить человека до такой степени, что он может

лопнуть: *Товарищ мой кусал себе губы и чуть не лопнул от смеха, который готов был вырваться из его груди громким хохотом; We burst out laughing when the man screamed after seeing the mouse.*

Смех, как стремительный поток воды, неудержимый, неумный, неукротимый. Его сдерживают, но он прорывается, вырывается. Например: *Билли Кинг поворачивает голову к Фесту и сквозь слезы тоже начинает смеяться, это еще не смех, а всхлипывания, но смех прорывается.* В данных метафорах актуализируется семантика силы, стихийности смеха и интенсивности эмоционального состояния смеющегося.

В русском языке смех осмысливается как сильный дождь, сопровождаемый громом и грозой. Соотносимы раскаты грома и раскаты смеха. Кроме того, слова *громкий* (смех) и *гром* исторически являются родственными. Разразиться может гроза, и смехом можно разразиться. Например: *В перерыве мы смущенно закурили из моего запаса махорки, и, пуская дым кверхушке сосен, Задоров вдруг разразился смехом.* Данные метафорические наименования, кроме интенсивности эмоционального состояния, актуализируют неожиданность проявления того или иного чувства.

3.3. Представления носителей русского и английского языков об эмоциональном состоянии как о некоем предмете, способном проникать внутрь (как, например, жидкость), дополняется образом лекарства. Смех, как лекарство, улучшает состояние человека, лечит его, продлевает жизнь. Например: *Смех – это хорошо. Смех прибавляет сил; Дмитрий Маслитин верит, что смех продлевает жизнь и поэтому читает «Столицу»; А завершается наш разбор дружным, снимающим стресс смехом; Dad always thought laughter was the best medicine.*

3.4. С одной стороны, для носителей обоих языков смех предстает в образе *противника на войне* (см. выше) или его *оружия* и может *поранить, убить*. Например: *Его хохмы, шуточки, постоянное желание вызвать улыбку у окружающих были связаны с интуитивным знанием: смех убивает; А сатирический смех – это действительно грозное оружие; Behind me, Redcoat was still laughing: the sound of it prickled in my palms*. С другой стороны, смех интерпретируется как *щит*: *Его принцип – отрицание разумности жизни и попытка защититься смехом от ее абсурдных и калечащих человека конфликтов и противоречий; Ведь смех – это высшая форма защитной реакции; Laughter can also be a protective reaction of the body*. Как видим, представления о смехе отличаются амбивалентностью (подробнее см. далее).

Метафора смеха как щита и оружия перекликается с представлением о смехе как живом существе – враге, противнике. Она разворачивается в *сценарий военных действий*, в котором между субъектом и одушевленным объектом смеха (причем именно человеком) возникают особые отношения, какие существуют в военной сфере. Субъект смеха нападает (с помощью смеха-оружия), а объект должен защищаться, тем самым, не давая себе потерпеть поражение.

4. Образ *смеха* как *болезни и смерти* в русском и английском языке реализуется в словосочетаниях *приступ/припадок/спазмы смеха*. Смех мыслится как инфекция, которой можно заразиться. Например: *И так неожиданно для Копылова результат его слов, так*

заразителен смех Григория, что он сам рассмеялся. Hers was the twinkle and the laughter infectious as chickenpox.

Образ смеха как болезни сложный, многомерный, он разворачивается в сценарий болезни/нездорового состояния субъекта смеха. Данная ситуация в обеих ЯКМ включает в себя определенные физиологические симптомы и особенности поведения человека, находящегося в состоянии сильного смеха: 1) непроизвольные движения тела, изменение положения тела в пространстве; 2) нарушение пищеварительной системы; 3) изменение оттенка кожи; 4) нарушение дыхания; 5) нарушение психики и изменение сознания; 6) потеря жизненных функций (смерть). Сравним «симптоматику» смеха в РЯКМ и АЯКМ (табл.).

Как видим, уникальным симптомом смеха в АЯКМ является хромота.

Отметим, что в примерах, приведенных в пп. 1, 3.4 и 4, в значении слова *смех* стирается негативный компонент, который в сознании людей связан с понятиями болезни, смерти, убийства. Образ смеха амбивалентен: это и болезнь, и выздоровление (смех как свидетельство душевного здоровья). Смех, как считал Д. С. Лихачев, заключая в себе «разрушительное и созидательное начала одновременно», умертвляет (как и болезнь может умертвлять) старое, но создает новое, т. е. человек как бы заново рождается благодаря смеху. Смех повышает настроение и, как лекарство, «снимает психологические травмы, облегчает человеку его трудную жизнь, успокаивает и лечит» [20, с. 3].

Смех как болезнь в русской и английской языковых картинах мира

Laughter as a disease in the Russian and English language pictures of the world

Симптомы	РЯКМ	АЯКМ
1) непроизвольные движения тела, изменение положения тела в пространстве	<i>валяться со смеху, смеяться до упаду, покачнуться от смеха, трястись, дрожать, биться в конвульсиях/судорогах от смеха, хвататься/держаться за животы/животики</i>	<i>to be convulsed with laughter; to shake with laughter like jelly; to scream down; to roll in the aisles</i>
2) нарушение пищеварительной системы	<i>смеяться до тошноты, рвоты, икоты или до боли/коликов в животе, смехом бока надсадить, надорвать животы/животики/кишки (смехом)</i>	<i>to burst/rupture a gut, to laugh oneself sick, to break up, to crack up, to clutch one's sides, to burst/rupture a gut, to burst out laughing</i>
3) изменение оттенка кожи	<i>покраснеть/посинеть от смеха</i>	<i>Claud laughed and flushed</i>
4) нарушение дыхания	<i>задыхаться от смеха, давиться, захлебываться им, смех душит</i>	<i>His laughter was choking him.</i>
5) нарушение психики и изменение сознания	<i>смеяться, как сумасшедший, до истерики, потери сознания/памяти</i>	<i>to laugh one's head off, to laugh oneself silly</i>
6) потеря жизненных функций (смерть)	<i>смеяться до потери пульса/до смерти, умереть/помереть от смеха</i>	<i>to die with laughter</i>
7) хромота	—	<i>to laugh oneself limp</i>

Подведем итоги.

1. Анализ образного компонента ментальной структуры «Смех» в РЯКМ и АЯКМ был проведен на материале метафорической лексики. Метафора является «наглядным» способом моделирования эмоциональных реакций и состояний и помогает их описать через уподобление.

2. Выделенные нами метафорические наименования актуальны для ментальной структуры «Смех», репрезентируемой в обеих ЯКМ: 1) *антропоморфная метафора* (смех как живое существо, враг, противник); 2) *зооморфные образы субъекта смеха* (лошадь, свинья, птица и др.); 3) *натуроморфная метафора* (смех как вещество/материал, жидкость,

лекарство, оружие, щит); 4) *морбиальная метафора* (смех как болезнь, смерть).

3. Проведенный нами дефиниционный и дискурсивный анализ лексем показали, что в концептосфере русской и английской лингвокультур «Смех» соотносится, с одной стороны – с жизнью и здоровьем (лекарством), с другой – со смертью и болезнью; с нападением и защитой, а также с победой и поражением.

4. Анализ образного компонента ментальной структуры «Смех» показал, что общими для смеха и эмоциональных состояний в целом являются следующие метафоры: антропоморфная (персонификация), веществен-

ная и жидкостная метафора, включающая синестезическую (вкусовую, цветовую, тактильную).

5. В образном слое рассматриваемых ментальных структур в РЯКМ и АЯКМ проявляется национально-культурная специфика. Например, в английских фразеологизмах *to laugh like a hyena, to laugh like a drain, to laugh oneself limp*. Смех человека соотнесен со звуками, издаваемыми гиеной или канализационной трубой. Субъект смеха в английском языке может смеяться до хромоты – уникальный симптом смеха как болезненного состояния.

6. Образная и сценарная составляющие ментальной структуры «Смех» тесно связаны между собой. Обнаруживаются некоторые

сложные образы, которые могут разворачиваться в тот или иной вариант событийного сценария смеха. Например, образ смеха как живого существа, противника и как щита и оружия представляется в виде сценария военных действий, в котором есть нападающий и защищающийся. При этом между субъектом и объектом смеха возникают особые отношения, какие существуют в военной сфере. Образ смеха как болезни разворачивается в сценарий заразительного смеха, передающегося от одного субъекта к другому. Ситуация смеха как болезни включает в себя определенные физиологические симптомы и особенности поведения человека, находящегося в этом состоянии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 166–205.
2. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 234–251.
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды: т. 2. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
4. Маринова Е. Д., Евдокимова А. А. Эмоциональный концепт joy (радость): структура и способы объективации // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 150–153.
5. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60, № 6. – С. 47–58.
6. Wierzbicka A. «Sadness» and «anger» in Russian: The non universality of the so-called «basic human emotions» // Speaking of emotions: Conceptualization and expression. – Berlin, 1998. – С. 3–28.
7. Волостных И. А. Антропоморфная метафора как основной способ экспликации эмоциональных концептов «страх» и «печаль» в русской и французской языковых картинах мира // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 2006. – Т. 12, № 2Б. – С. 534–537.
8. Мальцева Л. В. Интерпретация концепта «горе» в русской языковой картине мира // Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретаторы и типы интерпретаций: межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. – С. 260–270.
9. Athanasiadou A. The conceptualisation of the domain of FEAR in Modern Greek // Speaking of emotions: Conceptualization and expression. – Berlin, 1998. – P. 227–252.
10. Воркачев С. Г. Семантизация концепта любви в русской и испанской лексикографии (сопоставительный анализ) // Язык и эмоции: сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 125–138.
11. Mikołajczuk A. The metonymic and metaphorical conceptualisation of anger in Polish // Speaking of emotions: Conceptualization and expression. – Berlin, 1998. – P. 153–190.

12. **Taylor J., Mbense Th.** Red dogs and rotten mealies: How Zulus talk about anger // Speaking of emotions: Conceptualization and expression. – Berlin, 1998. – P. 191–226.
13. **Лаккофф Дж.** Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М., 2004.
14. **Трипольская Т. А.** Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. – 166 с.
15. **Бердникова А. Г.** Концепт «благодарность» в русской языковой картине мира // Проблемы интерпретационной лингвистики. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. – С. 34–42.
16. **Попова С. А.** Образная и сценарная составляющие ментальной структуры «Смех» в русской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 232–238.
17. **Кузнецов Ю. А.** Русские наименования мимических жестов в зеркале метафоры // XXXIII Международная филологическая конференция. Русский язык как иностранный и методика его преподавания. – СПб., 2004. – С. 102–106.
18. **Красавский Н. А.** Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2001.
19. **Воркачев С. Г.** Образная составляющая концепта «Love» // Воркачев С. Г. Anglica selecta: избранные работы по лингвоконцептологии. – Волгоград, 2012. – С. 36–42.
20. **Лихачев Д. С.** Смех в Древней Руси // Избранные работы: в 3 т. – Л., 1984. – Т. 2. – 298 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.09](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.09)

Popova Svetlana Andreevna, Post-Graduate Student of the Department of Modern Russian Language, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID iD [0000-0003-0003-2152](https://orcid.org/0000-0003-0003-2152)

E-mail: spspsp@list.ru

THE METAPHORICAL COMPONENT OF THE MENTAL STRUCTURE *LAUGH* IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD

Abstract

The article is devoted to research of the mental structure «Laugh» in the Russian and English language pictures of the world. The paper emphasizes the complexity of its organization in both languages. It is noted that the analyzed mental structure can be considered as a concept-image and as a concept-scenario. The purpose of the article is modeling the figurative component of the mental structure «Laugh» in the Russian and English language pictures of the world and detection of the national peculiarities. The author uses metaphorical approach to the description of mental structure. The researcher identifies and describes the metaphors presented in both languages, such as anthropomorphic, zoomorphic, naturomorphic, morbid metaphors. Laughter is personified in the Russian and English languages (an anthropomorphic metaphor). Subjects of laughter appear in images of various animals: horse, pig, donkey, goose, etc. (a zoomorphic metaphor). The naturomorphic metaphor combines the following: laughter as a substance, material, liquid, medicine, weapon or shield. The Image of laughter as an illness is difficult and multidimensional. It is developed in the scenario of an illness and an unhealthy condition of the subject of laughter. This situation in both language pictures of the world includes certain physiological symptoms and features of behavior of the person who is in condition of strong laughter: the problems with digestion, breath and mentality, change in completion, etc. It is emphasized that metaphors characterize emotional states of the subject and emotional assessments of the listener or object of laughter. The author concludes by emphasizing the fact: common for the description of laughter and emotions are the anthropomorphic, substance and liquid metaphors, which include synesthetic flavor, color, tactile metaphors.

Keywords

Language picture of the world, mental structure, concept, concept-image, concept-scenario, lexeme, metaphor, definitional analysis, discourse analysis.

REFERENCES

1. Karasik V. I. Cultural dominants in language. Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd, Change, 2002, pp. 166–205.
2. Lakoff G. Metaphors we live by. *Language and modeling of social interaction*. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 234–251.
3. Apresyan Yu. D. *Chosen works*. Vol. 2. Moscow, Languages of the Russian Culture school Publ., 1995.
4. Marinova E. D., Evdokimov A. A. Emotional concept of joy (pleasure): structure and ways of an objectivization. *Kemerovo State University Bulletin*. 2008, no. 2, pp. 150–153. (In Russian)

5. Vorkachev S. G. Concept «Happiness»: conceptual and figurative components. *News of the Russian Academy of Sciences. Series of literature and language*. 2001, vol. 60, no. 6, pp. 47–58. (In Russian)
6. Wierzbicka A. «Sadness» and «anger» in Russian: The non universality of the so-called «basic human emotions». *Speaking of emotions: Conceptualization and expression*. Berlin, 1998, pp. 3–28.
7. Volostnyh I. A. Anthropomorphic metaphor as the main way of explication of emotional concepts «Fear» and «Sorrow» in the Russian and French linguistic world pictures. *Tambov State Technical University Bulletin*. 2006, vol. 12, no. 2b, pp. 534–537. (In Russian)
8. Maltseva L. V. Interpretation of the concept «Grief» in the Russian language picture of the world. *Problems of interpretative linguistics: interpreters and types of interpretations. Interuniversity collection of scientific works*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical Publ., 2004, pp. 260–270.
9. Athanasiadou A. The conceptualisation of the domain of FEAR in Modern Greek. *Speaking of emotions: Conceptualization and expression*. Berlin, 1998, pp. 227–252.
10. Vorkachev S. G. Semantization of love concept in the Russian and Spanish lexicography (comparative analysis). *Language and emotions*. Volgograd, Change Publ., 1995, pp. 125–138.
11. Mikołajczuk A. The metonymic and metaphorical conceptualisation of anger in Polish. *Speaking of emotions: Conceptualization and expression*. Berlin, 1998, pp. 153–190.
12. Taylor J., Mbense Th. Red dogs and rotten mealies: How Zulus talk about anger. *Speaking of emotions: Conceptualization and expression*. Berlin, 1998, pp. 191–226.
13. Lakoff G. *Women, fire and dangerous things. What categories of language tell us about the thinking*. Moscow, 2004.
14. Tripolskaja T. A. *Emotive-evaluative discourse: cognitive and pragmatical aspects*. Novosibirsk, NGPU, 1999, 166 p.
15. Berdnikova A. G. The concept «Gratitude» in the Russian language picture of the world. *Problems of interpretative linguistics*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical Publ., 2000, pp. 34–42.
16. Popova S. A. Figurative and scenario components of mental structure «Laugh» in the Russian language picture of the world. *Siberian philological journal*. 2015, no. 1, pp. 232–238. (In Russian)
17. Kuznetsov Yu. A. The Russian names of the mimic gestures in the metaphor mirror. *XXXIII international philological conference. Russian as foreign language and technique of his teaching*. Saint Petersburg, 2004, pp. 102–106.
18. Krasavskiy N. A. *Emotional concepts in German and Russian language cultures*. Volgograd, Peremena Publ., 2001.
19. Vorkachev S. G. The figurative component of the concept «Love». Vorkachev S. G. *Anglica selecta: the chosen works of linguistics conceptology*. Volgograd, 2012, pp. 36–42.
20. Likhachev D. S. *Laughter in the Ancient Russia. The Chosen works*. Leningrad, 1984, vol. 2. 298 p.

© Мауриция Калузио

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.10)

УДК 81.374 + 81.374.82

ПРОБЛЕМЫ СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА С РУССКОГО НА ИТАЛЬЯНСКИЙ*Мауриция Калузио (Милан, Италия)*

В статье анализируются некоторые вопросы перевода поэзии с русского на итальянский. На примере первых шести стихов «Гимна в честь Чумы» из пушкинского «Пира во время чумы» автор показывает как итальянские переводчики решают такие вопросы, как передача рифмы и стихотворного метра при переводе русских классиков на итальянский. «Гимн в честь Чумы» за 60 лет (1936–1996) был переведен шестью переводчиками (Р. Кюфферле, Р. Поджиоли, Т. Ландольфи, Э. Ло Гатто, С. Витале, С. Де Видович), которые прибегают к разным метрическим ходам. Э. Ло Гатто – единственный переводчик, который использует рифмованный 11-сложный стих. Все другие (кроме С. Де Видович – ее перевод прозаический) обращаются к рифмованному и не рифмованному 9-сложному стиху. Р. Кюфферле, Р. Поджиоли и Э. Ло Гатто в известной мере жертвуют не только синтаксисом, но и лексикой и образами – а в конечном счете и ритмом оригинала – ради рифмы. И, как кажется сегодня, именно из-за этого их переводы так неоправданно устарели.

Ключевые слова: поэтический перевод, рифма, А. С. Пушкин, Р. Поджиоли, Т. Ландольфи, Э. Ло Гатто, С. Витале.

Итальянских переводчиков русские коллеги (а еще поэты и литературоведы) нередко упрекают в том, что русскую поэзию переводят не в рифму. Это, говорят, могло бы быть допустимым при переводе современных авторов, но совершенно непростительно, когда речь идет о классиках Золотого и Серебряного веков. На самом деле, переводя стихи, так же как и прозу, переводчики постоянно должны решать, какие черты оригинала можно сохранить в переводе, а какими, к сожалению, при-

ходится неизбежно пожертвовать. И в стихотворном переводе, который является предметом данной статьи, подавляющее большинство современных итальянских переводчиков с русского жертвуют в первую очередь именно рифмой. Это является (или, по крайней мере, должно было бы всегда являться) плодом исследовательской работы переводчика, пытающегося глубоко осмыслить текст, а не следствием его лени или попросту бездарности.

Калузио Мауриция – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник и доцент русской литературы факультета иностранных языков и литературы, Миланский католический университет, Милан, Италия.

E-mail: maurizia.calusio@unicatt.it

Об особенной роли, которую рифма играет в современном итальянском поэтическом языке, говорил в 1987 году один из самых известных итальянских поэтов XX века Ф. Фортини, который был к тому же переводчиком и теоретиком перевода: «Девальвация рифмы в итальянском стихосложении с трудом совместима с иностранными поэтами, к которым, какими бы великими они ни были, в современном языке будет применена эта формальная черта. Тут мы находимся перед эпохальным феноменом <...>. Возможно, ситуация изменится, но сейчас переводчик знает о своем долге совместить возможную рифму с нашей нерифмованной системой, которая преувеличивает выразительность, то есть декламацию поэтического текста в ущерб “запоминаемости”, которой способствует рифмованное стихосложение» [1, с. 26].

Итак, в современной итальянской поэтической традиции вполне допустим отказ от рифмы¹. Но как можно передать итальянскому читателю русский поэтический текст Золотого и Серебряного веков без рифмы? И возможно ли вообще сохранить звучание русского поэтического текста, не впадая в гротескно-искаженную искусственность? Мы здесь бегло рассмотрим только первый из этих вопросов, а размышляя о первом, затронем и второй.

В силу того, что «эндекасиллаб» (11-сложный стих) является самым распространенным размером итальянской стихотворной классики, им пользовались и пользуются неко-

торые итальянские переводчики при переложении самого распространенного размера русского силлабо-тонического стиха XIX века – четырехстопного ямба.

Это яркий пример функционального подхода к поэтическому переводу с русского [3, с. 250–254], традиция которого насчитывает в Италии почти два столетия, поскольку уже при жизни А. С. Пушкина граф Миниато Риччи перевел его стихи эндекасиллабом. Впоследствии, в начале XX века, эндекасиллабом был впервые переведен роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин», и, наконец, уже в 1930-е годы тем же размером перевел «Евгения Онегина» отец итальянской русистики Э. Ло Гатто².

Основатели традиции поэтического перевода с русского на итальянский пользовались рифмованным 11-сложным стихом, ссылаясь на условность, имевшую полное право на существование в эпоху, когда эти «пионеры» профессионального переводческого дела начинали свою работу. Но уже в середине XX века эта условность явно устарела в силу многочисленных перемен, произошедших в итальянской поэзии, – в первую очередь благодаря утверждению, уже в начале XX века, свободного стиха³. Поэтому тот, кто сегодня в Италии переводит А. С. Пушкина рифмованным эндекасиллабом, намеренно стилизует его на архаический лад. Это вполне возможное решение, влекущее, однако, за собой особое истолкование А. С. Пушкина, с которым далеко не все пушкиноведы были бы согласны.

¹ См. об этом то, что сказал в ходе интервью (2006 г.) в журнале «Вопросы литературы» Е. Солонович, который уже полвека переводит итальянскую поэзию на русский: «Поэзию надо переводить не только с одного языка на другой, но и с одного поэтического языка на другой поэтический язык. Если современный итальянский поэтический язык – это язык главным образом верлибра, признающий лишь внутренние рифмы, то русскую поэзию на итальянский надо

переводить именно с учетом этих особенностей» [2]. Также см.: [3, с. 254–255].

² Относительно всей истории переводов «Евгения Онегина» в Италии см.: [5; 6; 7].

³ В Италии уже традиционно существовал «свободный стих» («*verse libre*», см.: [8, с. 224–229]); «белый стих» («всякий нерифмованный стих» в германской поэзии) в романской поэзии называется «распущенный стих» [8, с. 133–134].

А еще возникает вопрос о выборе эндекасиллаба: каким же именно эндекасиллабом перевести А. С. Пушкина (или Е. А. Боратынского, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, не говоря о символистах, акмеистах и т. д.)? На самом же деле сложная, насчитывающая восемь веков, поэтическая традиция итальянского эндекасиллаба никак не сравнима с традицией русского 4-стопного ямба. Можно, например, перевести «Евгения Онегина» тем размером, которым сочинял Ф. Петрарка в XIV веке (таким образом утвердивший метрический опыт XIII века); или же тем, которым сочинял Д. Леопарди, современник А. С. Пушкина, или близким к нам эндекасиллабом Э. Монтале, сочинявшего уже при господствующем свободном стихе. Эндекасиллаб (*a maggiore* или *a minore*, с обязательным или с вольным ударением, в рифму или не рифму, т. е. *endecasillabo sciolto*, нерифмованный 11-сложник, который появился в Италии в XV веке, а после Д. Леопарди господствовал у нас) не существует вне истории итальянской поэзии.

В силу сложившейся переводческой традиции, некоторые исследователи поэтического перевода [3] все равно убеждены в том, что русский 4-стопный ямб надо переводить эндекасиллабом. На наш взгляд («нужно ли вспомнить о том, что почти все в метрике является спорным предметом?» [4, с. 7]), есть еще по крайней мере два подхода к вопросу о переводе 4-стопного ямба. На самом деле, переводя *сегодня* А. С. Пушкина и вообще русских классиков в стихах, некоторые итальянские переводчики попросту прибегают к свободным метрическим ходам (это допустимая в нашей поэтической и переводческой тради-

цией возможность), или же передают ямбический ритм русской поэзии Золотого века итальянским «ямбическим» ритмом. Этот третий, последний вариант является вполне возможным в силу того, что в итальянской поэзии существует с самого начала склонность к ямбическому ритму, как замечает в своем «Очерке истории европейского стиха» М. Гаспаров [8, с. 105]. Определенное тяготение к силлаботоническому стиху есть, например, у А. Мандзони, великого современника А. С. Пушкина.

Возьмем в качестве примера первые шесть стихов А. С. Пушкина из «Гимна в честь Чумы» в «Пире во время чумы»:

Когда могущая зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов, —
На встречу ей трещат каминь,
И весел зимний жар пиров.

Не случайно мы выбрали этот отрывок: «Гимн в честь Чумы» — это стихотворение А. С. Пушкина, которое послужило объектом наиболее активного соревнования переводчиков», как писал Э. Эткинд [9, с. 555]. Великий исследователь думал о Франции, но эти слова можно применить и к Италии, где насчитываются шесть переводов пушкинского «Гимна»⁴.

Первым в Италии перевел его в 1936 году русско-итальянский журналист и переводчик Р. Кюфферле [10, с. 236]. Он прибегнул к рифмованному 9-сложному стиху:

Allor che il verno, come un duce
energico, da sé conduce
gli eserciti ispidi dei geli
e delle nevi a nostro mal,
il crepitio dei fuochi ai cieli
di tra i festini allegri sal.

⁴ О метрических аспектах трех из этих шести переводов «Гимна» (Кюфферле, Поджиоли, Ло Гатто) писал

итальянский исследователь Дж. Гини в 2005 г. [7, с. 88–93].

Таким же ритмом через год, в 1937 году, славист Р. Поджиоли перевел «Гимн в честь Чумы» как самостоятельные стихи под названием *Cantico del Presidente* [11, с. 100]:

Quando l'inverno vigoroso
come un guerriero sotto i cieli
guida l'esercito villosa
delle sue nevi e dei suoi geli,
di fuochi fervono i camini,
di luci splendono i festini.

Через четверть века, уже совсем в другой поэтической обстановке, перевел «Пир во время чумы» писатель и поэт Т. Ландольфи [12, с. 210], который за год до этого выпустил на итальянском крупный том «Поэм и стихотворений» А. С. Пушкина. Он первым не стал использовать рифмы в «Гимне» при выборе «ямбического» ритма:

Quando il possente Inverno viene
E come baldo duce mena
Contro di noi le irsute schiere
Delle sue nevi e dei suoi geli, -
Crepitando lo accolgono i camini
E lieto è l'invernale tepore dei festini.

В своем издании «Произведений в стихах» А. С. Пушкина на итальянском (1200 стр.) пять лет спустя опубликовал «Пир» и Э. Ло Гатто [13, с. 342]. Он – единственный переводчик, который прибегает к рифмованному 11-сложному стиху:

Quando il possente Inverno come duce
arditamente contro noi conduce
di persona l'esercito villosa
delle nevi e dei geli, è dai camini
accolto crepitando ed è gioioso
il tepore invernale dei festini.

Прошло пятьдесят лет с того времени, когда вышли переводы Т. Ландольфи и

Э. Ло Гатто, переводы Р. Кюфферле и Р. Поджиоли были сделаны восемьдесят лет назад: за эти десятилетия заметно изменился не только итальянский язык, но и наши представления о переводе стали совсем иными, и поэтому эти переводы нельзя судить современными мерками. Однако можно заметить, что из них самым далеким от оригинала и по ритму, и по синтаксису несомненно является перевод Э. Ло Гатто.

На самом деле, отец итальянской славистики искажает ритмо-синтаксический ход пушкинских стихов, вводя три анжамбемана, которых нет в оригинале: *conduce/di persona* (с. 3–4; см. у Пушкина, с. 2: «ведет сама»), *è dai camini/accolto crepitando* (с. 5–6; см. с. 5: «На встречу ей трещат каминны»), *è gioioso/il tepore invernale* (с. 6–7; см. с. 6: «И весел зимний жар пиров»). Вообще, в переводе Э. Ло Гатто анжамбеман играет наиболее значительную роль, не сравнимую с той, которую он играет в оригинале А. С. Пушкина. Переводчик жертвует ритмической и синтаксической верностью ради эндекасиллаба, но это решение не компенсируется метрически: его ходы не звучат для итальянского уха более «поэтично», чем ходы в «ямбических» переводах Р. Поджиоли, Р. Кюфферле и тем более Т. Ландольфи. Т. Ландольфи писал еще в 1937 году [14, с. 87], рецензируя итальянский перевод Э. Ло Гатто «Евгения Онегина»: «Точно перевести поэта – значит передать <...> метрику, тон, строй, все детали музыкальных фраз и так далее. Значит воспроизвести не столько контекст, сколько гармонический контекст». Но, предупреждает великий итальянский писатель: «при попытке свободно воссоздать стих на основе неоригинального стиха, обязательно появятся новые связи всех типов, так как второй текст, текст-отражение, действительно является частью новой традиции. <...> свобод-

ному воссозданию стиха более благоприятствует строгое следование оригинальному метру» [14, с. 88].

Нельзя не заметить, что, за исключением Т. Ландольфи, все переводчики в известной мере жертвуют не только синтаксисом, но и лексикой и образами, а в конечном счете и ритмом оригинала, ради одной рифмы – и, как нам сейчас кажется, именно из-за этого их переводы так непоправимо устарели.

Р. Кюфферле и Э. Ло Гатто передают схему чередования рифм оригинала AABCBC (вспомним, что мужских и женских рифм в итальянском стихосложении нет, но Р. Кюфферле пытается их передать), Р. Поджиоли же соблюдает свою схему (ABABCC). Надо же сказать, что у всех троих рифмы бедные и трафаретные: *duce – conduce; geli – cieli; mal – sal* (Кюфферле); *vigoroso – villosa, cieli – geli; camini – festini* (Поджиоли); *duce – conduce, villosa – gioiosa, camini – festini* (Ло Гатто). И эти неудачные рифмы повторяются из перевода в перевод: у первых двух переводчиков одинаковая рифма *geli – cieli / cieli – geli*; а у Э. Ло Гатто есть рифмы *duce – conduce*, как у Р. Кюфферле, и *camini – festini*. Эта последняя рифма встречается и у Т. Ландольфи, но у него она звучит не так тривиально. На самом деле она – вариация ассонансов, которые ей предшествуют: *viene- schiere, viene-mena, schiere-geli, camini-festini*.

Через пятьдесят лет после первых опытов Р. Кюфферле и Р. Поджиоли перевела «Пир во время чумы» и С. Витале [15]:

Quando il possente Inverno porta
su noi, alacre condottiero,
le sue irsute e folte schiere
di nevi, di tormento e gelo,
lo accoglie il crepitare dei camini,
l'ardore gaio dei conviti.

Ее язык уже другой, другое у нее и понимание перевода. На лексическом уровне достаточно сравнить, как переводят слово *вождь* Р. Кюфферле (как ни странно в 1968 году, через 23 года после окончания Второй мировой войны) и Э. Ло Гатто, т. Е. итальянским существительным «*duce*», которое без прилагательных или неопределенного артикля относилось и без вариантов еще относится у нас только к Б. Муссолини. Заметим, что у Т. Ландольфи оно не так странно звучит, потому что его сопровождает прилагательное «*baldo*» (смелый, бодрый), который придает ему традиционно-поэтический отзвук. С. Витале переводит *вождь* как «*condottiero*», сохраняя точнее, чем Р. Поджиоли значение слова – ведь его «*guerriero*» значит *воин*, а не *вождь*. Можно еще подумать о явно устаревшем в наши дни слове «*villosa*», которым Р. Поджиоли и Э. Ло Гатто переводят русское прилагательное «косматый». «*Villosa*» сегодня весьма далеко от слова «*vello*» («шерсть»), и давно уже относится только к волосам, растущим на широкой мужской груди. И С. Витале и Т. Ландольфи переводят «косматый» как «*irsuto*» (с длинной, густой шерстью, лохматый).

Еще один лексический пример. Р. Кюфферле, Р. Поджиоли и Э. Ло Гатто переводят «дружины» как «*esercito/i*», а Т. Ландольфи и С. Витале как «*schiera*». Таким образом, все они теряют точное русское историческое значение слова. Но «*esercito*» значит «армия», без какого бы то ни было временного оттенка, а более благородное в этом значении слово «*schiera*» («рать») и сегодня сохраняет свое историческое звучание.

Что же касается синтаксиса пушкинского текста, С. Витале не искажает его в своем переводе, а наоборот строго его соблюдает. А благодаря отсутствию рифмы, синтаксис и лексика перевода Т. Ландольфи намного ближе к пушкинскому оригиналу,

чем другие. Самым далеким от русского оригинала по отношению к синтаксису является Э. Ло Гатто.

Заметим, что в своем переводе Т. Ландольфи включает без изменений самый удачный стих из перевода Р. Поджиоли («*Delle sue nevi e dei suoi geli*»), и это выглядит как знак признательности к национальной переводческой традиции. То же самое делает С. Витале, которая с одной вариацией («*porta*» вместо «*viene*» – но оба глагола двусложные, и ритм не меняется) повторяет первый стих Т. Ландольфи: «*Quando il possente Inverno porta*».

Если говорить о метрических решениях, то С. Витале, так же как и Р. Поджиоли, Р. Кюфферле и Т. Ландольфи, использует ямб, т. е. вариант итальянского 9-сложного стиха, а не эндекасиллаб. Но в отличие от других переводчиков, как Т. Ландольфи и С. Витале избегает рифмы. Точных рифм у нее нет, зато здесь наблюдается целая сеть ассонансов, консонансов, внутренних рифм, паронимазических приемов: *condottiero* – *schiere* – *gelo* – *ardore* (с. 2, 3, 4, 5); *camini* – *conviti* (с. 5, 6); *possente* – *tormente* (с. 1, 4); *quando* (с. 1) и *condottiero* (с. 2); *possente* – *porta* (с. 1); *sue* и *irsute* (с. 3);

inverno (с. 1), *nevi* (с. 4) и *conviti* (с. 6). Все эти свободные звуковые повторы намного богаче рифм вроде *camini* – *festini*, *cieli* – *geli*, которые для итальянской стихотворной традиции уже в начале XX века являлись тривиальными.

Итак, несмотря на отсутствие рифмы, именно переводы Т. Ландольфи и С. Витале ближе к тексту-источнику: здесь сохранена фразовая интонация А. С. Пушкина. Отсутствуют его рифмы, но эта жертва, как мы убедились, весьма удачно компенсируется. Не даром уже упоминавшийся Ф. Фортини писал в 1957 году: «По крайней мере до определенного предела ритмико-метрические связи *не являются* настолько решающими и незаменимыми, как стремился убедить нас суеверный формализм; переводимость поэзии основывается именно на этой констатации. Правда, что исторически метрические структуры существуют намного дольше, чем тональные связи лексики (не даром метрика, по определению, это традиция), но, с другой стороны, роль метра уменьшается по мере того, как увеличивается значимость других элементов, других выборов» [16, с. 795]⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Fortini F.** Lezioni sulla traduzione. Realtà e paradosso della traduzione poetica. Quattro seminari sulla teoria e pratica della traduzione dei testi poetici / A cura di E. Passannanti – Napoli: Istituto di Studi Filosofici, 1988–1989. – P. 60.
2. **Солонович Е., Визель М.** Русская поэзия итальянскими словами // Вопросы литературы. – 2006. – № 6. – С. 31–50.
3. **Colucci M.** Del tradurre poeti russi (e non solo russi) // Tra Dante e Majakovskij. Saggi di letterature comparate slavo-romanze / Introduzione e cura di R. Giuliani – Roma: Carocci, 2007. – P. 354.
4. **Beltrami P. G.** Gli strumenti della poesia. – Bologna: Il Mulino, 1999. – P. 243.

⁵ В 1996 г. и С. де Видович опубликовала свой прозаический перевод «Пира во время чумы» [17]. Ради полноты общей картины приводим здесь ее первые шесть стихов из «Гимна в честь Чумы»: «Quando il

grande freddo, / destro condottiero, su di noi / scaglia le sue aspre schiere / dei nevischi e dei ghiacci, / ardano crepitando i caminetti / e nei banchetti ci sia allegra / animazione» [17, с. 69].

5. **Cavaion D.** Le traduzioni italiane in versi dell'Eugenio Onegin di Puškin // "Premio Città di Monselice" per una traduzione letteraria. Atti del IX Convegno sui problemi della traduzione letteraria e scientifica. Le traduzioni dal russo. – Monselice, 1981. – P. 43–63.
6. **Ghini G.** Tradurre l'Onegin. – Urbino: QuattroVenti, 2003. – P. 172.
7. **Ghini G.** Tradurre il ritmo del poeta. Puškin nelle "versioni ritmiche" di Poggioli // Studi slavistici. – 2005. – № 2. – P. 81–96.
8. **Гаспаров М. Л.** Очерк истории европейского стиха. – М.: Фортуна Лимитед, 2003. – С. 274.
9. **Эткинд Е.** Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 598.
10. **Pusckin A.** Il Boris Godunov e le tragedie minori / Traduzione di R. Küfferle. – Milano: Mondadori, 1936. – P. 300.
11. **Pusckin A.** Piccola antologia lirica / Traduzione di R. Poggioli // Letteratura. – 1937. – № 3. – P. 100–104.
12. **Puškin A.** Teatro e favole / Versioni di T. Landolfi. – Torino: Einaudi, 1961. – P. 356.
13. **Puškin A.** Lirica / Introduzione, versioni, commenti e note di E. Lo Gatto. – Firenze: Sansoni, 1968. – P. 1202.
14. **Landolfi T.** I russi / A cura di G. Maccari. – Milano: Adelphi, 2015. – P. 366.
15. **Puškin A.** Piccole tragedie / A cura di S. Vitale. – Milano: Rizzoli, 1987. – P. 278.
16. **Fortini F.** Metrica e Libertà, 1957, in Saggi ed epigrammi / A cura e con un saggio introduttivo di Luca Lenzini, Mondadori. – Milano, 2003. – P. 1849.
17. **Puškin A.** Teatro / Traduzione di S. de Vidovich. – Milano: Garzanti, 1996. – P. 190.

Maurizia Calusio, PhD, Senior Researcher, Università Cattolica del Sacro Cuore, Milan, Italy.

ORCID iD [0000-0001-5956-3316](https://orcid.org/0000-0001-5956-3316)

E-mail: maurizia.calusio@unicatt.it

PROBLEMS OF TRANSLATING POETRY FROM RUSSIAN INTO ITALIAN

Abstract

The present article deals with some of the problems of translating poetry from Russian into Italian. On the basis of the first six verses of the Hymn in Honour of the Plague, from Pushkin's A Feast in Time of Plague, the author shows how Italian translators render rhythm and metre when translating Russian classical authors. In 60 years (1936–1996) The Hymn in Honour of the Plague was translated six times, respectively by R. Küfferle, R. Poggioli, T. Landolfi, E. Lo Gatto, S. Vitale, and S. De Vidovich. Lo Gatto is the only translator who uses a rhymed hendecasyllable. All other translators (with the exception of De Vidovich, whose translation is prosaic) use 9-syllable verse with or without rhyme. Küfferle, Poggioli and Lo Gatto somehow sacrifice not only the syntax, but also the lexicon and the images (and, as a consequence, the rhythm) of the original in order to keep the rhyme. This is the reason why today their translations have become irremediably obsolete.

Keywords

Poetry translation, rhyme, A. S. Pushkin, R. Poggioli, T. Landolfi, E. Lo Gatto, S. Vitale

REFERENCES

1. Fortini F. *Lessons on Translation. Reality and Paradox of the Translation of Poetry. Four Seminars on Theory and Practice of the Translation of Poetry.* (Ed.) E. Passannanti. Napoli, Istituto di Studi Filosofici Publ., 1988–1989, pp. 60 (In Italian).
2. Solonovich E., Vizel M. Russian Poetry in Italian. *Questions Literature*. 2006, no. 6, pp. 31–50. (In Russian).
3. Colucci M. Translating Russian (and not only Russian) Poets. *Between Dante and Majakovskij. Essays on the Slavic and Romance Comparative Literatures.* (Ed.) R. Giuliani. Roma, Carocci Publ., 2007, pp. 354 (In Italian).
4. Beltrami P. G. *Tools of Poetry.* Bologna, Il Mulino Publ., 1999, pp. 243 (In Italian).
5. Cavaion D. Italian Translations of Pushkin's Eugene Onegin. "Premio Città di Monselice" per una traduzione letteraria. *Atti del IX Convegno sui problemi della traduzione letteraria e scientifica. Le traduzioni dal russo.* Monselice, 1981, pp. 43–63 (In Italian).
6. Ghini G. *Translating Onegin.* Urbino, QuattroVenti Publ., 2003, pp. 172 (In Italian).
7. Ghini G. Translating the Rhythm of the Poet. Puškin in Poggioli's "Rhythmical translations". *Studi slavistici*. 2005, no. 2, pp. 81–96 (In Italian).
8. Gasparov M. A. *A History of European Versification.* Moscow, Fortuna Limited, 2003, pp. 274. (In Russian).
9. Etkind E. *Word of God: Readings of Pushkin in Russia and France.* Moscow, Languages Russian culture Publ., 1999, pp. 598 (In Italian).
10. Pusckin A. *Boris Godunov and minor Tragedies.* Traduzione di R. Küfferle. Milano, Mondadori Publ., 1936, pp. 300.
11. Pusckin A. A Little Anthology of Lyrics. (Tr.) R. Poggioli. *Letteratura*. 1937, no. 3,

- pp. 100–104 (In Italian).
12. Pusckin A. *Drama and Fairy Tales*. Versioni di T. Landolfi. Torino, Einaudi Publ, 1961, pp. 356 (In Italian).
 13. Pusckin A. *Lyrics*. Introduction, trans., notes by E. Lo Gatto. Firenze, Sansoni Publ., 1968, pp. 1202 (In Italian).
 14. Landolfi T. *The Russians*. (Ed.) G. Maccari. Milano, Adelphi Publ., 2015, pp. 366 (In Italian).
 15. Pusckin A. *Little Tragedies*. (Ed.) S. Vitale. Milano, Rizzoli Publ., 1987, pp. 278 (In Italian).
 16. Fortini F. *Prosody and Freedom* (1957). *Essays and Epigrams*. (Ed.) Luca Lenzini, Mondadori, Milano 2003, pp. 1849 (In Italian).
 17. Pusckin A. *Drama*. Traduzione di S. de Vidovich. Milano, Garzanti Publ., 1996, pp. 190 (In Italian).

© М. А. Лаппо

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.11)

УДК 81.374 + 81'42

ПРАГМАТИКА НОВЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И САМООБОЗНАЧЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

М. А. Лаппо (Новосибирск, Россия)

В статье описываются тенденции лексического преобразования в текстах современных педагогов, а именно появление различных видов неологизмов: новых названий учителя, педагога или ведущего занятия; новых названий видов или способов занятий; нетранслитерированных наименований; слов, образованных путем сложения элементов; метафорических преобразований и расширения лексической сочетаемости. Проанализированы причины введения неологизмов в педагогический дискурс. Например, подтверждается идея интервенции дискурса рыночных отношений в отечественном дискурсе образования, описанная ранее на материале зарубежных дискурсов. Отмечен феномен «стихийной лексикографии» в тех типах текстов, которые ранее для этого не использовались (в учебных программах и программах научных конференций). Новояз и дефинирование неологизмов без указания авторства представлены как инструменты «власти дискурса» в понимании М. Фуко, Т. ван Дейка.

Статья развивает положения интегральной теории лексического значения, ряда исследований, посвященных структуре прагматического макрокомпонента (Ю. Д. Апресяна, Г. Н. Скляревской, В. Н. Телия, Е. Ю. Булыгиной, Т. А. Трипольской). Апробируется методика контекстного анализа на материале неологизмов в современном педагогическом дискурсе. Установлено, что в структуру прагматического макрокомпонента новых обозначений и самообозначений входят идеологический и оценочный микрокомпоненты значения. В свою очередь, идеологический микрокомпонент включает в себя компоненты маркирования новых идей, передачи идеального образа новой педагогики и идеи «другого», а оценочный – позитивной оценки, престижности новых педагогических профессий и технологий.

Ключевые слова: педагогический дискурс, заимствование, семантика, структура лексического значения, прагматический макрокомпонент значения, идеологический компонент значения, оценочные коннотации, стихийная лексикография.

* Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РГНФ: проект 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты», проект 15-14-54001а(р) «Конфликтный текст в зеркале лингвистического экспертирования: оскорбление, унижение чести и достоинства, порочащая информация в публичной коммуникации региона».

Лаппо Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: lama2046@yandex.ru

С конца 1990-х гг. отечественная педагогика получила существенные преобразования, которые последовали за экономическими и политическими реформами в России. Дискурс педагогов – как теоретиков, так и практиков – постепенно фиксировал эти изменения. Реформаторы в поисках ресурсов обновления вначале обратились к европейской системе образования: так в наш словарь влились лексемы *бакалавриат, магистратура, Phd, тьютор, компетенция, зачетная единица*. В последнее время система образования активно наполняется лексикой, пришедшей из сфер бизнеса, спорта или моды, например: *менеджмент качества образования, коуч, медиатор, стейкхолдер, тайм-менеджмент, портфолио, тренд, провайдеры педагогических программ, супервизор, фасилитатор, эдьютеймент* и многие другие.

Педагогический дискурс – это разновидность институциональной социогуманитарной практики говорения педагогов в ходе образовательно-воспитательного процесса или в ходе говорения о данном процессе. На наш взгляд, профессиональный дискурс педагогов, являясь родовым понятием, включает в себя методический, учебный, воспитательный, образовательный, научно-педагогический, психолого-педагогический дискурсы. Содержание и направленность педагогического разговора уточняется в определении Е. А. Кожемякина, который под образовательно-педагогическим дискурсом понимает «своеобразное “проговаривание” будущего или желаемого положения дел в социокультурной действительности» [1, с. 27]. При этом образовательно-педагогический дискурс «базируется на решении проблемы описания и самоописания, во-первых, профессионального образования, во-вторых – социокультурного воспроизводства и, в-третьих – воспитания личности» [1]. В связи с указанной первой проблемой

«описания и самоописания» при анализе неологизмов в педагогическом дискурсе будем пользоваться терминами *обозначения* (наименования элементов образовательного процесса) и *самообозначения* (наименования участников образовательного процесса).

По параметру *адресат – адресант* в структуру педагогического дискурса входит три основные группы жанров: а) дискурсы, порождаемые в процессе образования и воспитания (школьные уроки, лекции, учебные семинары и другие виды занятий); б) дискурсы, порождаемые в процессе обсуждения образования (научные статьи, монографии, диссертации, конференции, научно-методические семинары, совещания, дебаты и др.); в) дискурсы, регламентирующие образовательный процесс в нормативном порядке (законы, распоряжения, стандарты и др.) (табл.). Ср. с тремя типами педагогов, выделяемых В. И. Слободчиковым: практики, теоретики и управленцы [2, с. 139].

Центральным звеном в педагогическом дискурсе являются дискурсы профессионального сообщества, порождаемые в процессе обсуждения образования, поскольку именно в диалоге «учитель – учитель» создаются актуальные позиции и установки; помимо прочего, в этот разговор могут втягиваться другие заинтересованные лица, в частности родители учащихся. К производству дискурсов «учитель – ученик» обучающий приступает относительно подготовленным, сформированным, и здесь он оттачивает свои позиции. В регламентирующих дискурсах педагог занимает пассивную позицию и либо принимает указания сверху, либо саботирует их, изредка высказывая критику в адрес руководства. Поэтому, скажем, социолог Е. В. Добренькова исключает нормативные акты из пространства образовательного дискурса: «Образовательный дискурс,

развившийся до уровня социального института, прекращает существовать как социальный процесс. Действительно, как только в диалоге сторон побеждает одна из точек зрения, она превращается в государственную стратегию, проводится через совокупность нормативных положений, приказов и методических пособий, под ее осуществление выделяются деньги, штаты, помещения и т. д.» [3, с. 16].

Однако, думается, невозможно исключить из пространства педагогического дискурса регламентирующие акты, поскольку они не отменяют борьбу за определенные ценности и стимулируют либо дискурсы комментирующего, разъяснительного характера, либо дискурсы сопротивления.

Таблица

Основные характеристики видов педагогического дискурса

Main characteristics for the types of pedagogical discourse

Виды дискурсов	Адресант	Адресант	Цель дискурса
Дискурсы, порождаемые в ходе образовательно-воспитательного процесса	Обучающие (учитель, преподаватель, воспитатель)	Обучаемые (ученик, студент)	Образовательная и воспитательная (обучение, воспитание)
Дискурсы, порождаемые в процессе обсуждения образования	Обучающие Родители обучаемого	Обучающие Родители обучаемого	Утверждение своей позиции, точки зрения на образовательный процесс
Дискурсы, регламентирующие образовательный процесс	Лица, наделенные властью на всех уровнях образовательной системы (чиновники, администрация)	Обучающие	Регламентирование отдельных элементов образовательного процесса

В связи с этим основным материалом послужили тексты о современной педагогике, о педагогических технологиях и инновациях, программы научных конференций и научно-методических семинаров, а также лексикографические источники.

Не секрет, что в настоящий момент отечественная педагогика находится в состоянии терминологической паники, вводя в оборот все новые и новые лексемы, как правило, иноязычного происхождения либо новообразования с использованием иностранных элементов. При этом очевидно, что российский педагогический дискурс переживает процессы колонизации дискурса рыночных отношений в сфере

образования, аналогичные англоязычному дискурсу. См. анализ интервенции и коммерциализации педагогического дискурса в работах N. Fairclough [4], B. Bernstein [5], С. О. Макеевой [6].

Проблема стремительной трансформации языка педагогики не получила однозначного решения. Так, на круглом столе «К вопросу о развитии научной терминологии в педагогике: сравнительный аспект», прошедшем в рамках XI Международной научно-практической конференции «Педагогический профессионализм в образовании» (Новосибирск, 19 февраля 2015 г.), были представлены раз-

личные точки зрения. Ср.: «Практика настоятельно требует расширения педагогического тезауруса, включения в него понятий из других научных областей (психология, философия, менеджмент и пр.)»¹; «Сегодня появляется довольно большое количество (в небольших количествах они существовали всегда) терминов, которые вводятся в педагогический язык <...> для решения других задач, например, получения эффекта новизны, позволяющего придать прежним объяснительным моделям вид новых и оригинальных, или удовлетворения запросов чиновников на педагогические инновации»²; «На мой взгляд, загруженность современного педагогического языка (в его русском варианте) англоязычными терминами не только не оправдана, но и ведет к псевдонаучности, сильно затрудняя осмысление прочитанного»³.

Цель нашей статьи заключается в описании прагматического макрокомпонента в семантике неологизмов современного педагогического дискурса. Автор не ставит задачу оценивать целесообразность употребления тех или иных слов. Однако стоит учитывать, что прагматика слова определяется закономерностями его восприятия носителями языка, в связи с чем стоит обращать внимание не только на контекстное употребление интересующих лексем, но и на рефлексии их использования. Статья развивает положения интегральной теории лексического значения, ряда исследований, посвященных структуре прагматического макрокомпонента [7–12]. Под прагматическим компонентом, вслед за Г. Н. Скляревской, нами «понимается сумма коннотаций (социальных, культурных, этические,

исторических, эмотивных, экспрессивных, оценочных, ассоциативных), а также специфика семантики (особенности денотативной направленности) – все многочисленные и многообразные элементы, сопутствующие лексическому значению (а частично входящие в его структуру), которые в речевом акте несут информацию о намерениях говорящего, о речевой ситуации, о статусах собеседников, об оценке предмета речи и т. д.». [9, с. 6]. Е. Ю. Булыгина и Т. А. Трипольская указывают, что «нередко именно этот компонент и определяет индивидуальность слова в ряду других» [12, с. 28].

Анализ лексических, семантических, словообразовательных неологизмов позволил выделить пять структурно-семантических групп:

- новые названия учителя, педагога или ведущего занятия (встречу);
- новые названия видов или способов занятий;
- нетранслитерированные наименования;
- слова, образованные путем сложения элементов;
- метафорические преобразования или семантическое расширение.

Рассмотрим эти группы подробнее.

Группа 1. Дифференциация названий учителя, педагога или ведущего занятия, встречу. В данной группе выделяются подгруппа новых заимствований, сразу попавших в сферу педагогики из зарубежного педагогического дискурса (*адаптер, тьютор*), и слов, появившихся в русском дискурсе сначала в других сферах (*аналитик, консультант, коуч, медиатор, модератор, спикер, супервизор,*

¹ Круглый стол «К вопросу о развитии научной терминологии в педагогике» // Сибирский педагогический журнал. – 2015. – № 2. – С. 203.

² Там же. С. 206.

³ Там же. С. 207.

фасилитатор, эдвайзер⁴, эксперт). Как показывают исследования, в большинстве случаев данные лексемы были транспонированы в российский педагогический дискурс из зарубежного педагогического дискурса с новыми значениями, хотя они уже были до этого внедрены в другие русскоязычные дискурсы с той или иной степенью активности – в сферах бизнеса, спорта, психотерапии [6].

Некоторые из указанных наименований получили официальное признание. Например, приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 5 мая 2008 г. № 216н была утверждена должность тьютора как педагогического работника; в настоящее время находятся в стадии утверждения профессиональные стандарты тьютора и коуча⁵. Рост наименований педагогических профессий рассматривается как положительное явление: «Интерес к профессии учителя постепенно начинает увеличиваться. Сокращается негативное отношение к педагогу среди молодежи, *появляются новые разновидности профессии учителя* (выделено нами. – М. Л.), повышается интерес со стороны научного сообщества и органов власти к данной отрасли, расширяется влияние образования на все сферы жизни современного человека» [13, с. 85].

В то же время исследователи отмечают пересечение ряда профессиональных функций, не выделяя собственной уникальной специфики, к примеру, тьютора: «К наиболее общим функциям **тьютора** (здесь и далее выделено

нами. – М. А.) можно отнести: во-первых, организацию, контроль и помощь в осуществлении миссии и целей магистрантов (в данном случае тьютор выступает, как соорганизатор, **координатор** учебного и воспитательного процессов). Во-вторых, организацию инициирования индивидуальных образовательных интересов и планов студентов (тьютор выступает здесь как **фасилитатор**, улучшая, в том числе и процессы самовоспитания). И, в-третьих, организацию конструирования будущей идентичности, проектирования и реализации индивидуальных образовательных и воспитательных стратегий и программ (в данном случае тьютор выступает как **тренер, коучер**)» [14, с. 173].

Группа 2. Дифференциация наименований занятий, встреч или их форм и фрагментов. К уже существующим традиционным лексемам *урок, лекция, семинар, практикум, коллоквиум* и довольно новым, но хорошо освоенным обозначениям *мастер-класс, круглый стол, презентация*, в последнее время добавились: *аудиоконференция, бэкграунд, вебинар, виртуальная лаборатория, воркшоп, диалоговая лекция, дискуссионная площадка, интерактивное обучение, кейс-стади⁶, коворкинг, образовательная площадка, образовательный практикум, онлайн-обучение, оффлайн-технология⁷, панельная дискуссия, проблемный симпозиум, проектно-аналитиче-*

⁴ Колебания в орфографии – яркий признак нового слова: еще не так давно существовали варианты *тьютор* и *тьютер*, сегодня есть *коуч* и *коучер*, *эдвайзер* и *адвайзер*. Ср. в английском языке: *adaptor* и *adapter*.

⁵ Новости разработки профессионального стандарта по должности «Тьютор» [Электронный ресурс]. – URL: <http://worldtutors.ru/novosti-profstandarta-tyutor>

⁶ Варианты «кейс-стади» в русскоязычном дискурсе: *case-study, case method, метод кейсов, кейс-метод, метод конкретных ситуаций*.

⁷ Также имеются орфографические варианты: *онлайн-обучение, оффлайн-технология* и *офлайн-технология*.

ская сессия, профессионально-диалоговая площадка, скетч, смарт-доска, тич-ин, управляемая дискуссия, форсайт и др.

Появление данных слов и выражений обусловлено целым комплексом причин: во-первых, мощным внедрением в образовательный процесс новых информационных технологий, во-вторых, влиянием западного педагогического дискурса на отечественные практики говорения, и, наконец, желанием педагогов на уровне обновленного словаря соответствовать курсу модернизации, внедряемой Министерством образования и науки, когда новое слово маркирует не столько новое содержание, сколько попытку его создать. Некоторые из этих слов не вызывают споров в понимании (*вебинар*), однако содержание многих других довольно неоднозначно. Так, в понимании одних слово *воркшоп* встает в один ряд с такими видами интерактивных занятий, как *мастер-класс* и *тренинг*, другими же *воркшоп* определяется как родовое понятие⁸.

Группа 3. Некалькированные и нетранслитерированные слова и словосочетания или их элементы. Приведем примеры таких номинаций: *технология collaboration, e-learning, executive coach, massive open online courses, case-study, web-тьютор*. Часть из них довольно плохо поддается транслитерации в силу неблагозвучности или вариативности кириллической передачи. Так, *e-learning* дает восемь вариантов («е-лёрнин», «и-лёрнин», «е-лёнин», «и-лёнин», «е-лёрнинг», «и-лёрнинг», «е-лёрнинг», «и-лёрнинг»), поэтому исконное написание этого слова позволяет избежать неточностей и множественности в русском языке. В то же время, не вызывает сомнения, что нетранслитерированные слова или слова с

такими элементами в русском дискурсе обычно воспринимаются как новые, чужие, заимствованные, как и любые другие иноязычные вкрапления, а говорящий, употребляющий их, – как более сведущий, образованный человек.

Иноязычная графика является самым ярким признаком чужого слова. Эксперименты по восприятию иноязычного слова показывают, что иноязычная лексика зачастую воспринимается негативно, отторгается, особенно в студенческой среде: «...уровень освоенности заимствований, большинство из которых достаточно часто используется не только в публицистике и научном стиле, но и в обиходной речи, невысок. Часто наблюдается приблизительное знание значения слова, при котором усвоены лишь некоторые компоненты значения или только часть семантической структуры многозначного слова» [15, с. 81].

Исходя из этого иноязычное слово, а особенно слово с иноязычной графикой может выступать как инструмент давления на адресата, как средство манипуляции его сознанием.

Группа 4. Словообразовательные дериваты. Наиболее активно в педагогическом дискурсе функционируют словообразовательные модели сложных двусоставных наименований: *онлайн-обучение, преподаватель-симулятор, телеконференция, кейс-лаборатория, воркшоп-круиз, форсайт-сессия, бизнес-педагогика*.

Продуктивность таких моделей наблюдается в словообразовательном гнезде лексемы *тьютор* (помимо других производных – *тьюториал, тьюторство, тьюторский, тьюторинг, тьюторант, тьюторат, тью-*

⁸ Толкачев А. Н. Workshop как новый эффективный способ работы над студенческими проектами [Электронный ресурс]. URL:

http://www.obe.ru/journal/new_stat/Tolkachev_workshop.pdf (Дата обращения: 28.02.2016).

ториада): *web-тьютор, воспитатель-тьютор, преподаватель-тьютор, студент-тьютор, педагог-тьютор, тьюторат-studium, тьюторат-практика, тьютор-диск, тьютор-консультант, тьютор-преподаватель, тьютор-фасилитатор, тьютор-куратор, тьютор-фасилитатор, учитель-тьютор, тьютор-организатор*. Подобные наименования, как указывает Е. И. Голованова, обозначают «выполнение лицом функционально неоднородной деятельности» [16, с. 165]. Кроме этого, богатая деривация демонстрирует актуальность лексемы *тьютор* в педагогическом дискурсе современной России. Деривационное гнездо лексемы *коуч* в педагогическом дискурсе гораздо беднее, по причине её меньшей благозвучности и более позднего вхождения в сферу образования: *коучинг, коучинг-подход, коуч-преподаватель, коуч-сессия*.

Группа 5. Семантические дериваты.

В эту группу входят как яркие, живые метафоры, появившиеся собственно в сфере образования (*открытое образование, «профессиональный лифт» для будущих педагогов, педагогическая интернатура, трансфер технологий, электронный тьютор*), так и метафоры, перенесенные из других сфер управления (*стратегическая инициатива, сетевое взаимодействие, дорожная карта, маршрут подготовки, линейный одноканальный маршрут подготовки педагога, массовые виртуальные миры, супервизионная мастерская, супервизируемые демо-сессии*). Можно отметить резкий подъем сочетаемостных возможностей центральных для педагогики лексем *образование/образовательный*, когда появилась способность присоединяться к самому широкому кругу явлений. Например: *дистанционное образование, непрерывное образование, открытое образование, образовательный контент, образовательный навигатор, образовательный холдинг, образовательный сайт/портал,*

образовательный ресурс, индивидуальный образовательный маршрут, образовательный кредит, образовательная среда, образовательное пространство, образовательная траектория и др.

Интуитивно появившиеся, данные образные словосочетания постепенно осмысливаются, входя в терминологическую базу педагогики. Так, например, по поводу разграничения понятий *образовательная среда* и *образовательное пространство* А. С. Роботова в 2008 г. писала: «Обращает на себя внимание факт определения образовательного пространства как среды (в некоторых исследованиях) или среды как пространства, что говорит о неясности терминов, нечеткости их педагогического значения, что становится условием их терминологического сближения и даже отождествления» [17, с. 24]. А уже к 2013 г. складывается понимание их дифференцирующих признаков: «В образовательном пространстве образовательного учреждения среда выступает как параметр порядка в самоорганизующейся системе. Поэтому мы, вслед за Л. С. Выготским, определяем образовательное пространство как поле активного взаимодействия трех компонентов: школьника, педагога и среды между ними» [18, с. 110].

Активное толкование новых терминов прослеживается не только в научных статьях, но и в глоссариях учебных программ дисциплин, проектов образовательных стандартов и даже программ научных конференций. Подобные глоссарии относятся к случаям «стихийной лексикографии» (термин В. Д. Черняк), особенно тогда, когда автор дефиниции не указывается, и являются не только способом упорядочения новой терминологии, но средством навязывания своих дефиниций, ярким проявлением «власти дискурса» в понимании М. Фуко, Т. ван Дейка.

Безусловно, прагматические компоненты значения не включаются в зону толкования неологизма и в стихийных глоссариях, и в новейших словарях педагогических терминов, поскольку носят интерпретативный характер и сильно зависят от контекста. Контекстный анализ новых обозначений и самообозначений позволил выявить идеологический и оценочный микрокомпоненты прагматического макрокомпонента значений данных лексем.

Идеологический микрокомпонент новых обозначений и самообозначений в педагогическом дискурсе. Новая идеология современного педагога обусловлена новыми установками, транслируемыми реформаторами. Например, В. А. Болотов в «Программе модернизации педагогического образования. 2014–2017» определяет цель работы следующим образом: «Результаты первого этапа программы. Не менее 20 вузов – носителей новых гибких моделей подготовки педагогов, которые могут стать центрами распространения новой идеологии и технологии. Они создадут ассоциацию педагогического образования»⁹.

Очевидно, что новая лексика в педагогическом дискурсе маркирует «новую идентичность» педагога, его новые ценности и идеалы. Контексты, представленные ниже, не только описывают денотативные компоненты значений новых слов, но и регламентирует правило их употребления: *используй данное слово, если ты являешься носителем новой идеологии*. Так, мы видим, что слово «коуч» отражает новую идею, передает идеальный образ новой педагогики, к которому нужно стремиться (фрагмент 1), слово «тьютор» содержит в

своем значении прагматические микрокомпоненты «ценности открытого образования» и отношения к «другому, иному» (фрагменты (2), (3)):

(1) Термин «коучинг» переводится как *наставничество, ведение*. Смысл данного термина не сводится к тренингу или консультированию. Коуч-преподаватель не дает советов и жестких рекомендаций, он ищет решения профессиональных вопросов совместно с обучающимся. Итогом подобного общения может и должно стать достижение определенной цели, **новых, позитивно сформулированных результатов в жизни и работе обучающегося**. Коуч создает условия для того, чтобы обучающийся сам осознал, что ему надо делать, определил способы, при помощи которых он может достичь цели, самостоятельно выбрал наиболее целесообразный способ действия и сам наметил промежуточные основные этапы достижения цели. Конечно, в реальности подобная **идеальная картина** встречается довольно редко, но как **высшая идея, образ, к которому следует стремиться**, ее стоит рассматривать как вполне жизнеспособную [19].

(2) В настоящий момент в педагогическом сообществе возрастает число педагогов, **разделяющих ценности и принципы открытого образования**. Значительная их часть связывает реализацию потребности в самоактуализации, самореализации через профессиональное развитие путем освоения новой, инновационной педагогической позиции и профессии – профессии «тьютор» [20, с. 28].

(3) Профессия «**тьютор**», педагогическая тьюторская позиция **принципиально**

⁹ Болотов В. А. Программа модернизации педагогического образования. 2014–2017 [Электронный ресурс]. URL:

<http://xn80aaacgdfiaexjhz1dhebdg0bs2m.xnp1ai/documents/show/14>

отличается от профессии, позиции учителя-предметника, психолога, социального педагога и классного руководителя. Для сравнения мы взяли именно эти четыре профессии и их профессиональные позиции как наиболее распространенные и чаще всего сравниваемые с профессией «тьютор» [20, с. 28].

Пример (3) позволяет расширить описанную ранее интегральную бинарную сему «свой – чужой» как элемента прагматики слова [12] до тринарной системы «свой – чужой – другой, иной». И если чаще всего компонент «чужой» сопровождается негативной оценкой, то в случае попадания слов типа *тьютор* в педагогический дискурс компонент «чужой» замещается компонентом «другой, иной», что облегчает приписывание положительной оценки.

Оценочный микрокомпонент новых обозначений и самообозначений в педагогическом дискурсе. Как известно, профессия педагога, учителя не является престижной в современной России, отмечается «низкий социальный престиж профессии педагога, снижающий привлекательность педагогических программ для лучших выпускников системы общего образования» [21, с. 49]. Активное внедрение новой лексики в контекстах, где происходит приписывание позитивных оценок субъектам педагогики и их технологиям, может частично решить проблему непрестижности профессии.

Например, фрагменты (4), (5) демонстрируют позитивные коннотации лексем *коуч-подхода*, *коучинга*, которые обозначают новый вид профессиональной деятельности за счет помещения в ближайший контекст слов с

позитивной семантикой в денотате лексического значения (*эффективность*, *успешно* и под.):

(4) *Повысить эффективность обучения в области управления интеллектуальной собственности можно путем применения коуч-подхода [22].*

(5) *Технологии коучинга создают для клиента своеобразные ценностные фильтры и реализуют модель «цель – ценность – процесс – ресурс – результат», чтобы не только сформулировать, выбрать цели, но успешно пройти всю цепочку от цели до достижения желаемого результата [23, с. 75].*

Другим способом наделения позитивной оценкой является помещение лексем в контекст стилистически окрашенных единиц языка (как в (6)) или в соседстве со словами *актуальный*, *современный*, *необходимый* и под. (7):

(6) *Тьюторская деятельность в высшей школе является осуществлением гуманистической направленности образования, **претворением в жизнь**¹⁰ индивидуально ориентированного и компетентностного подходов в обучении [24, с. 14].*

(7) *Импульсом к становлению и развитию коучинга как вида профессиональной деятельности стал ряд социокультурных потребностей и запросов **современного общества** [25, с. 7].*

Подведем итоги. Современный педагогический дискурс характеризуется активным использованием новых обозначений и самообозначений образовательного процесса, а именно: новых названий учителя, педагога или ведущего занятия (встречу); новых назва-

¹⁰ **Претворять в жизнь.** Книжн., высок. Осуществлять (Фразеологический словарь русского

литературного языка: в 2 т. / сост. А. И. Фёдоров. Новосибирск: «Наука», Сибирская издательская фирма РАН, 1995. Т. 2. С. 141).

ний видов или способов занятий; нетранслитерированных наименований; слов, образованных путем сложения элементов (композигов); метафорических преобразований и расширением лексической сочетаемости. Многие из данных неологизмов не получили ни однозначного понимания, ни единодушного принятия в педагогической среде. «Стихийная лексикография» терминологии в учебных программах, программах научных конференций является ярким примером «власти дискурса».

Семантический анализ новых терминов подтверждает теорию колонизации дискурса рыночных отношений в педагогический дискурс. В структуре прагматического макрокомпонента значения данных лексем выявлены идеологический (*маркирование новых идей, передача идеального образа новой педагогики и др.*) и оценочный (*позитивная оценка, престижность новых педагогических профессий и технологий*) микрокомпоненты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кожемякин Е. А.** Образовательно-педагогический дискурс // Современный дискурс-анализ. – 2010. – Вып. 2, Т. 1. – С. 27–46.
2. **Слободчиков В. И.** Антропология образования – как предчувствие смысла // Наука и школа. – 2015. – № 6. – С. 138–142.
3. **Добренькова Е. В.** Социальная морфология образовательного дискурса: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Ростов-н/Д, 2007. – 52 с.
4. **Fairclough N.** Technologization of discourse // C. R. Caldas Coulthard and M. Coulthard (Eds), Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. – London: Routledge, 1996. – P. 71–83.
5. **Bernstein B.** Pedagogy, Symbolic Control and Identity: Theory, Research, Critique (Revised Edition). – Oxford: Rowman & Littlefield, 2000. – 232 p.
6. **Макеева С. О.** Коммерциализация педагогического дискурса: обзор англоязычных публикаций последних лет // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 10. – С. 209–213.
7. **Телия В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
8. **Апресян Ю. Д.** Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: ИЯ АН СССР, 1987. – С. 3–22.
9. **Склярская Г. Н.** К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1997. – С. 6–13.
10. **Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.** Способы лексикографирования прагматической информации в двуязычных словарях // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 6 (32). – С. 51–59.
11. **Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.** Деидеологизация словарного описания религиозного слова в русской лексикографической традиции // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14, № 2. – С. 61–67.
12. **Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.** Язык городского пространства: словарь, карта, текст. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 240 с.
13. **Глухих П. Л.** Информационные компетенции для студентов-педагогов: ответ на новые запросы // Вестник педагогических инноваций. – 2015. – № 3 (39). – С. 85–90.

14. **Лаврентьева О. А.** Воспитательный потенциал тьюторского сопровождения магистрантов // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 6. – С. 171–174.
15. **Козырев В. А., Черняк В. Д.** Заимствованное слово в восприятии молодежи // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, № 9. – С. 78–82.
16. **Голованова Е. И.** Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Ин-т яз. им. В. В. Виноградова РАН. – 2-е изд. – М.: Эллис, 2008. – 304 с.
17. **Роботова А. С.** Современный педагогический дискурс // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2008. – № 12. – С. 19–25.
18. **Кривых С. В.** Соотношение понятий «среда» и «пространство» в социокультурном и образовательном аспектах // Мир науки, культуры, образования. – 2000. – № 2 (27). – С. 106–111.
19. **Сушко Н. Г., Чолак А. П.** Этико-психологические аспекты современного вузовского преподавания // Ученые заметки ТОГУ. – 2014. – Т. 5, № 1. – С. 155–156.
20. **Ковалева Т. М., Кобыща Е. И., Попова С. Ю., Теров А. А., Чередилина М. Ю.** Профессия «тьютор». – М.-Тверь: «СФК-офис». 246 с.
21. **Марголис А. А.** Проблемы и перспективы развития педагогического образования в РФ // Психологическая наука и образование. – 2014. – Т. 19, № 3. – С. 41–57.
22. **Тиманюк В. Н.** Пути повышения результативности профессиональной подготовки специалистов в области управления интеллектуальной собственности // Проблеми інженерно-педагогічної освіти. – 2014. – № 44. – С. 60–67.
23. **Гаврилюк Г. В.** Подготовка и повышение компетенций кадров с использованием технологий и структур коучинга // Новые технологии. – 2010. – № 4. – С. 75.
24. **Гончарова Е. В., Шевченко Т. С.** Сопровождение индивидуальной образовательной траектории обучения студентов // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 14.
25. **Кларин М.** Профессиональный стандарт «Коуч»: развитие коучинга как профессии // Организационная психология. – 2014. – Т. 4, №1. – С. 7.

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.11)

Lappo Marina Aleksandrovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID iD [0000-0002-4335-5181](https://orcid.org/0000-0002-4335-5181)

E-mail: lama2046@yandex.ru

PRAGMATICS OF NEW NOMINATIONS AND SELF-NOMINATIONS IN MODERN PEDAGOGICAL DISCOURSE

Abstract

The article describes recent trends of lexical transformations in the texts of modern teachers, namely, the emergence of various kinds of neologisms: new names for teacher or mentor; new names for kinds and methods of teaching; transliteration names; composites; metaphorical transformations and extensions of lexical compatibility. The reasons for the introduction of foreign language vocabulary into the pedagogical discourse are under analysis. For example, the author confirms the widely discussed fact of intervention of market discourse into Russian-speaking educational discourse. Foreign discourses yield similar examples. There is a phenomenon of "spontaneous lexicography" in the types of texts that previously had not been used for that aim (in curricula and programs of scientific conferences). Newspeak and defining of neologisms without indication of the author are presented as tools of the "power of discourse" in the understanding of M. Foucault, T. van Dijk.

The author develops the ideas of the integrated theory of lexical meaning and a number of studies on the structure of the pragmatic macrocomponent (Yu. D. Apresyan, G. N. Sklyarevskaya, V. N. Teliya, E. Yu. Bulygina, T. A. Tripolskaya, etc.). The author applies the techniques of contextual analysis on the material of neologisms in contemporary pedagogical discourse. It allows establishing the structure of the pragmatic component. It is proved that the ideological and evaluative components of the macrocomponent are integrated in the semantic structure of neologisms. In its turn, the ideological microcomponent includes components of labelling new ideas, the transmission of an ideal image of the new pedagogy and the idea of the "the other" in it. The evaluative component includes a positive assessment, the growing prestige of new teaching professions and technologies.

Keywords

Pedagogical discourse, loanword, semantics, structure of meaning, pragmatic macrocomponent of meaning, ideological component of meaning, evaluative connotations, spontaneous lexicography.

REFERENCES

1. Kozhemyakin E. A. Educational-pedagogical discourse. *Modern discourse analysis*. 2010, Issue 2, vol. 1, pp. 27–46. (In Russian)
2. Slobodchikov V. I. Anthropology of education – as a premonition of sense. *Science and School*. 2015, no. 6, pp. 138–142. (In Russian)
3. Dobren'kova E. V. *The social morphology of the educational discourse: theoretical and methodological analysis*. Rostov-na-Donu, 2007, 52 p. (In Russian)

4. Fairclough N. Technologization of discourse. *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. (Eds) C. R. Caldas Coulthard and M. Coulthard. London, Routledge Publ., 1996, pp. 71–83.
5. Bernstein B. *Pedagogy, Symbolic Control and Identity: Theory, Research, Critique*. Revised Edition. Oxford, Rowman & Littlefield Publ., 2000, 232 p.
6. Makeeva S. O. Commercialization of educational discourse: coverage of recent publications Pedagogical. *Education in Russia*. 2014, no. 10, pp. 209–213. (In Russian)
7. Teliya V. N. *Connotative aspect of semantics of nominative units*. Moscow, Nauka Publ., 1986, 141 p. (In Russian)
8. Apresyan Yu. D. Pragmatic information for explanatory dictionary. *Pragmatics and problems in-tensionality*. (Ed.) N. D. Arutyunova. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1987, pp. 3–22. (In Russian)
9. Sklyarevskaya G. N. On the question of pragmatic information in the Dictionary: are pragmatic litters? *Linguistic pragmatics in the dictionary*. St. Petersburg, Institute of Linguistic Studies Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 6–13. (In Russian)
10. Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. Ways of lexicographic registration of pragmatic information in bilingual dictionaries. *Tomsk State University Journal. Philology*. 2014, no. 6 (32), pp. 51–59. (In Russian)
11. Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. "De-ideoloization" of dictionary entries of religious words in traditional and modern russian lexicography. *Vestnik Novosibirsk State University, Series "History and Philology"*. 2015, vol. 14, no. 2, pp. 61–67. (In Russian)
12. Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. *The language of urban space: dictionary, map, text*. Moscow, School "Languages of Russian culture" Publ., 2015, 240 p. (In Russian)
13. Glukhikh P. L. Information competencies for students and educators: a reply to new re-quests. *Journal of pedagogical innovations*, 2015, no. 3 (39), pp. 85–90. (In Russian)
14. Lavrentieva O. A. The educationsl potential teachers of undegraduates. *Siberian pedagogical journal*. 2013, no. 6, pp. 171–174 (In Russian)
15. Kozyrev V. A., Chernyak V. D. Loan word as perceived by youth. *Vestnik Novosibirsk State University, Series "History and Philology"*. 2012, vol. 11, no. 9, pp. 78–82. (In Russian)
16. Golovanova E. I. *Category of a professional individual: Formation. Development. Status in the language*. Moscow, Institute of Russian language V. V. Vinogradov Russian Academy of Sciences Publ., 2008, 304 p. (In Russian)
17. Robotova A. S. Modern pedagogical discourse. *Universum: Bulletin of Herzen University*. 2008, no. 12, pp. 19–25. (In Russian)
18. Krivyh S. V. The correlation of the notions "environment" and "space" in the sociocultural and educational perspectives. *The world of science, culture and education*. 2000, no. 2 (27), pp. 106–111. (In Russian)
19. Sushko N. G., Colak, A. P. Ethic and psychological aspects of University teaching. *Scientific Notes of University*. 2014, vol. 5, no. 1, pp. 155–156. (In Russian)
20. Kovaleva T. M., Kobysheva Y. S., Popova S. Y., Terov A. A., Cheredilina N. Y. *Profession "tutor"*. M.-Tver, SFK-office Publ., 246 p. (In Russian)
21. Margolis A. A. Problems and Prospects of the Development of Pedagogical Education in the Russian Federation. *Psychological Science and Education*. 2014, vol. 19, no. 3, pp. 41–57. (In Russian)

22. Timanyuk V. N. Ways of increase of efficiency of professional training of specialists in the field of intellectual property management. *Problems of engineering-pedagogical education*. 2014, no. 44, pp. 60–67. (In Russian)
23. Gavriyuk V. G. Training and competence of personnel using the technologies and structures of coaching *New technologies*. 2010, no. 4, p. 75. (In Russian)
24. Goncharova E. V., Shevchenko T. S. Support of individual educational trajectory of training of students. *Bulletin of the Nizhnevartovsk State University*. 2012, no. 2, p. 14. (In Russian)
25. Klarin M. Professional standard "Coach": development of coaching as a profession. *Organizational psychology*. 2014, vol. 4, no. 1, p.7. (In Russian)

© Н. М. Морозова, А. А. Чернобров

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.12)

УДК 811.111'373 + 811.161.1'373 + 008

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МУЗЫКАЛЬНОГО ДИСКУРСА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Н. М. Морозова (Павлодар, Республика Казахстан),
А. А. Чернобров (Новосибирск, Россия)

Современный музыкальный дискурс (как и другие виды специального дискурса) существует в трех видах – профессиональном, профанном и смешанном. Последний тип является преобладающим. Показаны различия профессионального и профанного дискурса. Наблюдается некоторое стилистическое снижение дискурса музыкантов-профессионалов. В статье рассмотрены основные типы музыкальных терминов в русском и английском языках: узкоспециальные интернациональные (*sforzando*, *тони́ка* etc) и «слова двойного применения» (*ключ*, *root*, *third*). Сравниваются определения терминов из многочисленных русских и английских общелингвистических словарей. Приводятся примеры разных типов музыкального дискурса в сети Интернет, затрагиваются его основные стилистические черты. Делаются выводы о снижении роли терминов в музыкальных текстах, низком уровне фоновых музыкальных знаний и возрастании доли стилистически сниженной лексики в текстах.

В музыкальном дискурсе мы встречаемся с двумя языками: терминологическим и образно-метафорическим. Существует две тенденции в употреблении музыкальных терминов в социуме. Одна из них – большая частотность употребления некоторого количества терминов в СМИ. Другая, более сильная тенденция – вымывание терминологии из массового дискурса, прагматическая адаптация текста к читателю. Преобладающие типы дискурса – полупрофанный или профанный. Выражаясь простым языком, мы наблюдаем парадокс – музыку любят почти все, но почти никто в ней не разбирается. Сеть Интернет не повысила уровень систематических музыкальных знаний, так же как не повысила уровень знаний английского языка. Интернет-английский, как и музыкальный дискурс сети Интернет вырождается в жаргон.

Ключевые слова: текстология; лексикография; музыкальный термин; дискурс, фоновые знания; линвокультурология; психолингвистика.

Морозова Надежда Маратовна – преподаватель кафедры иностранной филологии и переводческого дела, Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова (Республика Казахстан).

E-mail: nadezhdamorozova@mail.ru.

Чернобров Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: chern@online.sinor.ru

Дискурс-анализ остается популярной темой российских [6] и зарубежных [13–18] исследований. Литература по собственно музыкальному дискурсу составляет очень небольшую часть в общей массе публикаций [1–5, 9–11, 15–18]. О специфике музыкальных способностей и музыкального восприятия см. работы Д. К. Кирнарской [7–8].

Говоря о языке музыкальной рецензии и смежных жанров, исследователи отмечают их особенности. Рецензию отличает особый словарь (терминологическая и оценочная лексика) и особая структура текста. Организацию языковых средств в рецензии определяют ее главные функции – информирующая и оценочная. Использование языковых средств объясняется во многом их прагматическими возможностями с точки зрения эффективного воздействия на аудиторию. Благодаря взаимодействию информативной и убеждающей функций рецензии свойственна экспрессия, поиски новых, необычных, выразительных средств.

В музыкальном дискурсе мы встречаемся с двумя языками: терминологическим и образно-метафорическим. Каждый из двух кодов имеет свои недостатки. Если стараться описывать музыку обыденным или метафорическим языком, мы получим поток крайне субъективных эмоций. Если же говорить о музыке профессиональным языком, такое описание покажется неподготовленному читателю слишком сложным, сухим и непонятным. Даже профессионалы, и особенно музыкальные критики, не всегда пользуются специальной терминологией и часто прибегают к образно-метафорическому языку, хотя профессиональный язык точнее и определеннее. В рецензии редко явно формулируются критерии

оценки и система требований к произведению, однако профессионал не может ограничиваться суждениями личного вкуса. Специалисты утверждают, что главным признаком профессиональной рецензии является систематический анализ произведения. Проведенный нами анализ музыкально-критических текстов позволяет выделить два основных аспекта анализа: «технический» и семиотический, при этом в техническом анализе используется терминологический язык, в семиотическом – образный. Поясним нашу мысль фрагментом анализа одного произведения – Восьмой «Патетической» фортепианной сонаты Бетховена:

Судьба и человек. Громовой аккордовый удар Судьбы (форте) обрушивается на человека. Человек (пиано) отвечает как герой: неторопливо, в "героическом" пунктирном ритме, в четном маршевом размере С, ... с опорой на оперный "драматический" аккорд, "аккорд ужаса" – уменьшенный вводный септаккорд, фразу заканчивает нисходящая малосекундовая интонация вздоха, стоны¹.

В данном фрагменте мы видим яркий пример смешения двух языков – терминологического и образного. «Героический тактовый размер», «ужасный уменьшенный септаккорд», «нисходящая малая секунда – вздох, стон». Каждый композиторский прием здесь обозначает образ или эмоцию. При этом показано, как «делается» при помощи музыки тот или иной образ или эмоция. Однако искусствоведы не без оснований считают, что музыка не столь однозначна в выражении эмоций и изображении конкретных образов. Чувства и ассоциации слушателя часто могут не совпасть с разбором критика или даже с замыслом автора.

¹ Бетховен. Патетическая соната, до минор, № 8. Разбор. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lafamire.ru/index.php?catid=52:2010-10-17-14-53-23&id=1616:->

8-&Itemid=98&option=com_content&view=article
(дата обращения 05.02.2016).

Современный музыкальный дискурс (как и другие виды специального дискурса) существует в трех видах – профессиональном, профанном и смешанном. Смешанный дискурс – это либо адаптированный для широкой публики, упрощенный профессиональный дискурс, либо «любительские», «псевдопрофессиональные» аналитические тексты о музыке, которыми изобилует сеть Интернет.

Перейдем непосредственно к классификации терминологической лексики.

К **первому** типу относятся *узкоспециальные* термины, т. е. слово или сочетание слов, являющееся общепринятым в профессиональной музыкальной среде. Этот термин однозначен, эмоционально и стилистически нейтрален и известен, как правило, только музыкантам-профессионалам.

Ко **второму** типу относятся слова, где первичным является обыденное значение, а вторичным – специализированное, терминологическое.

К **третьему** типу терминов мы относим слова с противоположной семантической структурой, где первичное терминологическое значение дополнено расширенным нетерминологическим значением. Возможен вариант, когда термин из другой гуманитарной дисциплины или точной науки приобретает добавочное музыкально-терминологическое значение.

С одной стороны, происходит некоторое расширение употребления музыкальной терминологии. Этому передвижению способствует ряд объективных факторов. Современные средства массовой информации – печать, радио, телевидение, развитие сети Интернет – все это способствовало выходу целого ряда музыкальных терминов за пределы узкоспециального обращения. Однако следует подчеркнуть, что при переходе в разряд широкоупо-

ребительной лексики, термины нередко меняют семантическую структуру, иногда их значение и вовсе искажается. Расширение сферы музыкального дискурса приводит к снижению его общего уровня.

Поскольку объем данной статьи не позволяет проанализировать все музыкальные термины, выбранные нами в музыкальных рецензиях и текстах смежных жанров (общее количество текстов составляет несколько сот единиц), мы ограничимся тем, что, систематизируя термины по различным критериям, приведем лишь минимально необходимое количество примеров. Оговоримся заранее, что жанровая принадлежность исследуемых текстов разнообразна: теоретические монографии, энциклопедические статьи, рецензии, аналитические обзоры, отзывы слушателей, рекламные тексты. Но во всех случаях центром нашего внимания оставалось слово, музыкальный термин.

Итак, *первый критерий* классификации лексики, о котором мы упомянули выше – это сфера употребления слова от узкоспециальной до общеязыковой. Он переплетается со вторым критерием – тип семантической структуры.

Объектом нашего исследования были преимущественно англоязычные тексты, поэтому следующим критерием классификации должен быть этимологический. В английском языке музыкальные термины делятся на интернациональные и собственно английские. Интернациональные термины почти исключительно итальянского происхождения, французские и немецкие встречаются намного реже. Собственно английские термины – это, как правило, кальки с итальянского или латинского языков (например, обозначения музыкальных интервалов: *third* – *терция*). В некоторых аспектах английская музыкальная тер-

минология отличается от итальянской, например, используются буквенные, а не слоговые обозначения нот: C – *do*, D – *re* и т. д.², английские термины: *sharp* – *диез*, *flat* – *бемоль*, *key* – *тональность*, *brass* – *медные духовые* и т. д.).

Наконец, еще один естественный и важный критерий классификации терминов – тематический.

В группе узкоспециальных терминов можно выделить следующие тематические разряды терминов:

1) указания на темп и характер исполнения (*Sforzando*, *Fortissimo*, *Sostenuto*);

2) названия нот, их длительностей, тональностей, ладов, аккордов, интервалов и т. д. (*third*, *root*);

3) названия музыкальных форм и жанров (*fugue*, *rondeau*);

4) названия музыкальных инструментов (*oboe*, *lute*).

Рассмотрим подробнее каждую из этих четырех тематических подгрупп.

Исследуя какой-либо термин, лингвист всегда должен начинать с определений. Во-первых, интересно сравнить определения и употребления одних и тех же терминов в русском и английском языках. Во-вторых, можно рассмотреть, изменяется ли значение термина в диахронии, используя лексикографические источники разных лет. В-третьих, определения важны в нашей статье потому, что термины могут быть непонятны неспециалисту. При этом подчеркнем, что все словарные статьи взяты из общеязыковых, неспециальных

словарей. После словарной дефиниции из русского и английского словарей мы будем приводить английский текстовый пример с нашим переводом.

Sforzando – *forcing or forced; a direction placed over a note, to signify that it must be executed with peculiar emphasis and force; marked fz (an abbreviation of forzando), sf, sfz, (Webster 1913 Online Dictionary)*³.

Сфорцандо – музыкальный термин, требующий внезапного, моментального, большого усиления звука. Чаще обозначается сокращенно – *Sfz* или знаком >. Это обозначение относится только к одной ноте. *Sforzatopiano*, сокращ. *Sfp*, требует сильного звука, а затем его быстрого ослабления⁴.

Fortissimo – Abbr. *ff* 1) *in a very loud manner. Used chiefly as a direction; 2) a note, chord, or passage played fortissimo. (Italian, superlative of forte, strong)*⁵.

Фортиссимо – (итал. *fortissimo*) (муз.). 1) еще громче и сильнее, чем форте (форте – сильно, громко, в полную силу звука (об исполнении музыкального, вокального произведения); 2) место в музыкальной пьесе, исполняемое с такой звучностью, или само такое исполнение⁶.

Из словарных определений видно, что в русском и английском языках термин используется одинаково, и за последние сто лет его значение не изменилось.

The third movement of the Moonlight Sonata is actually marked piano, but Beethoven's use of sforzandos and fortissimos make the piece

² В «континентальной» системе буквенной нотации (Италия, Германия, Франция, Россия) буква B обозначает звук си-бемоль, в англоязычной системе – звук си. Континентальным обозначением вида Cес-moll (до-диез минор) соответствует английское C sharp minor, C# minor или C#m.

³ Webster's 1913 Dictionary. URL: <http://www.webster-dictionary.org/definition/Sforzando> (дата обращения 05.02.2016).

⁴ Энциклопедический Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения 05.02.2016).

⁵ Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus – The Free Dictionary. URL: <http://www.thefreedictionary.com/allegretto> (дата обращения 05.02.2016).

⁶ Толковый словарь Д. Н. Ушакова онлайн. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=82840> (дата обращения 05.02.2016).

actually sound as if the overall dynamic was fortissimo.⁷ (Третья часть «Лунной сонаты» формально обозначена как piano, но постоянное использование Бетховеном **sforzando** и **fortissimo** создает впечатление, что **fortissimo** преобладает во всей третьей части).

Rondo – 1) an instrumental composition typically with a refrain recurring four times in the tonic and with three couplets in contrasting keys; 2) the musical form of a rondo used especially for a movement in a concerto or sonata⁸.

Рондо (от фр. rondeau – «круг», «движение по кругу») – музыкальная форма, в которой неоднократно (не менее трёх) проведения главной темы (рефрена) чередуются с отличающимися друг от друга эпизодами. Является наиболее распространённой музыкальной формой с рефреном⁹.

Prog rock's ...harmonies stray from twelve bar blues, ...to large scale harmonic structures like sonata and rondo form (Progressive Rock :An annotated bibliography and research guide. Compiled by Curtis N. Smith)¹⁰. (Гармонии прогрессивного рока далеко уходят от 12-тактового блюза ... в направлении больших гармонических структур, таких как сонатная форма или рондо).

В отдельную подгруппу терминов следует выделить названия музыкальных инструментов. Данную группу можно разделить на две категории.

В первую категорию следует отнести те музыкальные инструменты, которые известны всем, такие как скрипка, рояль, пианино, баян, аккордеон, бубен, колокольчик, труба, балалайка, арфа; во вторую категорию следует отнести музыкальные инструменты, которые плохо известны или известны только в музыкальной среде: гобой, кларнет, фагот, саксофон, валторна, корнет, флюгельгорн, тромбон, туба, лютня, домбра, тар, цитра. Эти две категории были выделены в результате специального опроса респондентов – студентов Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова (Казахстан).

Oboe – a double-reed woodwind instrument having a conical tube, a brilliant penetrating tone, and a usual range from B flat below middle C upward for over 2 1/2 octaves¹¹.

Гобой – язычковый деревянный духовой музыкальный инструмент сопранового регистра, представляющий собой трубку конической формы с системой клапанов и двойной тростью (язычком)¹².

Oboe Quintet ...is romantic and lyrical, beginning as a rhapsody, developing in a pastoral meander, and closing as an Irish jig of his own invention¹³. (Квинтет для гобоя – романтический и лиричный, начинается как рапсодия, продолжается как замысловатая пастораль и заканчивается как ирландская жига его собственного изобретения).

⁷ Classical Music, Composers, and Operas URL: <http://classicalmusic.about.com/od/onestopbeethoven/a/moon-lightsonata.htm> (дата обращения 05.02.2016).

⁸ Rondo. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/rondo> (дата обращения 05.02.2016).

⁹ Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 05.02.2016).

¹⁰ Progressive Rock. URL: <https://curtisnsmith.files.wordpress.com/2011/11/prog-rock-bibliography-first-10-pages.pdf> (дата обращения 05.02.2016).

¹¹ Dictionary and Thesaurus Merriam-Webster. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/oboe> (дата обращения 05.02.2016).

¹² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907. URL: <https://ru.wikipedia.org/> <http://www.vehi.net/brokgauz/> ↑ Соловьёв Н. Ф. Гобой (дата обращения 05.02.2016).

¹³ Amazon.com Customer Reviews. URL: http://www.amazon.com/Bax-Bliss-Quintets-Britten-Phantasy/dp/B0000265OY/ref=sr_1_1?ie=UTF8&qid=1448004082&sr=8-1&keywords=britten+bliss+oboe#customerReviews (дата обращения 05.02.2016).

Данный пример примечателен тем, что представляет собой фрагмент отзыва покупателя на купленный компакт-диск. Подобные отзывы, не обязательно составленные музыкантами-профессионалами, бывают очень квалифицированными. Это не удивительно, т. к. часто их пишут коллекционеры, имеющие много версий своего любимого произведения. Дилетант в хорошем смысле слова может достичь довольно высокого уровня музыкального анализа.

Второй тип – английские слова с первичным нетерминологическим и вторичным терминологическим значением. Важно заметить, что семантическая структура английских и русских терминов этого типа часто не совпадают. По-английски слово *root* имеет первичное значение *корень*. Это слово употребляется терминологически в ботанике и математике, а также имеет несколько переносных обыденных значений (словарные статьи с заголовком *root* очень обширны во всех словарях, мы не приводим их здесь из экономии места). Одно из значений слова *root* – музыкальный термин *тоники*. В русском языке *тоники* – исключительно специальный термин.

Тоника – первая ступень классико-романтического тонального лада (мажора и минора), его главный устой. Тоникой также называют (для сокращения) тоническое трезвучие такого лада, мажорное (например, ре/фа-диез/ля) или минорное (например, ре/фа/ля). По названию тонической высоты (например, *d*, *re*) определяют название тональности, например, *D-dur* (ре мажор) и *d-moll* (ре минор)¹⁴.

Root – 7. The lowest tone of a chord (as C in a C minor chord) when the tones are arranged in ascending thirds (Merriam-Webster's Collegiate English Dictionary 2003)¹⁵.

The Viennese theory of tonal music has typically treated chordal **roots** as the defining feature of harmony. (Simon Sechter, *Die Grundsätze der musikalischen Komposition*, vol. I, Leipzig, 1853)¹⁶. (В венской теории тональной музыки опора на тонику всегда считалась основой гармонии).

Сходный, однако не идентичный, случай со словами *major* и *мажор*. Приведем лишь небольшую часть словарной статьи *major* по электронному словарю *Lingvo*:

Major – adj. 1) а) более важный, значительный; 2) старший; 3) главный, крупный: *major forces* – главные силы, *major league* – высшая лига; 4) мажорный 5) главный (о посылке в структуре силлогизма) 2. 1) совершеннолетний; noun 2) главная посылка (в силлогизме) 3) мажор, мажорный лад II ['meɪdʒə]/майор (офицерское воинское звание во многих армиях мира).

Мажор – мажор (*majeur* от *major* – больший). 1. Тональность, строй гаммы, характеризующийся такой последовательностью тонов в восходящем порядке: тон, тон, полутон, тон, тон, тон, полутон 2. Бодрое, веселое настроение. *Он сегодня в мажоре*. (Толковый словарь Д. Н. Ушакова. 1935–1940)¹⁷.

Мажор – 1. Обыватель, мещанин, филистер; человек, любящий комфорт и благополучие.

¹⁴ Музыкальная энциклопедия. URL: http://enc-dic.com/enc_music/Tonika-7180/ (дата обращения 05.02.2016).

¹⁵ Webster's English dictionary. URL: <http://slovar-vo-cab.com/english/merriam-websters-vocab/root-7717483.html> (дата обращения 05.02.2016).

¹⁶ Музыкальная энциклопедия. URL: http://enc-dic.com/enc_music/ (дата обращения 05.02.2016).

¹⁷ Толковый словарь Ушакова онлайн. URL: <http://ushakovdictionary.ru> (дата обращения 05.02.2016).

чие. 2. Сын состоятельных родителей, баловень, маменькин сынок. (Словарь русского арго. В. С. Елистратов. 2002).¹⁸

*Justin Timberlake's "Mirrors" is a truly classic example of the gold standard of relative key – minor verse/major chorus. For every major key, there is a minor key which shares an identical key signature – these two are relative keys*¹⁹ (Песня Джастина Тимберлейка «Зеркала» – классический пример использования параллельных тональностей – запев в мажоре, припев в миноре. Для каждой мажорной тональности есть парная минорная тональность с такими же ключевыми знаками. Это параллельные тональности).

Приведенный выше пример из сети Интернет примечателен в нескольких отношениях. Во-первых, здесь присутствует термин с одинаковым значением в русском и английском языках, но разным планом выражения. Англ. *relative keys* (дословно: *относительные ключи*) и русск. *параллельные тональности*. Во-вторых, термин объясняется тут же в тексте. В-третьих, предлагается прослушать фрагмент видеоклипа, иллюстрирующий мысль автора. Пример показывает, что при описании популярной музыки, если автор хочет быть понят широкой аудиторией, даже минимальное употребление терминов лучше сопровождать пояснением и звуковой иллюстрацией. Пример также показывает чрезмерное употребление элативных эпитетов, что свойственно текстам о поп-музыке, имеющим «рекламно-завлекательный» характер.

Почти все рассмотренные нами выше примеры профессионального использования музыкальных терминов касались классической музыки. Для поп- и рок-музыки их употребление требуется гораздо реже, а зачастую авторы сознательно избегают терминологии. Все же поп- и рок-музыка не обходится без нее. Существуют даже некоторые специфические поп- и рок-термины. Их не так много, как в джазе, некоторые заимствованы из джаза (12-тактовый блюз, *ритм-секция*), некоторые оригинальны. Например, *кавер-версия* (*cover version*, от англ. *cover* – покрывать) – музыкальная композиция, ранее известная в исполнении другого музыканта или коллектива²⁰.

Этот термин давно зафиксирован в англоязычной лексикографии (см., например, *Oxford Dictionary of English, 3rd Edition. Oxford University Press 2010* в программе *Lingvo*), но еще не отражен в двуязычных англо-русских словарях.

Cover – 1) крышка, колпак, колпачок; 2) обложка, переплёт; одна сторона обложки; 3) футляр; чехол; 4) конверт, пакет; обёртка; 5) покрывало; одеяло; 6) ширма; предлог, отговорка²¹.

Пример вхождения термина в текст:

*Every sucky band on earth tried a lame cover*²². (Любая д***ая группа записала хотя бы одну п***ую кавер-версию).

Этот пример отражает одну из самых характерных черт современного профанного ин-

¹⁸ Энциклопедия культурологи. URL: http://www.endic.ru/enc_culture/Mazhor-621.html (дата обращения 05.02.2016).

¹⁹ Pop Music Theory. URL: <http://popmusictheory.com/relative-key-in-justin-timberlake-mirrors/> (дата обращения 05.02.2016).

²⁰ Музыкальная энциклопедия. URL: http://enc-dic.com/enc_music/ (дата обращения 05.02.2016).

²¹ Онлайн-словарь ABBYY Lingvo. URL: <http://www.lingvo-online.ru/ru/Translate/ru-en/cover> (дата обращения 05.02.2016).

²² Rolling Stone India. URL: <http://rollingstoneindia.com/50-best-songs-of-the-decade/> (дата обращения 05.02.2016).

тернет-дискурса – сниженный стилистический уровень текста с использованием сленга и даже обсценной лексики.

В третьей категории термины имеют первичное терминологическое значение и вторичное обыденное.

Maestro – 1) *distinguished musician, esp. a conductor of classical music*; 2) *a great or distinguished figure in any sphere*.²³

Мазэстро – 1) почетное именование крупного композитора, музыканта; 2) разг. употр. как обращение к видному представителю других областей искусства; 3) звание, присваиваемое в некоторых странах выдающимся мастерам шахматной и шашечной игры²⁴.

*Guerrero was born in Seville, Spain, and judging by his appointment as **maestro** de capilla (singing master) at Jaen Cathedral at the age of 17, he was quite gifted in music*²⁵. (*Герреро родился в Испании в Севилье и, судя по тому, что он уже в 17 лет получил звание **maestro** de capilla (мастера пения) в соборе города Хаэн, он был очень одаренным музыкантом*).

Бывают случаи, когда в музыкальном дискурсе утверждается терминология из других гуманитарных сфер. Например, в английском языке *ballad* обозначает не только жанр поэзии, но и лирическую песню (особенно в рок- и поп-музыке). В последнее время под влиянием английского языка такое употребле-

ние проникает и в русский язык, но в нормативной русской лексикографии это не отражено.

Ballad – 1) *a poem or song narrating a story in short stanzas. Traditional ballads are typically of unknown authorship, having been passed on orally from one generation to the next*; 2) *a slow sentimental or romantic song*²⁶.

Баллада – 1) жанр лирической поэзии с повествовательным сюжетом на легендарную, историческую, сказочную или бытовую тему; 2) отдельное произведение такого жанра; 3) вокальное или инструментальное произведение повествовательного характера²⁷.

*In the pale **ballad** "Radio Cures", the throaty strum of a guitar and Tweedy's yearning vocal are wrapped in ship-to-shore crackle*²⁸. В бледной балладе "Радио лечит" бренчание гитары и хриплый тоскливый вокал Твиди обернут в звуки, похожие на скрип судна, пришивающегося к берегу.

Данный пример также несет черты, характерные для некоторой части «метафорического» музыкального дискурса: несколько вычурный стиль, прихотливые и необязательные эпитеты и сравнения.

Проведенные нами специальные исследования показали низкий уровень фоновых музыкальных знаний российских и казахских студентов-гуманитариев. Был проведен ассоциативный эксперимент, в котором стиму-

²³ Oxford Dictionaries - Dictionary, Thesaurus, & Grammar. URL: http://www.oxforddictionaries.com/us/definition/american_english/maestro (дата обращения 05.02.2016).

²⁴ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. URL: <http://www.efremova.info/word/maestro.htm> (дата обращения 05.02.2016).

²⁵ Классическая музыка. URL: <http://www.classicalmusic.com/cn/composer/2387/Francisco-Guerrero> (дата обращения 05.02.2016).

²⁶ Oxford Dictionaries - Dictionary, Thesaurus, & Grammar. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/ballad> (дата обращения 05.02.2016).

²⁷ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. URL: <http://moyslovar.ru/slovar/efremova> (дата обращения 05.02.2016).

²⁸ Rolling Stone – Music, Movies, TV, Politics, Country, and Culture. URL: <http://www.rollingstone.com/music/albumreviews/yankee-hotel-foxtrot-20020410> (дата обращения 05.02.2016).

лами служили музыкальные термины. Реакции студентов показали слабые знания или полную неосведомленность в сфере музыкальных терминов. Более подробное описание результатов эксперимента дано в другом нашем исследовании. Приведем лишь два красноречивых примера из ассоциативного эксперимента. На слово-стимул *камерная музыка* наибольшее количество реакций – орган. Данный факт ярко демонстрирует незнание респондентами того, что такое камерная музыка. Орган не входит в инструментальный состав камерных оркестров и ансамблей. Напротив, орган ранее считался исключительно церковным инструментом. Камерная, «комнатная» музыка считалась неуместной в церкви, а церковная – в светской гостиной. На слово-стимул *хор* получено наибольшее число реакций – церковь/церковный. Данная ассоциация ярко демонстрирует, что хоровое пение нехарактерно для современной массовой культуры и ассоциируется с церковным пением. Интересно, что реакций *народный хор* или *самодельный хор* также не зафиксировано. Подобные реакции были бы естественны для советского времени.

Подведем некоторые итоги проведенного анализа англоязычного музыкального интернет-дискурса.

В профессиональном дискурсе преобладает узкоспециальная, терминологическая лексика, в подавляющем большинстве старая,

устоявшаяся терминология итальянского происхождения. Обилие специальной терминологии резко сужает количество адресатов текста, дискурс практически сводится к внутривнутрипрофессиональному. Использование профессионализмов в анализе рок-музыки имеет целью придать этой музыке большую «солидность» и престижность, но в целом загруженность терминами нехарактерна для дискурса популярной музыки.

Вторая крайность музыкального дискурса: профанный, нетерминологический, стилистически сниженный текст. Доля этого «нижнего» пласта дискурса увеличивается, однако преобладающим является полупрофанный, полутерминологический средний слой. Повторим, что существует две тенденции в употреблении музыкальных терминов в социуме. Одна из них – большая частотность употребления некоторого количества терминов в СМИ. Другая, более сильная тенденция – вымывание терминологии из массового дискурса, прагматическая адаптация текста к читателю. Напомним, что преобладающие типы дискурса – полупрофанный или профанный. Выражаясь простым языком, мы наблюдаем парадокс – музыку любят почти все, но почти никто в ней не разбирается. Сеть Интернет не повысила уровень систематических музыкальных знаний, так же как не повысила уровень знаний английского языка. Интернет-английский, как и музыкальный дискурс сети Интернет вырождается в жаргон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешинская Е. В. Теоретико-методологические основы разграничения жанров профессионального дискурса // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 5 (31). – С. 5–23
2. Алешинская Е. В. Современный американский музыкальный термин: лингвистический статус и специфика // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 4. – С. 128–132.
3. Алимуратов О. А., Чурсин О. В. Картины языка музыки. Функционально-семантическая характеристика современной английской музыкальной лексики: когнитивно-фреймовый подход. – М.: КРАСАНД, 2009. – 200 с.

4. **Быховский К. Б.** Музыка в современных социальных дискурсах: Принципы и основные векторы культурологического анализа: дис.... канд. культурологии. – М., 2004. – 170 с.
5. **Жукова Г. К.** Репрезентация национального в европейском музыкальном дискурсе: автореф. дис. ... канд. философ. – Санкт-Петербург, 2011. – 24 с.
6. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. **Кирнарская Д. К.** Музыкальное восприятие. М.: Кимос-Ард, 1997. – 157 с.
8. **Кирнарская Д. К.** Психология специальных способностей. Музыкальные способности – М.: Таланты-XXI век, 2004. – 496 с.
9. **Курышева Т. А.** Музыкальная журналистика и музыкальная критика. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2007. – 295 с.
10. **Милетова Е. В.** Англоязычный искусствоведческий дискурс: природа и лексическое наполнение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4 (22), Ч. II. – С. 114–119.
11. **Мудрян Н. С.** Теоретико-методологические основания исследования дискурса музыки // Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. – 2011. – № 941. – С. 89–92.
12. **Bhatia V. K., Flowerdew J., Jones R. H.** (eds). Advances in discourse studies. – L.; N.Y.: Routledge, 2008. – 273 p.
13. **Dijk van T. A.** Discourse studies: a multidisciplinary introduction. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.discourses.org/UnpublishedArticles/Ideology%20and%20discourse.pdf> (дата обращения 28.09.2015).
14. **Fairclough N.** Analysing discourse: Textual analysis for social research. – L.: Routledge, 2003. – 284 p.
15. **Gunnarsson B.-L.** Professional discourse. – L.; N.Y.: Continuum, 2009. – 284 p.
16. **Kirnarskaya D.** The Natural Musician: on Abilities, Giftedness and Talent. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 476 p.
17. **Machin D.** Analysing popular music: Image, sound, text. – L.: Sage, 2010. – 240 p.
18. **Pavlovová M.** Complex linguistic analysis of musical discourse: The genre of concert notice. – Saarbrücken: LAP, 2013. – 268 p.

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.12)

Morozova Nadezhda Maratovna, Master of Arts, Foreign Philology and Translation Department, S. Toraighyrov Pavlodar State University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan.

ORCID iD [0000-0003-4995-6946](https://orcid.org/0000-0003-4995-6946)

E-mail: nadezhdamorozova@mail.ru

Chernobrov Alexey Alexandrovich, Doctor Philological Sciences, Professor, Foreign Languages Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID iD [0000-0002-3215-0578](https://orcid.org/0000-0002-3215-0578)

E-mail: chern@online.sinor.ru

TEXTOLOGICAL, LEXICOGRAPHIC AND CULTURAL ASPECTS OF MUSICAL DISCOURSE IN THE INTERNET

Abstract

Musical discourse, as most of other genres of discourse, exists in three forms i. e. professional, laymen's and mixed types. The analysis shows the difference between professional and laymen's types of musical discourse. The laymen's discourse is predominating in the Internet. Another observation is deterioration of professional musical language among the younger generation. The authors consider the main types of musical terms – professional international ones as sforzando and terms derived from common words as root, key or third. Russian and English dictionary definitions of the terms are compared. The use of musical terms is illustrated by vivid examples. The general tendency is strong adaptation of musical texts to common readers and mass audiences with minimal use of terminology.

There are two tendencies in use of musical terms in society. One of them is higher frequency of a limited group of most popular used in mass media. The other trend is gradual washing away of terminology from mass media discourse, pragmatical adaptation of the text to the reader. Prevailing types of discourse are semi-professional and laymen's types of language. Putting it in simple words, we observe a paradox – nearly everyone likes music, but nearly no one understands it properly. The Internet has not raised the level of regular musical knowledge, as has not raised level of knowledge of the English language. Internet English, as well as the musical Internet discourse is degenerating into a pigeon.

Keywords

Musical terms; musical discourse; verbal associations; dictionary definitions; professional knowledge; background knowledge; psycholinguistics.

REFERENCES

1. Aleshinskaya Ye. V. The theoretical and methodological basis of differentiating between genres of professional discourse. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2014, no. 5 (31), pp. 5–23
2. Aleshinskaya Ye. V. Modern American Musical Terms – Linguistic Status and Specificity. *Chuvash State University Journal*. 2007, no. 4, pp. 128–132
3. Alimuradov O. A., Chursin O. V. *Pictures of Music Language*. Moscow, Krasand Publ., 2009, 200 p.
4. Bykhovskiy K. B. *Music in Modern Social Discourse*. Moscow, 2004, 170 p.
5. Zhukova G. K. *Representation of Nationality in Western European Musical Discourse*. St Petersburg, 2011, 24 p.

6. Karasik V. I. *The Language Circle. Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd, Peremena Publ., 2002, 477 p.
7. Kirnarskaya D. *Musical Perception*. Moscow, Kimos-Ard Publ., 1997, 157 p.
8. Kirnarskaya D. *Psychology of Special Abilities: Musical Abilities*. Moscow, Talanty-XXI vek Publ., 2004, 496 p.
9. Kuryshcheva T. A. *Musical Journalism and Musical Criticism*. Moscow, Vlados-Press Publ., 2007, 295 p.
10. Miletova E. V. English-Language Art Critical Discourse: Nature And Lexical Content. *Philology. Theory and practice*. 2013, no. 4 (22), part II, pp. 114–119.
11. Mudryan N. S. Theoretical and methodological bases of music discourse research. *V. N. Karazin Kharkiv National University Bulletin*. 2011, no. 941, pp. 89–92.
12. Bhatia V. K., Flowerdew J., Jones R. H. (eds). *Advances in discourse studies*. London, New York, Routledge Publ., 2008, 273 p.
13. . Dijk van T. A. *Discourse studies: a multidisciplinary introduction*. Available at: <http://www.discourses.org/UnpublishedArticles/Ideology%20and%20discourse.pdf>. (accessed 28.09.2015)
14. Fairclough N. *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. London, Routledge Publ., 2003, 284 p.
15. Gunnarsson B.-L. *Professional discourse*. London, New York, Continuum Publ., 2009, 284 p.
16. Kirnarskaya D. *The Natural Musician: on Abilities, Giftedness and Talent*. Oxford, UK, Oxford University Press Publ., 2009, 476 p.
17. Machin D. *Analysing popular music: Image, sound, text*. London, Sage Publ., 2010, 240 p.
18. Pavlovová M. *Complex linguistic analysis of musical discourse: The genre of concert notice*. Saarbrücken, LAP Publ., 2013, 268 p.

© А. В. Курьянович

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.13)

УДК 81.38/42

ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОСТЬ ЖАНРА В ЗЕРКАЛЕ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ (ИЗ ОПЫТА АНАЛИЗА *ONLINE*-ПЕТИЦИЙ КАК ОСОБОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ)

А. В. Курьянович (Томск, Россия)

В статье речь идет о полипарадигмальном подходе в современных лингвистических исследованиях как комплексно-системном методологическом принципе, предполагающем использование последних достижений различных наук о языке с целью количественно-качественного «приращения» проблемного поля исследования и получения более обоснованных его результатов. Цель статьи – проанализировать полипарадигмальный потенциал эпистолярного жанра, активно востребованного в пространстве современной межличностной и социальной коммуникации. Материалом исследования служат online-петиции – речевые послания, адресованные представителям региональной и государственной власти, представляющие разновидность электронно-эпистолярных текстов социальной направленности. Online-петиции – уникальная эмпирическая текстовая база, которая позволяет осуществлять гуманитарные исследования разного профиля: с позиций современной медиалингвистики, семиотики, теорий массовой коммуникации, речевого воздействия и языковой личности, в аспекте дискурсивных, жанроведческих и стилистических изысканий, в рамках психо-, социо- и прагмалингвистики, риторики и культуры речи. Полипарадигмальность эпистолярного жанра осмысливается в онтологическом и гносеологическом аспектах. В первом случае эпистолярный жанр оценивается с точки зрения проявления своей онтологической жанровой сущности, состоящей в объединении таких свойств, как полидискурсивность, поли- и полнофункциональность, поликодовость, клишированность, воспроизводимость текстовой модели. Гносеологический подход предполагает существование определенной методологической установки, делающей целесообразным рассмотрение данного синкретичного жанра адекватным – комплексным – способом. В заключение делается вывод об эффективности применения в современных лингвистических исследованиях полипарадигмального подхода, основанного на комплексном анализе того или иного языкового факта в ракурсе идей, актуальных для разных научных направлений и школ, с привлечением различных методов и приемов исследования.

Ключевые слова: жанр, эпистолярный, полипарадигмальный подход, массмедийная коммуникация, электронный эпистолярный текст, *online*-петиция.

*Работа подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00216.

Курьянович Анна Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку и литературе, историко-филологический факультет, Томский государственный педагогический университет.

E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

В историографии и философии науки сложилось несколько подходов к осмыслению динамики научной мысли. Наиболее известными являются эпистемологическая теория М. Фуко [1], гипотеза о существовании этапов науки в виде определенных стилей мышления М. Борна [2], концепция научно-исследовательских программ И. Лакатоса [19], наконец, определение в качестве ключевого для развития науки понятия «научной парадигмы» Т. Куна [3]. Последний из подходов оказался для лингвистики наиболее продуктивным. С момента выхода в свет «Структуры научных революций» первоначальное толкование научной парадигмы как «признанных всеми научных достижений, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [3, с. 11] трансформировалось. Сегодня, «говоря о парадигме в лингвистике, следует признать, что большинство ученых-лингвистов понимают ее как *метод, подход или модель постановки проблемы и ее решения* <...> А поскольку в лингвистическом сообществе в силу сложности объекта исследования решить все проблемы с помощью какого-то одного метода или подхода весьма сложно, то и сама *лингвистика* по определению *полипарадигмальна*» [4, с. 146].

Дифференцируя теоретическое и методологическое толкование термина «парадигма», некоторые ученые оперируют понятием «дисциплинарная матрица», соотнося его с определенной моделью постановки проблем и их решений, т. е. методологическими принципами [5–10; 18; 20].

Гносеологическое значение ключевого термина должно основываться на понимании онтологической сущности самого объекта – языка – как сложного феномена, интерпретировать который однозначно не представляется

возможным. В связи с этим по мнению большинства авторитетных зарубежных и отечественных ученых (см., например, работы Н. Ф. Алефиренко, П. Бурдые, Г. Вагнера, В. З. Демьянков, Е. С. Кубряковой, В. А. Масловой, Г. П. Мельникова, Г. Риккерта, Ю. С. Степанова, М. Дж. Тагаева, В. Н. Телия, Т. Н. Хомутовой и др.). Можно утверждать, что в современном изучении языка доминирует *полипарадигмальный* подход, «методологический плюрализм» [11], предполагающий интегративный и междисциплинарный способ решения комплекса вопросов, связанных с изучением «изменчивого образа языка» [12]. Использование при анализе языковых фактов различных методологических принципов, дополняющих друг друга, целесообразно при системном и комплексном рассмотрении языка как средства коммуникации, репрезентации когниции, познания, воздействия, кода цивилизации и культуры. В результате наблюдается многоаспектное, разноректорное «приращение» проблемного поля исследования, открывающее значительные перспективы для научного поиска.

«Полипарадигмальный подход предполагает не системность исследовательских парадигм, а согласованность результатов, получаемых с помощью различных парадигм. Единство исследовательских парадигм в полипарадигмальном подходе понимается нами не в смысле гегелевской логики тождества (“принцип диалектического отрицания”), а как “единство многообразия” (Г. Риккерт). Иначе говоря, различные парадигмы находятся в полипарадигмальном подходе не в антитетическом отношении (“либо-либо”), а в гетеротетическом (“как-так и”)» [13, с. 14].

В аспекте парадигмальности весьма перспективными являются *жанроведческие* исследования (М. М. Бахтин, В. В. Дементьев,

К. А. Долинин, В. А. Салимовский, К. Ф. Седов, М. Ю. Федосюк, Т. В. Шмелева и др.), в частности, многоаспектное изучение *эпистолярных текстов* (Н. И. Белунова, Н. Ю. Бусоргина, Н. А. Ковалева, Л. В. Нижникова, Е. В. Полякова и др.).

В русле предложенной нами концепции **эпистолярный** осмысливается в качестве **комплексной, универсальной жанровой формы**, репрезентированной в дискурсах разных типов благодаря свойствам **клишированности, воспроизводимости, поли- и полнофункциональности, поликодовости** [14]. Именно полидискурсивный характер эпистолярия, составляющий его онтологическую сущность, определяет как его востребованность в различных сферах межличностной и социальной коммуникации в синхронии и диахронии, так и позволяет размышлять о специфике эпистолярного жанра в полипарадигмальном измерении.

Полипарадигмальность эпистолярия исследуется в двух аспектах:

1) *онтологическом* (как свойство данного жанра и проявление его онтологической сущности, рассматриваемое в контексте других характеристик: полидискурсивности, поли- и полнофункциональности, поликодовости, клишированности, воспроизводимости текстовой модели);

2) *гносеологическом* (с точки зрения методологической установки, предполагающей анализ данного комплексного жанра адекватным – комплексным – способом).

Эпистолярный квалифицируется исследователями и как материал, и как самостоятельный объект междисциплинарных исследований в области гуманитарных наук в целом и

лингвистики, в частности. В качестве примера, демонстрирующего обоснованность и целесообразность применения полипарадигмального подхода в жанроведении, рассмотрим тексты *online-петиций*, принадлежащие *электронной массмедийной коммуникации*, осуществляемой посредством передачи информации в цифровом виде (А. Б. Бушуев, Т. Г. Добросклонская, Л. Р. Дускаева, В. И. Карасик, В. Б. Кашкин и др.). По верному замечанию М. Маклюэна, электронные средства связи формируют «галактику коммуникаций», пришедшую на смену эпохе письменности (эпохе Гуттенберга) [15].

Online-петиция (от лат. *petition* – «ходатайство, обращение, прошение») – разновидность электронного эпистолярного текста (подробнее о данной разновидности текстов см.: [16]), получившая широкое распространение в сфере современной массмедийной коммуникации благодаря доступности создания и распространения в Сети, оперативности и эффективности в достижении результата, экономии усилий, времени и материальных затрат. Так, разработчики «глобальной открытой платформы» *Change.org* констатируют, что услугами их *online*-сервиса уже воспользовались «свыше 100 миллионов человек из 196 стран»¹. Свою роль в популяризации жанра электронных петиций, проявляющейся в расширении сети соответствующих *online*-сервисов, играет, на наш взгляд, характерный для сознания части граждан современного российского общества деятельностный подход к познанию мироустройства, который можно расценивать как проявление общественной инициативы и активной гражданской позиции.

¹ Online-сервис для составления и продвижения петиций. – URL: www.change.org/ru (дата обращения: 20.07.2015).

Специализированные интернет-сервисы, проблемно-тематические опросы, обсуждения в группах социальных сетей и в рамках интернет-форумов позволяют в режиме *online* создать текст обращения к представителям региональной или государственной власти. Поводом является индивидуальная или коллективная рефлексия, связанная с осмыслением злободневной социальной проблемы. Целью – выражение просьбы/требования устранения данной проблемы посредством конкретно сформулированного способа решения, сбора подписей в поддержку предложенной инициативы, продвижения петиции и обнародования результатов.

Тексты *online*-петиций представляют комплексный жанр, который необходимо исследовать комплексно.

Во-первых, данные тексты демонстрируют соответствие жанровому эпистолярному канону, следовательно, к их анализу применимы все ключевые положения *теории эпистолярности* [14].

Во-вторых, особая роль в коммуникативном процессе фигур авторов и подписантов петиции обуславливают необходимость изучения *online*-петиций в аспекте *теории языковой личности*.

Для *эпистолярно-медийной языковой личности* (об обосновании выделения понятия см.: [17]), участвующей в интерактивном диалоге на остросоциальные темы, характерно осознание своей принадлежности к группе единомышленников. Подобная *социальная идентичность* авторов петиции и подписантов выступает значимым регулятором самосознания и социального поведения, основывается на *личностной идентичности* участников

взаимодействия, поскольку позиционирование индивидом себя в качестве автора открытой *online*-петиции требует проявления смелости, принципиальности, решимости, настойчивости. По нашим наблюдениям, в анализируемых текстах преобладает форма самопрезентации авторов от первого лица множественного числа.

Предположим, что демонстрация факта коллективного авторства *online*-петиций усиливает воздействующий потенциал текста и стимулирует адресата к ответному действию²: *«Мы, студенты вузов и ссузов, лидеры и активисты студенческих организаций, представители молодежных объединений, а также активные и неравнодушные граждане России, обращаемся к Вам (помощнику Президента РФ, Уполномоченному по антикоррупционным проверкам Е. М. Школову – А. К.) с просьбой пресечь грубое нарушение прав студентов Павловского сельскохозяйственного колледжа (Алтайский край). В данном учреждении создан негативный для образовательной системы страны прецедент безнаказанного вымогательства денежных средств со студентов <...>»*³.

Значимую роль в дискурсивном разрывании *online*-петиций играют такие участники коммуникативного события, как *подписанты*, желающие из которых могут оставить на сайте события *комментарии*: *«Не хочу, чтобы гибли дети»* (Каненва Наталья, Печора), *«И не только РемЭкоСтрой надо проверить»* (Любовь Зеленина, Петровск), *«Не хочу еще трагедий»* (Наталья Андреева, Москва) и пр. (из комментариев подписантов

² В приводимых текстовых фрагментах сохранены авторские орфография и пунктуация.

³ В приводимых текстовых фрагментах сохранены авторская орфография и пунктуация.

петиции, связанной с трагедией в Омской казарме курсантов ВДВ)⁴. Отметим, что для рассмотрения петиции в органах власти необходимо собрать не менее 10 000 подписей⁵.

В-третьих, социальная тематическая направленность петиций, маркированность коммуникантов в первую очередь с точки зрения их социального статуса позволяют констатировать факт общественной значимости текстов *online*-петиций и возможность их изучения с позиций *теории массовой коммуникации, социолингвистики, медиалингвистики, политической лингвистики, юрелингвистики, дискурс-анализа, семиотики*.

Так, на 20 июня 2015 г. на одном из сайтов зафиксировано 558 обращений, распределение которых по тематическим группам следующее: *социальная сфера* – 94 темы, *права человека* – 78, *законодательство* – 66, *культура* – 52, *внешняя политика* – 41, *коррупция* – 41, *образование* – 40, *экология* – 36, *политика* – 28, *здравоохранение* – 25, *права животных* – 17, *права автовладельцев* – 15, *ЖКХ* – 14, *наука* – 4, *оборона* – 4, *медицина* – 3⁶.

В характеристике типа адресата *online*-петиций преобладает социальный статус: авторы обращаются к представителям региональной или государственной власти. По нашим наблюдениям, преобладает количество обращений к чиновникам высшего эшелона власти (персонально В. В. Путину, Д. А. Медведеву, С. К. Шойгу и др., а также коллективные петиции в Министерства культуры, здравоохранения и пр.). Даже свои предложения относительно решения региональных проблем

авторы в ряде случаев адресуют представителям госслужб. К региональным чиновникам пользователи, как правило, обращаются с требованиями, касающимися улучшения работы жилищно-коммунальных, строительных, дорожно-ремонтных организаций.

Для эпистолярной коммуникации, осуществляемой посредством текстов *online*-петиций, характерен особый диалогизм. Цель коммуникативной деятельности автора состоит в публичном обсуждении социальной проблемы, создании ситуации общественного резонанса, а также стимуляции представителей власти к конкретному поступку (инициировать закон, наказать виновных и пр.), а не в получении ответного послания, что свойственно традиционной переписке. Данная цель находит отражение в формулировке конкретных требований: *«Этой петицией мы требуем: От Правительства РФ: внести проект закона против домашнего насилия; От Государственной Думы: вынести закон на чтения и принять; От МВД: создать специальное подразделение по противодействию домашнему насилию, внедрить механизм охранного предписания»*⁷.

В-четвертых, особая значимость электронно-медийного канала коммуникации, посредством которого создаются и продвигаются петиции, позволяет анализировать рассматриваемые тексты с позиций *теории электронно-массмедийной коммуникации, виртуального дискурса*.

Стандартный *online*-сервис предоставления услуг создания и продвижения петиций

⁴ Online-сервис для составления и продвижения петиций. – URL: www.change.org/ru (дата обращения: 20.07.2015).

⁵ Online-сервис для составления и продвижения петиций. – URL: <http://www.onlinepetition.ru> (дата обращения: 20.07.2015).

⁶ Online-сервис для составления и продвижения петиций «Наше мнение». – URL: <http://mypetition.ru> (дата обращения: 20.07.2015).

⁷ Online-сервис для составления и продвижения петиций. – URL: www.change.org/ru (дата обращения: 20.07.2015).

требует авторизации пользователей и содержит такие структурные компоненты, как *создать петицию, просмотреть петиции, поиск, адресат, заголовок петиции, адресант*, а также информацию о количестве подписантов и их комментарии последних с указанием причин подписания прошения. По желанию создателя петиции его имя может быть отражено на сайте услуги, а информация об участии в акции – в социальных сетях, например, Facebook. Некоторые сайты информируют своих пользователей об освещении темы петиции в СМИ (с указанием электронного адреса и комментариев читателей). Созданию «обратной связи» способствует наличие таких активных опций, как *пожаловаться, сказать спасибо за то, что не остались равнодушными*. Авторизованным пользователям на электронную почту приходят регулярные уведомления с новостной ленты сайта.

В-пятых, реализация императивной установки автора и сопутствующих этому стратегий убеждения, аргументации делает обоснованным исследование *online*-петиций в ракурсе *теории речевого воздействия, психолингвистики, прагматической лингвистики*.

Взаимодействие людей посредством *online*-петиций не просто процесс обмена информацией, но одновременно создание некоей общности, которая может переживаться участниками в виде общего понимания ситуации, ее эмоционального притяжения/непритяжения и т. д. Как правило, сообщаемая автором информация верифицируется (в частности, посредством указания на факты и статистические данные) с целью убеждения потенциальных подписантов и адресатов: *«В Российской Федерации 40 % всех тяжких насильственных преступлений*

совершается в семье... Только за 2013 год от преступных посягательств погибли 9 100 женщин, 11 300 получили тяжкий вред здоровью. По официальной статистике в 2013 году 46 тыс. несовершеннолетних стали жертвами насильственных преступлений. Около 2 тыс. погибли, 3,6 тыс. получили телесные повреждения. Половина этих преступлений были совершены дома. По официальным данным МВД РФ на декабрь 2008 года на учётах в милиции стоит 212,7 тыс. семейных дебоширов» (из обращения Алены Поповой (г. Москва) к Правительству РФ «Нет домашнему насилию»; на 20 июля 2015 г. петиция собрала 132 877 подписей)⁸.

6. Интересным считаем исследование текстов *online*-петиций в плоскости *функциональной лексикологии, стилистики, текстологии, теории речевых жанров, риторики, культуры речи*.

Генетически *online*-петиции восходят к жанру *челобитных грамот*. В содержательно-формальном и функционально-прагматическом отношении данный тип эпистолярного текста перекликается, с одной стороны, с жанрами *открытых писем, писем в защиту, протестных писем, писем в редакцию* и пр., уже долгое время функционирующих в газетно-журнальной публицистике, с другой – с многочисленными разновидностями деловой переписки – *прошениями, ходатайствами, заявлениями, декларациями, претензиями, офертами, рекламациями, гарантиями, уведомлениями, запросами* и пр. Присутствие в стилистической организации *online*-петиций синкретизма публицистических и деловых свойств формирует «социальный заказ» на данный тип текста.

⁸ Online-сервис для составления и продвижения петиций. – URL: <http://www.onlinepetition.ru> (дата обращения: 20.07.2015).

Анализ языковой организации текстов *online*-петиций демонстрирует определенный уровень владения речевой культурой адресантами. Последнее обязательно для достижения воздействия на целевую (представители власти) и массовую (пользователи сети, потенциальные подписанты) аудиторию. Большинство рассматриваемых текстов не содержит ошибок, что свидетельствует об определенном уровне грамотности их создателей и профессионализме разработчиков сайтов.

Добавим, что в анализируемых текстах (в первую очередь, *online*-петициях публицистической направленности) встречаются элементы речевой образности, свидетельствующие о желании авторов выстраивать свою текстовую деятельность риторически грамотно. Приведем пример использования в текстах *online*-петиций стилистических ресурсов языка: *«Россию приговорили к участи стать мировым изгоем – мировой ядерной помойкой для цивилизованного мира. Крупнейший в мире могильник для захоронения высокоактивных долгоживущих ядерных отходов будет построен в центре России, под Красноярском. Ради чужого блага наша земля будет отравлена на несколько миллионов лет... Скоро в Россию повезут ядерные обременения со всех континентов мира, даже из Африки...»* (из обращения к В. В. Путину о запрете строительства ядерного могильника вблизи Красноярска)⁹.

Наконец, в связи с ярко выраженной региональной направленностью рассматриваемых текстов актуальным в процессе их анализа становится круг вопросов, изучаемых в

рамках *региональной лингвистики и региональной дискурсологии*.

Анализ тематических групп *online*-петиций продемонстрировал широкую «географию» авторов и подписантов, огромный спектр острых социальных проблем, актуальных как для регионов, так и страны в целом. Приведем примеры названий петиций: *«Бесплатное питание в школе»*, *«Верните летнее время в Алтайский край!»*, *«Остановите стройку перед окнами домов»*, *«Крик души родителей инвалидов!!!»*, *«Сохраните Детскую школу искусств № 14 в г. Новосибирске»*, *«Запретите концерт Кончиты Вурст в Москве»*, *«Мы, граждане России и Украины, требуем остановить агрессию России!»*, *«О преступлениях главы Саратова Грищенко О. В.»*, *«Спасем воду на планете и остановим пожары в Забайкалье»*, *«Создание приюта для животных в Невинномысске»*, *«Остановите массовое убийство животных в Севастополе»*, *«Открытое письмо по проживанию нелегалов в подвалах домов г. Химки»*, *«Остановите заместителей Тулеева, разваливающих медицину Кузбасса!»* и пр.¹⁰.

Таким образом, на материале исследовательской практики в области жанроведения (в частности, эпистолярия) доказана целесообразность и эффективность применения полипарадигмального подхода в современных лингвистических изысканиях, предполагающего анализ языкового явления в аспекте разных парадигм (подходов, релевантных для разных языковедческих дисциплин), разными методами и приемами исследования.

⁹ Online-сервис для составления и продвижения петиций. – URL: www.change.org/ru (дата обращения: 20.07.2015).

¹⁰ Online-сервис для составления и продвижения петиций «Наше мнение». – URL: <http://mypetition.ru> (дата обращения: 20.07.2015).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Фуко М.** Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сэд, 1994. – 408 с.
2. **Борн М.** Физика в жизни моего поколения. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. – 536 с.
3. **Кун Т.** Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 288 с.
4. **Хомутова Т. Н.** Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 35 (173). – С. 142–151.
5. **Вайнштейн О.** Интервью с Жаком Деррида // Мировое древо. Arbor Mundi. – 1992. – № 1. – С. 73–80.
6. **Бурдые П.** Начала. Choses dites. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
7. **Кубрякова Е. С.** Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М.: Изд-во РГГУ, 1995. – С. 144–238.
8. **Вагнер Г.** Социология: к вопросу о единстве дисциплины // Теория общества. – М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. – 416 с.
9. **Кубрякова Е. С.** Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – 2004. – Т. 63, № 3. – С. 3–12.
10. **Пиотровский Р. Г.** Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2006. – 160 с.
11. **Гак В. Г.** Функциональный подход к явлениям языка // Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 179–198.
12. **Степанов Ю. С.** Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца XX века: сб. статей. – М.: Изд-во Российского гос. гуманитарного ун-та, 1995. – С. 7–34.
13. **Лихачева Л. С.** Этикет в социальном взаимодействии: методологические возможности полипарадигмального подхода: автореф. ... докт. социол. наук. – Екатеринбург, 2000. – 47 с.
14. **Курьянович А. В.** Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике: монография. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2013. – 220 с.
15. **Маклюэн М.** Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.; Жуковский: Канон-пресс; Кучково поле, 2003. – 464 с.
16. **Курьянович А. В.** Электронное письмо как функционально-стилевая разновидность эпистолярного жанра в пространстве современной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2008. – Вып. 2 (76). – С. 44–50.
17. **Курьянович А. В.** Эпистолярная языковая личность: к вопросу определения категориальных и типологических черт // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 4. – С. 255–262.
18. **Joseph J. E.** Twentieth-century Linguistics: Overview of Trends // The Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. R. E. Asher. – Oxford and New York: Pergamon Press, 1994. – Vol. 9. – p. 4789–4799.
19. **Lakatos J.** Falsification and the Methodology of Scientific Research Programs // Criticism and the Growth of Knowledge / ed. by J. Lakatos and, A. Musgrave. – Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1970. – P. 91–195.
20. **Wilber K.** Introduction to Integral Theory and Practice: IOS Basic and the AQAL Map // AQAL Journal. – 2006. – Vol. 1.

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.13)

Kurjanovich Anna Vladimirovna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Language Theory and Teaching Methods Department, Russian Language and Literature History and Philology Faculty, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation.

ORCID iD [0000-0002-3247-3975](https://orcid.org/0000-0002-3247-3975)

E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

MULTIPARADIGMATIC CHARACTER OF THE PETITION GENRE IN THE MIRROR OF MODERN LINGUISTICS (an analysis of online-petitions as a special kind of epistolary texts)

Abstract

The article focuses on the multiparadigmatic approach in modern linguistic studies as a complex system of methodological principles. This principle is intended to use the latest achievements of various language disciplines for the purpose of quantitative and qualitative “augmentation” of the problem field and obtaining more well-grounded results. The aim of this paper is to analyze the multiparadigmatic potential of the complex epistolary genre. This form of texts is in demand in the space of contemporary interpersonal and social communication. The materials of the study are online petitions – messages addressed to representatives of the regional and national authorities, which are expressed in a variety of electronic epistolary texts of social orientation. Online petition is a unique empirical textual basis that permits to research into various fields of the humanities: from the standpoint of modern media-linguistics, semiotics, psycholinguistic theories of mass communication, speech influence and linguistic identity, certain aspect of discourse analysis and stylistic research within the framework of psychological, sociological and pragmalinguistics, rhetoric and speech culture theories. The Multiparadigmatic character of the epistolary genre can be conceptualized in ontological and epistemological aspects. On the one hand the epistolary genre is a multi-discourse, multi-functional multi-code form. On the other hand it is a reproducible text model crammed with clichés. Hence, epistemologically the genre requires an adequate complex approach. The conclusion is that the effectiveness of modern linguistic studies depends on appropriate use of multiparadigmatic approach based on a comprehensive analysis of linguistic facts from the perspective of various humanitarian fields and schools, applying various methods and techniques of research.

Keywords

Genre, epistolary, multiparadigmatic approach, mass media communication, electronic epistolary text, online petition.

REFERENCES

1. Fuko M. *Words and things. Archaeology Humanities*. St. Petersburg, A-cad Publ., 1994, 408 p. (In Russian).
2. Born M. *The physics in the lives of my generation*. Moscow, Foreign Literature Publ., 1963, 536 p. (In Russian).
3. Kun T. *Structure of Scientific Revolutions*. Moscow, Progress Publ., 1975, 288 p. (In Russian).

4. Khomutova T. N. Scientific paradigm in linguistics. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2009, no. 35 (173), pp. 142–151. (In Russian).
5. Vaynshteyn O. Interview with Jacques Derrida. *World tree. Arbor Mundi*. 1992, vol. 1, pp. 73-80 (In Russian).
6. Burd'e P. *Started. Choses dites*. Moscow: Socio-Logos Publ., 1994. 288 p. (In Russian).
7. Kubryakova E. S. Evolution of linguistic ideas in the second half of the twentieth century (the experience of paradigmatic analysis). *Language and science of the late twentieth century*. Moscow, RGGU Publ., 1995, pp. 144–238 (In Russian).
8. Wagner G. Sociology: the question of the unity of discipline. *Theory society*. Moscow, Kanonpress-Ts Publ., Kuchkovo pole Publ., 1999, 416 p. (In Russian).
9. Kubryakova E. S. On cognitive science and actual problems of cognitive linguistics. *Proceedings of the Academy of Sciences. Series of Literature and Language*. 2004, vol. 63, no. 3, pp. 3–12 (In Russian).
10. Piotrovskiy R. G. *Linguistic Synergetics: assumptions, the first results, prospects*. St. Petersburg, Filol. fak. SpbGU Publ., 2006, 160 p. (In Russian).
11. Gak V. G. The functional approach to the phenomena of language. *Language conversion*. Moscow, Shola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1998, pp. 179–198 (In Russian).
12. Stepanov Yu. S. Shifting the "image of the language" in the science of the XX century. *The language and the science of the late twentieth century: a collection of articles*. Moscow, Russian State Humanitarian University Publ., 1995, pp. 7–34 (In Russian).
13. Likhacheva L. S. *Etiquette in social interaction: multiparadigmatic character*: monograph. Ekaterinburg, Ural book Publ., 2000, 155 p. (In Russian).
14. Kurjanovich A. V. *Theoretical study of epistolary issues in modern linguistics*: monograph. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Pub., 2013, 220 p. (In Russian).
15. Maklyuen M. *Understanding Media: external expansion of human*. Moscow, Zhukovskiy, Kanonpress Publ., Kuchkovo pole Publ., 2003, 464 p. (In Russian).
16. Kurjanovich A. V. The e-mail as a functional and stylistic variety of the epistolary genre in the space of modern communication. *Tomsk State pedagogical University Bulletin*. 2008, no. 2 (76), pp. 44–50 (In Russian).
17. Kurjanovich A. V. Epistolary linguistic identity: the question of categorical definitions and typological features. *Siberian Journal of Philology*. 2014, no. 4, pp. 255–262 (In Russian).
18. Joseph J. E. Twentieth-century Linguistics: Overview of Trends. *The Encyclopedia of Language and Linguistics*. Ed. R. E. Asher. Oxford and New York, Pergamon Press Publ., 1994, vol. 9, pp. 4789–4799.
19. Lakatos J. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programs. *Criticism and the Growth of Knowledge*. (Ed.) J. Lakatos and, A. Musgrave. Cambridge, UK, Cambridge Univ. Press Publ., 1970, pp. 91–195.
20. Wilber K. Introduction to Integral Theory and Practice: IOS Basic and the AQAL Map. *AQAL Journal*. 2006, vol. 1.

© А. Е. Козлов

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.14](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.14)

УДК 821.161.1 + 821.0 + 159.925.6

ГРАФОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ Н. Д. АХШАРУМОВА В АСПЕКТЕ АВТОРСКОГО САМОСОЗНАНИЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ*

А. Е. Козлов (Новосибирск, Россия)

Статья посвящена изучению книги «Графология, или Учение об индивидуальности письма (об отношении почерка к характеру)» в аспекте авторского самосознания и жизнетворческих стратегий беллетриста и критика XIX века Н. Д. Ахшарумова. Коллективная монография, вышедшая в свет в 1894 году, с приложением типичных графем, символов и воспроизведенных автографов объединила прикладного графолога Ф. Ф. Тишкова, доктора медицины Д. Д. Ахшарумова и его брата, писателя Н. Д. Ахшарумова. Несмотря на отсутствие полностью оригинальной концепции, в большей мере повторяющей наблюдения и тезисы Ч. Ломброзо и Ж. Мишона, настоящая книга представляет важный объект для историко-литературного изучения и герменевтических реконструкций. Особого внимания заслуживает 33-страничное приложение, в котором представлены графологические символы, иллюстрирующие тезисы монографии, симметрированы автографы известных художников (И. К. Айвазовский), писателей и поэтов (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь и пр.).

В статье представлена гипотеза об особом значении книги для авторской рефлексии Н. Д. Ахшарумова, который одним из первых среди русских писателей открыто заявил о своей компетентности в вопросах графологической экспертизы и анализа. Одна из ключевых идей книги – поиск «первообраза» оказалась достаточно важной для формирования и корректировки ретроспективного взгляда на русскую литературу и собственное творчество беллетриста. Вместе с тем работа над книгой и приложениями, в противоположность беллетристической деятельности, позволила ему проникнуть в тайны творческой лаборатории другого, что несомненно вносило значимые корректировки в авторское самосознание.

Ключевые слова: Ахшарумов, графология, экспертиза, нарративный эксперимент, русская литература XIX века.

Развитие графологии в прикладной науке и экспертизе XIX века имеет длительную историю становления и утверждения

[13; 16]. Зачастую балансируя между наукой и псевдонаукой, точным и неточным научным знанием [20–21], графологическая

*Работа подготовлена в рамках реализации гранта РГНФ № 15-14-54001a(p) «Конфликтный текст в зеркале лингвистического экспертирования: оскорбление, унижение чести и достоинства, порочащая информация в публичной коммуникации региона».

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Институт филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru

методология находит применение за пределами прикладной криминалистики и психоанализа, затрагивая сферы эстетики и психологии творчества [20; 22]. Речь идет не только и не столько о вульгарной интерпретации графологии в сюжетах массовой литературы – детективах и криминальных романах, сколько об особом взгляде на личность человека, отраженную в его почерке [6; 18].

По замечанию О. В. Осековой, «...графологический анализ почерка позволяет распознать и измерить проявление индивидуально-психологических особенностей автора письма не дифференцированно (отдельно характеризуя темперамент, характер, мотивационную сферу), а во всей их целостности, дать полную характеристику личности» [14, с. 81]. Случай подобной референции правильнее назвать *метаавтореференцией*, когда потенциал слова не исчерпывается семантикой и выразительным планом, а его идиостилевые свойства во многом подчинены графической реализации слова, высказывания, текста.

Предвосхищая психоаналитические, и что важнее – психолингвистические изыскания, такой подход в отечественной науке конца XIX века значительным образом изменял существующий взгляд на процесс письма

как особый вид фиксации информации, приоткрывая исторически сопровождавшую его завесу тайны. Симптоматичным кажется и изменение взгляда на графоманию: из сферы эстетики, рассматривающей данное явление как нарушение гармонических свойств искусства, это явление переходит в сферу практической психологии, становясь синонимом душевной болезни. Графология при этом предстает одним из способов психологической диагностики.

В этом контексте особого внимания заслуживает коллективная монография братьев Д. Д. и Н. Д. Ахшарумовых и Ф. Ф. Тишкова «Графология, или Учение об индивидуальности письма (об отношении почерка к характеру). С приложением типичных автографов», изданная в Риге в 1894 году¹ (рис. 1). Коллектив авторов: врач Д. Д. Ахшарумов, в сферу интересов которого входили вопросы гигиены, венерология и психотерапия, Ф. Ф. Тишков, прикладной графолог (сведения о его биографии и деятельности требуют уточнений) и Н. Д. Ахшарумов – популярный писатель второй половины XIX века, автор мистических повестей («Двойник», «Игрок», «Натурщица») и детективных романов («Концы в воду»)², – представляет пример успешного

¹ Став неотъемлемой частью истории развития графологии, книга впоследствии не переиздавалась. Наиболее подробные выписки и цитаты из книги без указания цитируемого источника (с. 9–16) мы обнаружили в учебном пособии И. С. Вотчина и А. А. Бочкарева [5].

² После смерти имя Н. Д. Ахшарумова довольно быстро пополнило ряд «забытых» имен русской литературы. В некрологе-предисловии к собранию сочинений Вл. Сорокин писал: «Кому из читающей публики не известно, что коль скоро писатель не стоит во главе литературного мира, не ведет силою своего гения этот мир за собою, а скромно шествует в рядах пишущей братии, хотя бы и далеко не в последних ее рядах, – он или должен подчиниться общему течению, веянию времени, так называемому в данную минуту направ-

лению, каково бы оно ни было, или – пройти свой тернистый путь особняком, умышленно оставляемым в тени и замалчиваемым» (Сорокин Вл. Биографический очерк // Сочинения Н. Д. Ахшарумова. Библиотека Север. – СПб.: Изд-во Е. Евдокимова, 1894. – Т. 1. – С. II–XI). Исчерпывающую информацию о писательской деятельности братьев Ахшарумовых можно найти в современных библиографических словарях (Майорова О. Е. Ахшарумов Николай Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. – М., 1989. – С. 131–132). Реконструкцию наследия писателя в настоящий момент осуществляет исследовательская группа под руководством проф. Череповецкого государственного университета Н. В. Володиной [4; 9; 10].

взаимодействия разных исследователей, объединенных общим научным интересом. Судя по содержанию, участие Д. Д. Ахшарумова ограничилось написанием предисловия, однако кажется логичным предположить его вклад (как эксперта и консультанта) в общую идею исследования. Впрочем, отсутствие сведений о рукописях и черновиках монографии делает невозможным текстологический анализ, оставляя данное предположение без подтверждения.

Типология, предлагаемая Н. Д. Ахшарумовым и Ф. Ф. Тишковым, хорошо изучена современной графологией. Не являясь полностью завершенной и самостоятельной концепцией (Ч. Ломброзо, Ж. Мишон), она представляет сочетание объективных диагностических данных и различных спекулятивных реконструкций. Авторы выделяют следующие типы личности:

1) в зависимости от написания слов и букв: **дедуктивный** (связанные между собой) и **индуктивный**;

2) в зависимости от линейности почерка: **гармоничный** и **негармоничный**;

3) в зависимости от общего графического рисунка – **светлый** и **тёмный**³.

Особого внимания заслуживает 33-страничное приложение, в котором постранично представлены различные графологические символы, иллюстрирующие тезисы монографии братьев Ахшарумовых и Ф. Ф. Тишкова, показаны примеры почерков психически здорового человека и человека, имеющего психическое расстройство, а также симитированы автографы известных художников и писателей.

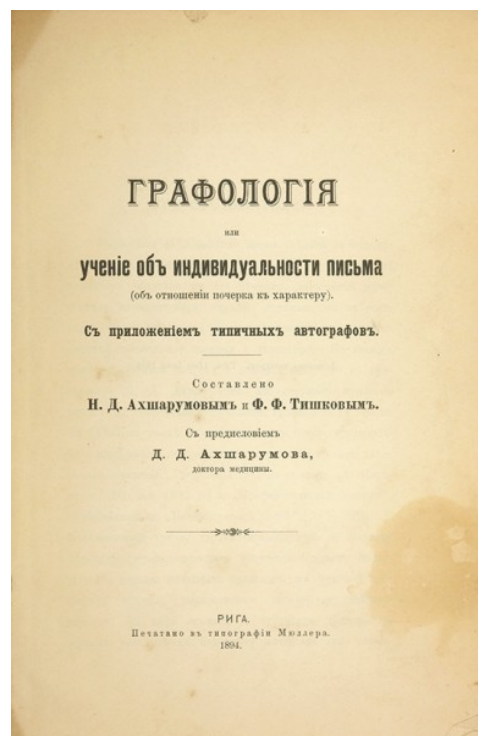

Рис. 1 Титульный лист первого издания книги Н. Д. Ахшарумова, Ф. Ф. Тишкова «Графология, или Учение об индивидуальности письма (об отношении почерка к характеру)».

The title page of 1st edition of the Collective monograph "Graphology" by N.D. Aksharumov and F.F. Tishkov.

Заметим, что монография появляется в конце XIX века, – в период *fin de cycle*, осознаваемый западноевропейской культурой как время кризиса и катастрофических перемен. Русская культура, являясь неотъемлемой частью мировой, разделяла общее сознание заката эпохи, однако катастрофизм такого сознания усиливался переживанием событий 1880-х – начала 1890-х годов: насильственной смертью Александра II, уходом из жизни ве-

³ Ахшарумов Н. Д., Ахшарумов Д. Д., Тишков Ф. Ф. Графология, или Учение об индивидуальности письма (об отношении почерка к характеру). С приложением типичных автографов. Составлено: Н. Д. Ахшарумовым и Ф. Ф. Тишковым. С предисловием

Д. Д. Ахшарумова, доктора медицины. – Рига, 1894. – XII, 84 с. В предисловии и основном тексте работы используется двойная пагинация.

ликих классиков литературы: Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, общим кризисом крупной повествовательной формы (всех вариантов романа) после «Анны Каренины» и «Братьев Карамазовых». В этом контексте разыскание, связанное с психологией искусства, пусть и в формальном аспекте авторского письма, могло выполнять не только функцию универсальной грамматики, но и масштабной рефлексии на тему прошедших культурных событий и социальных катастроф. Правомерно предположить, что этим задачам отчасти удовлетворяет монография Ахшарумовых и Ф. Ф. Тишкова.

«Графология, или Учение об индивидуальности...» описывает почерк посредством аналогий с телом и движениями человека: «Так точно (как при походке и мимике) и в почерке человека неизменно воспроизводятся всё одни и те же преобладающие в нём основные черты, выдающие его личность»⁴. Следует заметить, что данная метафора, предложенная Ч. Ломброзо и смело транслируемая Н. Д. Ахшарумовым и Ф. Ф. Тишковым, становится впоследствии одним из повторяемых штампов. Однако соавторы видели в использовании этой метафоры исключительно психологический смысл: «Нарисовать графологический портрет кого-либо по почерку его, значит представить черты его духовной и физической жизни в целостности, как они выражены природою в образе его отдельной личности»⁵. Графология таким образом давала ключ к подсознательному, приближала исследователя к сюжетному смыслу и значению.

Следует подчеркнуть, что интерес беллетриста и критика XIX века Н. Д. Ахшарумова не мог в данном случае исчерпываться исключительно техническими задачами. Обращение к графологии открывало дополнительные сюжетогенные ресурсы, давая возможность изменить взгляд на антропологическую проблематику художественного текста. Учитывая, что большинство ахшарумовских героев, вслед за двойником Алексеем Петровичем, испытывают кризис идентичности (не онтологический, как у Ф. М. Достоевского, а социальный), актуализация мотивов письма и письменной фиксации позволяла в новом для русской литературы свете представить личность через письмо и почерк. В текстах Н. Д. Ахшарумова кризис идентичности запечатлен в письменных свидетельствах: дневниках («Двойник», «Игрок», «Концы в воду», «Мудреное дело», «Чужое имя», «Под колесом»), письмах («Мудреное дело», «Под колесом» и др.) – штамп, который значительно индивидуализируется в свете авторского самосознания⁶ [8; 10].

Один из центральных тезисов, развернутых в графологическом проекте – «первообраз личности запечатлен в почерке, и опытный графолог с первого же взгляда усматривает в нем характерную своеобразность»⁷. Вопрос о первообразе, соединяющий платоновскую идею с кантовским феноменом, мог быть особенно актуальным для автора вторичных текстов, эту вторичность осознающего. Неслучайно «Графология, или Учение...», как бы подводя общую черту пережитого и написанного, становится финальным

⁴ Ахшарумов Н. Д., Ахшарумов Д. Д., Тишков Ф. Ф. Графология, или Учение... С. V.

⁵ Там же. С. 1

⁶ Проблемам идентификации в свете психолингвистического анализа посвящена монография М. А. Лаппо «Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы» [11]. Методология графологического

анализа рукописей писателя (на примере Н. Г. Чернышевского) представлена в монографии Т. И. Печерской «Разночинцы шестидесятых годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики» [15].

⁷ Ахшарумов Н. Д., Ахшарумов Д. Д., Тишков Ф. Ф. Графология, или Учение... С. IX.

проектом Н. Д. Ахшарумова, ушедшего из жизни в 1893 году.

Фактически Н. Д. Ахшарумов одним из первых русских писателей открыто декларирует знание графологических принципов. Такая декларация естественным образом подразумевала отказ от порождающей эстетики, представляя компенсирующий поворот в сторону прикладной психологии искусства. Для проницательного критика, теоретика «порабощенного искусства» (под которым он разумел реализм в его различных модальных вариациях от М. Ю. Лермонтова до Ф. М. Достоевского), изучение психологических основ почерковедческой экспертизы давало возможность разгадать «нерв» своего поколения. В сущности, тщательный анализ почерка давал Н. Д. Ахшарумову тот самый «...материал движения, который не лежит на поверхности литературы, а скрыт в лаборатории автора» [17, с. 134], о котором часто писали формалисты XX века.

Неожиданный результат дает рассмотрение приложений. Несмотря на то, что в настоящий момент не может быть установлено, чьему перу принадлежат графологические знаки и символы, признаем: высока вероятность, что большинство графем и автографов

выполнено рукой Н. Д. Ахшарумова. В приложении, как говорилось выше, представлены автографы выдающихся полководцев, художников и писателей: А. В. Суворова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и И. К. Айвазовского (рис. 2). Наряду с очевидной задачей восстановления первообраза, воспроизведение автографа имело и имплицитный смысл, дающий возможность не только писать как Н. В. Гоголь, писать как Ф. М. Достоевский (в смысле подражания на уровне фабулы и сюжетно-мотивной организации), но и *писать-как-Гоголь*, *писать-как-Достоевский* (в смысле буквального физического действия), т. е. обладать возможностью производить действие письма, воспроизведение которого, с точки зрения структурной антропологии [12], имеет ритуальный и метафизический смысл. Такое знание, наделяя исследователя аппаратом анализа, в то же время создавало иллюзию сопричастности мировой культуре, превращая аналитика в пророка, наделенного возможностью говорить на разных уникальных языках национальной культуры.

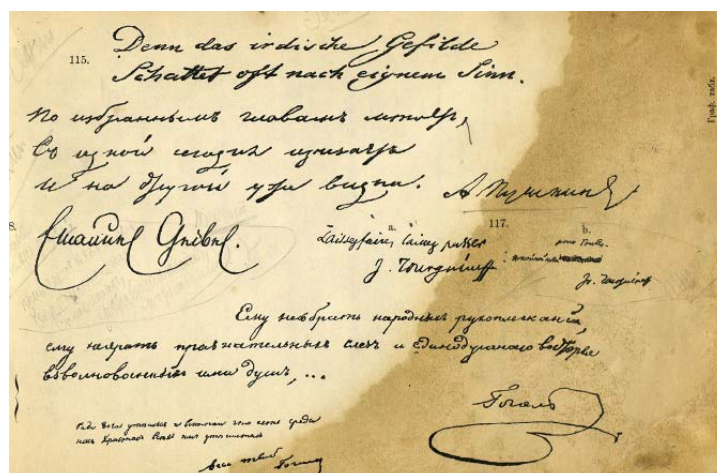

Рис. 2 Страница приложения, где представлены автографы А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя

There are autographs of A.S. Pushkin and N.V. Gogol in the application page of the book.

Последнее замечание показывает своеобразную включенность самосознания Н. Д. Ахшарумова в фикциональные контексты современной литературы. В последнее время неоднократно фиксировались факты подражания Н. Д. Ахшарумова своим современникам и, в частности, Ф. М. Достоевскому. Однако парадоксальным представляется антеизм Н. Д. Ахшарумова (в противоположность протезиму А. С. Пушкина или Л. Н. Толстого): после смерти Ф. М. Достоевского он, последний раз воплотив сюжет Ф. М. Достоевского в своей повести «Под колесом», отказывается от подражания своему гениальному современнику. Возможным способом такого преодоления становится обращение к сознанию различных героев Ф. М. Достоевского и поиск универсального онтологического основания, заключенного в письме. Конечно, героем, заключающим особую онтологию в различных техниках письма, становится князь Мышкин, чья (практически пушкинская) всеотзывчивость становится не только знаком личности, но и свойством его письменной речи [1; 19]. Н. Д. Ахшарумову, как выпускнику Царско-сельского лицея, современнику Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева, не могла не импониовать подобная модель поведения.

Однако, сильную роль играет и авторская повесть «Натурщица», где конфликт, возникающий между автором и созданной им героиней [2], осуществляется через семантическую мембрану – писчую бумагу, заполняемую словами нового, еще не написанного произведения. Столкнувшись с таинством письма и представив его как «юридическую фикцию»,

Н. Д. Ахшарумов мог прийти к выводу о ключевой роли автора, как скриптора, преобразующего свой замысел в связный текст, фактически наблюдая творение графического космоса из хаоса образов и мыслей. В этом отношении фабульная связанность текста отчетливо коррелирует со связанностью букв в слове, в то время как совокупность идиографических свойств заключает в себе особенности идиостиля.

Наконец, мучительное осознание несовершенства написанного может объяснять интерес к графологии как к способу преодоления графомании. По справедливому замечанию Д. М. Зуева-Инсарова, «...задачей графолога является заставить человека заглянуть внутрь самого себя, заставить задуматься над собственной природой и ее реальными данными и возможностями»⁸ [7, с. 43]. Свойство *неустранимости* фигуры исследователя из исследовательского процесса, неоднократно доказанное философией науки, позволяет предполагать значительные мировоззренческие изменения и эстетические сдвиги в мышлении Н. Д. Ахшарумова, занятого подготовкой графологического проекта. Представленные тезисы и наблюдения, равно как и иллюстрирующие автографы, давали Н. Д. Ахшарумову особое, уникальное знание, которым пренебрегало большинство его современников.

Таким образом, можно констатировать, что «Графология, или учение...», представляя коллективный исследовательский проект конца XIX века, дает любопытный материал не только для истории графологии как особой области научного (и пограничного с ним) научного знания, но и истории литературы.

⁸ В монографии Д. М. Зуева-Инсарова используются материалы работы братьев Ахшарумовых и Ф. Ф. Тишкова. Однако при наборе была допущена опечатка: в книге дана некорректная ссылка. Вместо *Н. Д. Ахшарумов, Д. Д. Ахшарумов – Д. Н. Ахшарумов*. Случай

подобного «ономастического стяжения» объясняются лакунарным и недифференцированным восприятием творческого и научного наследия братьев Ахшарумовых.

Само обстоятельство обращения к почерку и письму кажется знаковым и симптоматичным, становясь направленным действием, оно предстает масштабной рефлексией современников на тему уходящего поколения и времени.

В этом контексте фигура Н. Д. Ахшарумова приобретает особое значение. Литературная жизнь писателя, начавшаяся подражательной беллетристикой и «продукцией» для массового читателя, усложняется за счёт филиаций другого уровня: воспроизведения (фактически переписывания) сюжетов Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева, критической и аналитической работы, основной задачей которой было установление аксиологического статуса ключевых художественных текстов, декларируемой позиции ученого и аналитика. Во многом – и в беллетристике, и в критике, и в прикладной науке – Н. Д. Ахшарумова можно назвать экспериментатором. «Графология, или учение...» как итоговый текст, рожденный совокупным усилием док-

тора медицины, графолога и писателя (три постоянные в сюжетосложении и характерологии творчества Н. Д. Ахшарумова) – как бы собирает в себе различные интенции и нарративные инстанции творчества писателя. Названное свойство исследуемой монографии открывает возможность ее иноформного анализа как художественного текста, возможно, связанного с поиском новых онтологических оснований.

Разумеется, сказанное носит характер гипотезы, требующей верификации и проверки, а сам материал, взятый в историко-литературном и герменевтическом ракурсах, требует текстологического изучения и генетической реконструкции. Однако предварительные замечания, как нам кажется, позволяют, указывая на оригинальное и не сводимое к образцу, в новом «альтернативном» свете увидеть фигуру Н. Д. Ахшарумова в рефлексивном пространстве русской литературы XIX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Баршт К.А.** «Каллиграфия» у Ф. М. Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского: сборник статей / под ред. В. Н. Захарова. – Петрозаводск, 1994. – С. 101–120.
2. **Бахтин М. М.** Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Academia, 2000. – 300 с.
3. **Бахтин М. М.** К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. – Киев: Next, 1994. – 383 с.
4. **Володина Н. В., Сумарокова Л. А.** Н. Д. Ахшарумов о романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 4. – С. 65–69.
5. **Вотчин И. С., Бочкарев А. А.** Исследование личности по письменной речи. – Новосибирск: НГПУ, 2006. – 166 с.
6. **Деррида Ж.** О грамматологии / пер. с фр. Н. Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000.
7. **Зуев-Инсаров Д. М.** Почерк и личность. – М.: СТ, 1993. – 110 с.
8. **Козлов А. Е.** К вопросу о литературной репутации Н. Д. Ахшарумова // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 30–35.
9. **Лаврова С. Ю.** Семиотический детективный дискурс романа Н. Д. Ахшарумова «Концы в воду» // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 7. – С. 49–58.

10. **Лаврова С. Ю.** Языковая личность Н. Д. Ахшарумова в семиотическом пространстве русской литературы второй половины XIX века (к постановке проблемы) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 4. – С. 100–107.
11. **Лаппо М. А.** Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. – Новосибирск: НГПУ, 2013. – 180 с.
12. **Леви-Стросс К.** Структурная антропология / пер. с фр. В. Иванова – М.: Академический проект, 2008. – 555 с.
13. **Неретина Н. С.** Возникновение и развитие судебно-почерковедческой диагностики атрибуции свойств личности за рубежом и в России // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 4-2. – С. 302–308.
14. **Осекова О. В.** Графология как психодиагностический метод познания человеческой индивидуальности. – Новосибирск: НГПУ, 2003. – 89 с.
15. **Печерская Т. И.** Разночинцы шестидесятых годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. – Новосибирск: Нонпарель, 1999. – 300 с.
16. **Попова О. А.** Предпосылки возникновения диагностических исследований в почерковедении // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 322. – С. 125–128.
17. **Томашевский Б. В.** Писатель и книга. – М.: Искусство, 1959. – 276 с.
18. **Шопенгауэр А.** О писательстве и о слоге / пер. с нем Дм. Цертелева. – М.: УРСС, 2009. – 72 с.
19. **Эпштейн А.** Князь Мышкин и Акакий Башмачкин // Эпштейн М. Парадоксы новизны. – М., 1988. – С. 65–80.
20. **Bayne R., O'Neill F.** Handwriting and personality: A test of some expert graphologists' judgments. Guidance and Assessment Review. – 1988. – № 4. – pp. 1–3.
21. **Berger J.** Handwriting Analysis and Graphology. The Skeptic Encyclopedia of Pseudoscience. – Vol 1. – 2002. – pp. 116–120.
22. **Furnham A., Gunter B.** Graphology and Personality: Another Failure to Validate Graphological Analysis. Personality And Individual Differences. – Vol 8(3). – 1987. – pp. 433–435. DOI: 10.1016/0191-8869(87)90045-6.

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.14](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.14)

Kozlov Alexey Engenevich, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Russian and Foreign literature, Theory of Literature and Methodic of Literature Teaching Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
ORCID iD [0000-0003-0016-9546](https://orcid.org/0000-0003-0016-9546)
E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

GRAPHOLOGICAL INTERESTS OF N.D. AKHSHARUMOV IN THE LIGHT OF THE AUTHOR'S SELF-CONSCIOUSNESS: INTRODUCTORY REMARKS

Abstract

The article deals with the description of the collective monograph "Graphology" in the light of self-consciousness and life-creation of critic and writer of 2nd part of the 19th century N. D. Aksharumov. The collective monograph was published in Riga in 1894. That project united graphologist F.F. Tishkov, dr D.D. Aksharumov (MD) and a popular writer N.D. Aksharumov. In spite of the fact that their theories lack originality and are derivative from the ideas of C. Lombroso and G. Michon, that book contains important material for literary and historical studies and hermeneutical reconstructions. Its 33-page supplement deserves special attention as it presents graphological symbols illustrating the monograph's theses. That section also contains imitations of famous people's handwriting -- artist Ivan Aivazovsky, writers and poets Alexander Pushkin, Nicolay Gogol, and others.

The article presents a hypothesis about special significance of the book for the author's self-consciousness. So, Akhsharumov was among the first Russian writers, who openly declared his competence in handwriting analysis. The search for the "Prototype" is one of the key ideas of the book. Akhsharumov's figure is important for a new retrospective view of Russian literature and the writer's own creativity. However, the work on that book and its applications, as to differ from his efforts in fiction, helped him penetrate the secrets of the creative laboratory of the Other and without a doubt made significant changes in the author's identity.

Keywords

Akhsharumov, graphology, expertise, narration experiment, Russian literature of XIX century.

REFERENCES

1. Barsht K. A. "Calligraphy" of Dostoevsky. *New aspects in the study of Dostoevsky*. Petrozavodsk, 1994, pp. 101–120. (In Russian)
2. Bakhtin M. M. *Author and hero*. St. Petersburg, 2000, 300 p. (In Russian)
3. Bakhtin M. M. *By the Philosophy of Action. Collected works of 20th of XX*. Kiev, 1994, 383 p. (In Russian)
4. Volodina N. V., Sumarokova L. A. N. D. Critique of Akhsharumov on the Dostoevsky's "Crime and Punishment". *Cherepovets State University Bulletin*. 2015, no. 4, pp. 65–69. (In Russian)
5. Votchin I. S., Bochkarev A. A. *The Study of Personality by Writing*. Novosibirsk, 2006. 166 p. (In Russian)
6. Derrida J. *The grammatology (De la grammatologie)*. Translate from French N. Avtonomova. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. (In Russian)
7. Zuev-Insarov D. M. *Handwriting and personality*. Moscow, 1993, 110 p. (In Russian)

8. Kozlov A. E. On Nikolai Akhsharumov's Literary Reputation. *Siberian Philological Journal*. 2015, no. 1, pp. 30–35. (In Russian)
9. Lavrova S. Ju. Semiotic Discourse of Akhsharumov's Detective Novel "Kontsy v voddy". *Cherepovets State University Bulletin*. 2015, no. 7, pp. 49–58. (In Russian)
10. Lavrova S. Ju. Linguistic personality of N. D. Akhsharumov in Semiotic Space of Russian Literature of the 2nd Part Of the XIX century. *Cherepovets State University Bulletin*. 2015, no. 4, pp. 100–107. (In Russian)
11. Lappo M. A. *Self-Awareness: semantics, pragmatics, language resources*. Novosibirsk, 2013, 180 p. (In Russian)
12. Levi-Strauss K. *The Structural Anthropology*. Translate from French V. Ivanov. Moscow, 2008, 555 p. (In Russian)
13. Neretina N. S. Origin and Development the Forensic Handwriting attribution Diagnosis of Personality Characteristics and Abroad in Russia. *Tula State University Bulletin*. 2013, no. 4–2, pp. 302–308. (In Russian)
14. Osekova O. V. *Graphology as a psychodiagnostic method of cognition of the human personality*. Novosibirsk, 2003, 89 p. (In Russian)
15. Pecherskaja T. I. *Commoners of the 60th of the XIX Century. The phenomenon of Self-Awareness in the Aspect of Philological Hermeneutics*. Novosibirsk, 1999, 300 p. (In Russian)
16. Popova O. A. Prerequisites of diagnostic studies in graphology. *Tomsk State University Bulletin*. 2009, no. 322, pp. 125–128. (In Russian)
17. Tomashevskij B. V. *Writer and Book*. Moscow, Leningrad, 1928, 228 p. (In Russian)
18. Schopenhauer A. *On the Writing and Stylistic*. Translate from Deutsch. Moscow, 2009, 72 p. (In Russian)
19. Epstein A. Prince Myshkin and Akakij Bashmachkin. *Paradoxes of Novelty*. Moscow, 1988, pp. 65–80. (In Russian)
20. Bayne R., O'Neill F. Handwriting and personality: A test of some expert graphologists' judgments. *Guidance and Assessment Review*. 1988, no. 4, pp. 1–3.
21. Berger J. Handwriting Analysis and Graphology. *The Skeptic Encyclopedia of Pseudoscience*. vol. 1, 2002, pp. 116–120.
22. Furnham A., Gunter B. *Graphology and Personality: Another Failure to Validate Graphological Analysis. Personality and Individual Differences*. vol. 8(3), 1987. pp. 433–435. DOI: 10.1016/0191-8869(87)90045-6

© Е. И. Гаврилова

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.15](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.15)

УДК 801.56(049.32)

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ АВТОРИЗАЦИОННЫХ ВВОДНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ТЕКСТЕ КИНОРЕЦЕНЗИИ

Е. И. Гаврилова (Иркутск, Россия)

В статье представлен анализ авторизационных вводных компонентов, функционирующих в тексте киорецензии. Цель статьи – продемонстрировать полифункциональность вводных компонентов со ссылкой на источник информации. Отмечается, что способность вводных компонентов совмещать в себе несколько функций базируется на их семантико-прагматических возможностях: многоплановости выражения модуса высказывания и ориентировки на потенциального зрителя/читателя. В текстах киорецензии авторы, как правило, не ссылаются на себя, поэтому авторизационные вводные компоненты маркируют «не авторские части» текста. Благодаря авторизационным вводным компонентам автор вводит в свой текст линию режиссёра, актёров, продюсеров, персонажей фильма, авторитетных лиц (других кинокритиков, писателей), а также ссылается на неопределённые, недостоверные источники. Подчеркивается, что, в целом сохраняя стандартизованную форму, авторизационные вводные компоненты, помимо своей основной функции, выражают персуазивность и оценочность. Подобные ссылки имеют и прагматический эффект: они рассчитаны на киноведческую (и шире – культурологическую) компетенцию читателя, приглашают его к культурологическому диалогу. В заключение делаются выводы о том, что автор рецензии чаще маркирует авторизационными вводными компонентами именно оценочную, интерпретационную часть рецензии, чем усиливает аргументационную составляющую своего текста.

Ключевые слова: вводные компоненты, полифункциональность, авторизация, персуазивность, оценочность, модусные категории, аргументация.

Как известно, сущность рецензии заключается в выражении отношения к рецензируемому (исследуемому) произведению, поэтому рецензия часто определяется как жанр, в котором пишущий преследует две цели: информационно-познавательную и исследовательскую, и в рецензии часто присутствуют два информа-

тивных плана: описательный, дающий конкретную «картинку», и абстрактный, передающий эмоциональную реакцию рецензента и направленный на оценивание «картинки». Второй план, оценочный, проявляется в использовании авторских средств модальной оценки, что является одним из жанроопределяющих

Гаврилова Елена Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра филологии и методики, Педагогический институт Иркутского государственного университета.

E-mail: irk-elena@mail.ru

признаков рецензии [2]. Выражаясь языком семантического синтаксиса, в рецензии наряду с диктумной информацией (конкретной картинкой) должен быть представлен вербально выраженный, чёткий, не скрытый модус (оценивание, критика, эмоциональная реакция), который направлен в первую очередь на читателя с целью формирования у него тоже оценки произведения, что далее «выльется» в его желание/нежелание познакомиться с рецензируемой «картинкой» (в рамках данного исследования – фильмом). Следует помнить ещё и о том, что рецензия – это текст-доказательство, текст-рассуждение, аргументирование рецензентом своего мнения по поводу исследуемого произведения.

Цель нашей статьи – продемонстрировать полифункциональность авторизационных вводных компонентов в тексте киорецензий – анонсов фильмов, выходящих в прокат, представленных в журнале «Кино-парк». Важно отметить, что данные киорецензии не критический анализ фильмов, они больше ориентированы на потенциального зрителя, и подобная киорецензия предстаёт несколько в трансформированном виде. Это явление современной журналистики А. А. Тертычный называет «пиаризацией», или «пиаристикой» [18, с. 110], а Е. А. Мальчевская, анализируя тексты современных журналистских рецензий, приходит к выводу, что жанр рецензии приобретает рекламно-информационные признаки: «В огромном потоке информации читателя нужно просто сориентировать, создать представление о произведении, обратить внимание на то, что оно появилось», а не представить критический анализ произведения, который был бы интересен прежде всего создателям фильма [12, с. 75].

Вводные компоненты как слова или группы слов, выражающие, по словам С. Г. Ильенко, «рассудочное и/или эмоциональное отношение говорящего к различным аспектам собственного высказывания: его достоверности, композиционно-логической организации, содержанию»¹, многократно привлекали внимание лингвистов. Как видно из определения, специфика вводных компонентов состоит в их семантике, поскольку их основное назначение – выражение оценки, и, как правило, это «комплексная» оценка, на чём акцентирует внимание С. Г. Ильенко, используя комбинацию союзов *и/или* в своём определении, т. е. полифункциональность (прежде всего семантическая) является определяющим признаком вводных компонентов. Подобный взгляд на вводные компоненты отражают и лингвистические энциклопедические и справочные издания. Так М. В. Ляпон в статье о вводных компонентах в энциклопедии «Русский язык» пишет, что логический (интеллектуальный) характер семантики вводных единиц часто осложняется эмоционально-экспрессивным созначением². Способность вводных компонентов выражать одновременно несколько функций, на наш взгляд, связана не только с их семантикой, но и с их прагматическими возможностями. Помимо своих основных функций (выражение модальных значений уверенности/неуверенности; указание на источник сообщения; комментарий к способу или характеру выражения мысли; указание на логическое соотношение между частями высказывания; установление контакта с собеседником), вводные компоненты помогают адресанту с одной стороны, усилить, объективировать или объяснить свою коммуникативную

¹ Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – С. 220.

² Ляпон М. В. Вводные слова // Русский язык: Энциклопедия / под. ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – С. 64.

задачу, с другой – организовать диалог с адресатом, активизировать его внимание и оказывать воздействие на восприятие текста. Эту полифункциональность хорошо демонстрируют вводные компоненты со ссылкой на источник информации – авторизационные вводные компоненты.

Авторизация является обязательной категорией модуса, которая предполагает квалификацию источника излагаемой информации: субъект речи, сообщая информацию, обозначает её как свою или чужую. Понятие авторизации прочно вошло в терминологию семантического синтаксиса, благодаря исследованиям Г. А. Золотовой, подробно рассмотревшей способы реализации этого модусного смысла. Сущность авторизации состоит в том, что «в предложение, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, ‘автора’ восприятия, констатации или оценки явлений действительности» [7, с. 263]. Т. В. Шмелёва обращает внимание на такое важное свойство авторизации как её необязательность в плане выражения, но обязательность в плане содержания³.

Авторизация как квалификативная модусная категория продолжает привлекать внимание современных лингвистов: в поле их внимания попадает категориальная сущность авторизации и проблемы её научного описания (С. В. Гричин, Н. С. Сыроватская [5; 17]), многоаспектность и многовекторность авторизации (С. В. Гричин, О. Н. Копытов [4; 8]), репрезентация авторизации в текстах разных стилей и жанров (Е. А. Лебедева, Т. И. Стекова, Р. Д. Урунова [11; 16; 19]), смежность ав-

торизации с другими модусными категориями: персуазивностью (О. Н. Копытов [9–10]), метапоказателями (Н. П. Перфильева [14]), эвиденциальностью (У. Чейф и Дж. Николс, М. Ю. Григоренко, Е. Н. Орехова [1; 3; 13]).

Способность вводных компонентов реализовывать авторизацию, дифференцировать речь на свою и чужую отмечена ещё в «Русской грамматике»: при описании способов маркировки чужой речи авторы, помимо прямой, косвенной и не собственно прямой речи, выделяют и «четвёртый вид соотношения между авторской и чужой речью, когда, в условиях вводности, авторский план оказывается подчинённым плану чужой речи»⁴.

Прежде всего авторизация в тексте киорецензии обозначается указанием имени и фамилии рецензента, расположенных в журнале «Кино-парк» в конце текста. Поэтому весь текст всегда обозначен как текст конкретно авторский, тогда как авторизационные показатели внутри текста маркируют те его части, информация которых не принадлежит автору рецензии. Также следует иметь в виду, что автор не обязан каким бы то ни было образом маркировать свою речь: как известно, при отсутствии показателей авторизации речь воспринимается как принадлежащая автору. Причём в киорецензии иногда отсутствуют ссылки на самого себя, что даёт право говорить о том, что вводные компоненты со ссылкой на источник информации членят текст на два авторизационных плана: свой, авторский, обычно не маркируемый, и чужой, не авторский, а употребление вводных компонентов, как правило, связано с появлением чужой, не авторской точки зрения. В связи с этим нашим наблюдением интересной представляется ги-

³ Шмелёва Т. В. Разновидности модусов // Современный русский язык: учебник для вузов / под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб.: Питер, 2014. – С. 265.

⁴ Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – С. 485.

потеза С. В. Гричина, исследовавшего научные тексты, согласно которой «авторизация может быть средством, с помощью которого автор управляет вниманием адресата таким образом, что описываемый (авторизованный) объект воспринимается, во-первых, как авторизованный не случайно и, во-вторых, во взаимосвязи с другими авторизованными объектами, т. е. максимально целостным» [6, с. 6]. Подобное управление вниманием адресата демонстрируют и авторизационные вводные компоненты, функционирующие в тексте кинорецензии.

Подавляющее большинство авторизационных вводных компонентов – это ссылки на определённое, конкретное лицо. По большей части это создатели фильма: режиссёры и актёры. Эти вводные компоненты всегда содержат информацию об авторе мнения (обычно это местоимение, профессия или имя) и существительное или глагол со значением речи/мысли: *по версии, по признаниям, по словам, по мнению, по замыслу, как поясняет, как утверждают*. Например:

(1) *Практически все действия режиссёр перенёс на театральную сцену, причём, по его мнению, этот ход вполне соответствует духу книги: «До встречи с Вронским Анна играет роль добропорядочной супруги. Но даже когда она сбрасывает маску, все остальные вокруг продолжают играть. Поэтому я и решил превратить все действия в спектакль».*

(2) *Как поясняет Джо Райт, роман столько раз экранизировали, что ему просто пришлось искать некую новую манеру подачи этого классического материала.*

(3) *Фильм, по признанию самого автора, был навеян ему страшным сном, который приснился Копполе, оборвавшись на самом интересном месте, то есть где-то «между».*

(4) *Как говорят создатели фильма, синопсис не отражает и половины того, что на самом деле происходит в картине.*

Как видно из представленных примеров, вводные компоненты достаточно стандартизованы и по сути являются реализацией типичных моделей вводных компонентов со ссылкой на источник информации, представленных во многих пособиях и учебниках по синтаксису и пунктуации русского языка.

Обратим же своё внимание на более интересные, нестандартные вводные компоненты: с одной стороны, типичные по структуре, с другой – семантически и прагматически выходящие за рамки стандарта:

(5) *...Гопник (фамилия персонажа фильма), по признаниям братьев, до какой-то степени навеян их отцом, а стало быть, самих Коэнов надо искать в его сыне, который слушает Somebody to love на уроках иврита и курит травку на переменах.*

В данной рецензии на фильм «Серьёзный человек» Итана и Джоэла Коэнов автор, говоря о замысле фильма, называет режиссёров по родственным отношениям и тем самым указывает на автобиографичность фильма. Подобное, пожалуй, можно объяснить компетенцией рецензента, знающего специфику работы братьев Коэнов, которые действуют в тандеме (как один режиссер) и поэтому часто чётко не разделяют обязанности по созданию фильма между собой.

(6) *Как утверждали в один голос продюсеры «Двойника дьявола», за правами на экранизацию мемуаров Латифа Яхьи, действительно работавшего двойником страшного Удая Хусейна, выстроилась очередь из половины населения Голливуда, но пряник достался Ли Тамахори («Скала Маллхоланд», «Умри, но не сейчас»), чья трактовка истории Яхьи была лишена расхожих штампов.*

В этой рецензии, ссылаясь на мнение продюсеров, рецензент помимо авторизации усиливает и персуазивные характеристики представленной точки зрения: об этом свидетельствует глагол *утверждали* и указание на единодушное мнение продюсеров – *в один голос*. Персуазивность как оценка субъектом речи «объективного содержания предложения со стороны его достоверности – недостоверности, выражения уверенного или неуверенного знания»⁵ часто работает вместе с авторизацией: С. Г. Ильенко справедливо замечает, что «основанием для формирования категории вводных компонентов являются ответственность говорящего перед слушающим за достоверность высказывания и возможность передать собственное отношение к его содержанию»⁶. Это сотрудничество двух модусных категорий достаточно своеобразно: как пишет Т. В. Шмелёва, «за достоверность чужой информации трудно ручаться, поэтому “чужая” всегда под некоторым сомнением»⁷. Так и в контексте (6): достоверность сообщаемой информации подтверждается ссылкой на продюсеров фильма, а сам субъект речи вряд ли уверен в достоверности очереди на экранизацию данных мемуаров.

(7) *По словам Фердинанду Мейреллиша, обладателя приза Берлинского кинофестиваля и известного, в первую очередь, по фильмам «Слепота», «Преданный садовник» и «Город Бога», на создание столь интернационального фильма его вдохновил финансовый кризис, после которого все мы осознали, что человеческие связи куда крепче всех остальных.*

Здесь рецензент, указывая мнение режиссёра о своём фильме, добавляет сведения о его профессиональных достижениях и указывает его фильмы. Подобная информация может говорить и о демонстрации знаний рецензента, что, несомненно, демонстрирует его компетенцию, и с другой стороны – расширяет знания адресата об этом бразильском режиссёре, чьи фильмы не для «широкого формата».

(8) *Такая тёплая и ароматная, по мнению Хулио Медема, такая добрая и человечная, по мнению Бенисио Дель Торо, такая противоречивая и гармоничная, по мнению Лорана Канте, Гавана конечно заслуживает любви. А посмотреть не неё любящими глазами столь разных кинематографистов тем более интересно.*

Это последний абзац рецензии, посвящённой фильму «Гавана, я люблю тебя», который снят несколькими режиссёрами, и подобное построение абзаца текста (в совокупности с последним предложением без вводных компонентов) усиливает воздействие на читателя путём вербализованной демонстрации полифонии в визуальном восприятии столицы Кубы. Интересно ещё и то, что фамилии режиссёров всегда указываются в «шапке» кинорецензии, и по сути данные вводные компоненты лишь повторяют их, однако оценка фильма, выраженная в прилагательных (*тёплая и ароматная, добрая и человечная, противоречивая и гармоничная*) и сопровождаемая именами режиссёров, создаёт у читателя положительный образ и рецензии, и фильма.

Нередко в части рецензии, в которой представлено содержание фильма, присутствуют ссылки на персонажей фильма:

⁵ Белошапкина В. А. Смысловая организация простого предложения // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапкиной. – М.: Азбуковник, 1997. – С. 772.

⁶ Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – С. 220.

⁷ Шмелёва Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1988. – С. 37.

(9) ... Через полгода полиция возвращает ей ребёнка, но ... **по мнению Кристины**, не её.

(10) В его квартире обнаруживается полноценный «холостяцкий набор», начиная с барабанной установки и заканчивая годовой подпиской на Playboy, и Питер сразу же испытывает к нему симпатию, **как подозревают окружающие**, не совсем нормального толка.

Эти авторизационные вводные компоненты стандартизованы и по семантике, и по структуре.

Однако в текстах рецензий есть и отсылки к высказываниям персонажей из других фильмов, которые заключены в кавычки:

(11) Но, **как говорила старушка тётя Мэй**, «за каждую тайну приходится платить» – вот и парням придётся удирать от наркокарателя, и от своих коллег, которые одинаково жаждут мести.

Как известно, в кавычки пишущий включает ту часть информации, которую он считает нужным обозначить как «не свою». Эта не своя информация в тексте киорецензии маркируется и графически (с использованием кавычек), и вербально (вводным компонентом). Казалось бы, кавычки в данных высказываниях излишни, но скорее всего при точном воспроизведении речи персонажа другого фильма они воссоздают с точки зрения рецензента точную реплику, и подобное оформление становится идентичным типичным конструкциям с прямой речью.

Такие вводные компоненты требуют от читателя определённой киноведческой осведомлённости. Так, вставной компонент из контекста (11) отсылает адресата к комиксам и фильмам о человеке-пауке (что не обязательно будет понятно читателям старшего поколения), а следующие контексты к известным советским фильмам и мультфильмам (которые может не знать современная молодёжь):

(12) И да, совсем забыли – произведение к тому же чёрно-белое, без всяких новомодных 3D! **Как говорила секретарша Верочка**, «хорошие сапоги, надо брать».

(13) Играет Baccara и Bee Gees, Депардье жжёт танец Джона Траволты из «Лихорадки субботнего вечера», Жюдит Годреш носит причёску а-ля «Ангелы Чарли», и буквально все одеты «очень вызывающе», **как сказала бы мымра Калугина из «Служебного романа»**.

(14) (о мультфильме «Рио») **Как говорил другой известный попугай, уже из нашего мультфильма**, «у всех лето, море, солнце, один я в царстве раскалённого бетона и душного асфальта. Ну что это за жизнь?!»

Подобные реплики, надо полагать, рассчитаны особенно на киноманов, для которых (если они узнаваемы) создаётся большой киношный гипертекст с вербализованными связями, взаимопроникновениями, пересечениями. Воздействующий эффект можно считать сильным при условии высокой популярности цитируемого фильма и персонажа из него у адресата, как в контекстах (12) и (13) со ссылкой на фильм Эльдара Рязанова «Служебный роман».

Конкретным лицом, на которое ссылается рецензент, может быть так называемый сведущий, авторитетный автор, как правило имеющий отношение к кино или же в целом культуре. Например:

(15) (о фильме «Матч») **По крайней мере, все необходимые ингредиенты присутствуют: здесь вам и война (про которую, как заметил недавно Карен Шахназаров, должен снять кино каждый уважающий себя русский режиссёр), и любовь (причём в исполнении распрекрасной Елизаветы Боярской), и футбол (он потихонечку пробивается у нас в число новых национальных идей)**.

(16) *Как писал Жюль Габриель Верн, «человеческий ум склонен создавать величественные образы гигантов».*

Данные вводные компоненты, как и другие авторизационные, опираясь на пишущего, демонстрируют его осведомлённость и уровень знаний (ведь для того чтобы сослаться на Жюль Верна не обязательно указывать второе имя писателя, что известно, пожалуй, даже не всем филологам), направлены же они на адресата, приглашая его к культурологическому диалогу. Так, Т. В. Шмелёва считает, что в подобном случае «выступая в качестве автора, говорящий/пишущий контролирует не только точность и полноту информации (диктум), не только свой коммуникативный имидж (я-сфера модуса), но и коммуникативное самочувствие адресата, ведя с ним реальный или воображаемый, скрытый диалог (ты-сфера модуса)» [20, с. 152].

Этот диалог с читателем, создаваемый пишущим, побуждает его актуализировать собственные культурологические знания и соотносить их с рецензируемым фильмом, как в рецензии:

(17) [о фильме «Коко до Шанель»] *Комуто, конечно, очередная «история разбитого сердца» покажется банальной, но, как выразилась Фаина Раневская по другому поводу, «эта дама может уже сама выбирать, на кого ей производить впечатление, а на кого нет».*

Читатель, зная, что Фаина Раневская говорила о Сикстинской Мадонне Рафаэля, вводит эту информацию в контекст фильма о Коко Шанель, и тем самым создаётся аналогия величия и значимости этих двух женщин.

Ситуация может быть и обратной, когда ссылка на авторитет сведущего лица создаёт некий диссонанс, как в высказывании:

(18) (о фильме Анджелины Джоли «В краю крови и мёда») *Но, как сказал Дмитрий Быков про другую воинствующую искательницу справедливости: «... даже с художественной точки зрения это перебор, а уж с точки зрения объективной правды...». Цитата неточная, но верная по сути. // № 2. – 2012.*

Читатель может не знать, о ком так выразился Дмитрий Быков, и сравнения с конкретным другим, параллельным, героем не будет, но само высказывание Быкова, несомненно, создаёт нужную, по мнению рецензента, оценку фильма.

Иногда рецензенты ссылаются на авторитетное лицо абстрактно, неконкретно. Например:

(19) *Любопытно, что из целой коллекции ироничных мелодрам, составляющих фильмографию британского режиссёра Роджера Мишелла, эта оказалась самой слабой, по мнению зарубежных критиков.*

(20) *По мнению некоторых учёных-экологов, вреда от этой операции было едва ли не больше, чем пользы, и три кита стали заложниками совсем другой, очень человеческой истории – имиджевой.*

Такие показатели авторизации, пожалуй, имеют меньшую силу по сравнению со ссылкой на конкретного человека, но они помогают рецензенту объективировать своё мнение, подтвердить его, пусть и не конкретным авторством.

Важным считаем заметить и то, что подобные ссылки являются, как считает И. А. Стернин, приёмом эффективной аргументации⁸, особенно ссылки на авторитеты сведущих лиц, они усиливают позицию пишущего.

⁸ Стернин И. А. Практическая риторика. – М.: Академия, 2003. – С. 160.

щего, помогают ему более обоснованно представить свою оценку фильма, обосновать её и представить сильные доказательства.

Нередко ссылаются авторы кинокритик и на неопределённые источники. Данная авторизационная помета может сопровождать информацию самого различного содержания:

– оценку фильма:

(21) (о фильме Боба Голдтуэйта «Боже, благослови Америку», американского производства) *Выражаясь проще, режиссёр вознамерился подвергнуть современную американскую культуру суровой и публичной порке. И, по слухам, ему это вполне удалось.*

– различные обстоятельства создания фильма:

(22) *Сложно представить себе более аутентичного Холмса, чем Ливанов, как, впрочем, и более аутентичного Ватсона, чем Соломин. А это бессмертное «Овсянка, сэр»?! Тем обиднее, что, по слухам, Гай Ритчи даже не видел шедевра Игоря Масленникова.*

(23) *Меган Фокс со скандалом уволили (говорят, за то, что она сравнила Бея с Гитлером), и на роль подружки Шайи выстроилась очередь, как на роль подружки Бонда.*

– содержание фильма:

(24) *Окружающие, которым ничем не угодишь, заводят тем временем другую шарманку: за попытку, говорят, зачёт, но он тебе всё-таки не пара.*

Вводные компоненты *по слухам* и (как) *говорят* синонимичны, они обозначают недостоверный источник информации и смыкаются в данном случае с персуазивностью. Рецензенты, на наш взгляд, включая в свой текст подобные ссылки на неопределённый и поэтому недостоверный источник, как бы отстраняют себя от представленной точки зрения – это не моё мнение, но оно кажется мне интересным, и я предоставляю его своим адресатам.

Такую же семантику, на наш взгляд, выражает и вводный компонент в следующем фрагменте:

(25) (о фильме «Фрост против Никсона») *После того как самый громкий политический скандал столетия под названием Уотергейтское дело вынудил президента Соединённых Штатов Америки Ричарда Никсона уйти со своего поста, его всё равно не оставили в покое. По мнению общественности, «худший президент в истории страны» (не видели ещё Буша-младшего!) слишком легко отделался.*

Мнение общественности – достаточно «размытый», неопределённый источник информации и в силу этого вряд ли достоверный. Интересно, что Андре Моруа как-то заметил: «Не стоит ориентироваться на общественное мнение. Это – не маяк, это – блуждающие огни». Однако автор рецензии подкрепляет этот ненадёжный источник пунктуационно, оформляет в кавычки, тем самым усиливает звучание чужого мнения, причём следующая за этой частью высказывания вставка вообще сводит на нет надёжность этого источника, поскольку есть другой президент, с оценкой которого общественность ещё, видимо, не определилась.

Отдельное внимание необходимо обратить на высказывания, содержащие частицы *мол* и *дескать*. Они также могут сопровождать и части рецензии, посвящённые содержанию фильма (контексты (26), (27)), и собственно интерпретационные, оценочные (контексты (28), (29)):

(26) *Девочка сама убивает и освежевывает оленей, а отец, чуть она зазевается, норовит угостить свою малышку под дых сапогом: нечего, мол, расслабляться – будь это враг, освеживывали бы уже её.*

(27) *Один (Хопкинс) ссылается повесу на нашу грешную землю, куда-то в район Нью-*

Мехико, и, чтобы вправить юные мозги на место, лишает вдобавок могущественной силы. Поживи-ка, **дескать**, среди простых смертных, познай, почём фунт лиха.

(28) ... от идей экранизировать игру «Морской бой» веет не столько цинизмом, сколько самым настоящим шиком. **Мол**, захотим – и крестики-нолики в 3D экранизируем, а вы как миленькие будете взахлёб смотреть и давиться попкорном.

(29) Костюмированная драма о двоюродной прапрапрабабке принцессы Дианы в исполнении Киры Найтли в британском прокате провалилась. Общественность не простила ушлым пиарщикам трейлера, в котором сопоставлялись судьбы родственниц: **дескать**, обе были несчастны в семейной жизни и при этом чрезвычайно популярны в обществе.

В подобных высказываниях до авторизационного показателя есть информация об авторе, и последующая её маркировка воспринимается как лишняя (в этом можно убедиться, если элиминировать авторизационный показатель). Поэтому *мол* и *дескать* в таких высказываниях выполняют не столько авторизационную функцию, сколько являются оценкой рецензента излагаемой чужой речи. Н. П. Перфильева и Ю. Б. Хальзова считают, что «в данной ситуации автор ненавязчиво, тонко говорит, что он не согласен с 'чужим' утверждением» [15, с. 89]. На наш взгляд, *мол* и *дескать* демонстрируют некий скептицизм в отношении излагаемого, что подтверждается и следующей после авторизационного показателя информацией, как правило, откровенно оценочного плана, как в предыдущих контекстах и в следующем:

(30) В итоге получилось нечто такое, чему критики, как сговорившись, начали петь дифирамбы: **мол**, это квинтэссенция всего лучшего, что умеет делать Альмодовар, да и

у Бандероса роль выдающаяся, да и Анайя хороша, и вообще – шедевр, неземная красота и музыка сфер.

Данный фрагмент интересен тем, что оценка критиками фильма (после *мол*), представленная рядом перечислений с последующим выводом, образующими градацию, становится иронией, когда оценочные слова приобретают противоположное значение: благодаря *мол*, читатель понимает, что автор рецензии не согласен с мнением критиков и у него другое, негативное, отношение к рецензируемому фильму или мнению других критиков о фильме.

Если же текст рецензии не содержит данных об авторе излагаемой информации или это сделано косвенно, как во фрагменте:

(31) Фильм 33-летнего Джеффа Николса, для которого «Укрытие» – вторая работа в полном метре, уже окрестили жемужиной последнего фестиваля «Сандэнс»: **дескать**, не так уж часто конкурсанты предлагают что-то настолько дельное.

Здесь изъяснительная часть представлена неопределённо-личным предложением, то *дескать* следует рассматривать именно как авторизационный показатель, что легко проверяется его элиминацией: тогда часть текста после двоеточия будет восприниматься как оценка пишущего.

Таким образом, вводные компоненты с функцией авторизации обладают полифункциональностью: выражают персуазивность и оценочность, они нередко рассчитаны на киноведческую компетенцию адресата и приглашают его к культурологическому диалогу. Чаще они маркируют те части рецензии, в которой пишущий даёт интерпретацию, оценку фильма, и являются приёмом эффективного доказательства, привлечения зрителя к просмотру фильма или наоборот.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Chafe W., Nichols J.** Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology. – Norwood, NJ: Ablex, 1986. – 346 p.
2. **Антонова Л. Г.** Опыты жанра: историческая и современная практика решения // Русский язык в школе. – 2000. – № 3. – С. 21–27.
3. **Григоренко М. Ю.** Модусный статус эвиденциальности в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: Русская филология. – 2009. – № 4. – С. 73–77.
4. **Гричин С. В.** Многоаспектный анализ авторизации в научном дискурсе // Вестник Пермского университета. – 2015. – Вып. 3 (31). – С. 13–22.
5. **Гричин С. В.** О категориальной сущности авторизации // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 175–182.
6. **Гричин С. В.** Текстостроительная функция авторизации // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 4 (12). – С. 5–14.
7. **Золотова Г. А.** Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
8. **Копытов О. Н.** «Квадрат авторизации» в художественном произведении // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2012. – № 1. – С. 268–273.
9. **Копытов О. Н.** Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте (авторизация и персуазивность): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2004. – 27 с.
10. **Копытов О. Н.** О сложных модусных перспективах // Вестник Московского университета. – Серия 9. Филология. – 2012. – № 5. – С. 174–182.
11. **Лебедева Е. А.** Авторизационные вводные элементы в аналитических жанрах англоязычных медиа // Вестник Новгородского государственного университета. – 2010. – № 57. – С. 54–57.
12. **Мальчевская Е. А.** Трансформация жанра рецензии // Вестник Белорусского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 74–77.
13. **Орехова Е. Н.** О субъективной модальности эвиденциальности // Вестник Московского государственного областного университета. – 2012. – № 2. – С. 95–100.
14. **Перфильева Н. П.** Метатекст в аспекте текстовых категорий. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – 285 с.
15. **Перфильева Н. П., Хальзова Ю. Б.** Семантика высказываний с частицами *мол, де, дескать* // Семантические и прагматические аспекты высказывания: межвуз. сб. научн. трудов. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991. – С. 86–95.
16. **Стексова Т. И.** Авторизация в научном тексте как проявление коммуникативной компетенции // Психологические аспекты изучения речевой деятельности. – 2011. – № 9. – С. 125–134.
17. **Сыроватская Н. С.** Авторизация: проблемы определения и научного описания на уровне предложения и текста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 89. – С. 250–256.
18. **Тертычный А. А.** Характер применения жанров в современных печатных СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. – 2012. – № 2. – С. 106–112.
19. **Урунова Р. Д.** О способах авторизации современного газетного текста // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2015. – № 3-2 (33-2). – С. 263–266.
20. **Шмелёва Т. В.** Диалогичность модуса // Вестник Московского университета. – Серия 9. Филология. – 1995. – № 5. – С. 147–156.

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.15](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.15)

Gavrilova Elena Ivanovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Philology and Methodology, Teachers Training Institute of Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

ORCID iD [0000-0003-1950-4076](https://orcid.org/0000-0003-1950-4076)

E-mail: irk-elena@mail.ru

MULTY-FUNCTIONALITY OF AUTHORIZED PARENTHESES IN FILM REVIEW TEXTS

Abstract

The article presents the author's analysis of authorized parentheses that occur in film review text. The purpose of the article is to show multi-functionality of parentheses with reference to the source of information. It is noted that the ability of parentheses to combine several functions is based on their semantic and pragmatic possibilities: their potential to alter the modality of propositions and adjust it to viewer-reader. As a rule, the authors of film reviews do not refer to themselves, so the authorized parentheses are marked as "non-author's parts" of the text. Using authorized parentheses the author introduces the line of director, actors, producers, movie characters, influential individuals (other critics, writers), but also refers to the vague, unreliable sources.

It is emphasized that maintaining the standardized form, the authorized parentheses, in addition to their primary function, express persuasiveness and evaluation. These references also have a pragmatic effect: they are designed for film experts (and wider – culturological ones) competence of the reader, inviting him to a culturological dialogue. The conclusion is that the author of film review marks the interpretative part of his review with authorized parenthesis, so the argumentative component enhances his text.

Keywords

Authorized parenthesis, multi-functionality, authorization, persuasiveness, evaluation, modality, argumentation.

REFERENCES

1. Chafe W., Nichols J. *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology*. Norwood, NJ, Ablex Publ., 1986, 346 p.
2. Antonova L. G. Experiments of genre: historical and modern practice of solutions. *Russian language at school*. 2000, no. 3, pp. 21–27. (In Russian)
3. Grigorenko M. Y. Modus evidentiality status in the modern Russian language. *Bulletin of the Moscow State Regional University*. Series: Russian philology, 2009, no. 4, pp. 73–77. (In Russian)
4. Grishin S. V. The multidimensional analysis authorization in scientific discourse. *Perm University Herald*. 2015, no. 3 (31), pp. 13–22. (In Russian)
5. Grishin S. V. On the categorical nature of authorization. *Siberian Philological Journal*. 2010, no. 2, pp. 175–182. (In Russian)
6. Grichin S. V. Textbuilding function of authorization. *Tomsk State University Journal*. 2010, no. 4 (12), pp. 5–14. (In Russian)
7. Zolotova G. A. *Outline of the functional syntax of Russian language*. Moscow, Nauka Publ., 1973, 351 p. (In Russian)

8. Kopytov O. N. "Authorization Square" in fiction. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*. 2012, no. 1, pp. 268–273. (In Russian)
9. Kopytov O. N. *Interaction of qualification modus meanings in the text (authorization and persuasiveness)*. 2004, 27 p. (In Russian)
10. Kopytov O. N. About complicated modus prospects. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*, 2012, no. 5, pp. 174–182. (In Russian)
11. Lebedeva E. A. Authorization introductory elements in analytical genres of the English-speaking media. *Novgorod State University Bulletin*. 2010, no. 57, pp. 54–57. (In Russian)
12. Malchevskaja E. A. The transformation of the genre reviews. *Vestnik BSU*. 2011, no. 1, pp. 74–77. (In Russian)
13. Orekhova E. N. About subjective modality evidentiality. *Bulletin of the Moscow State Regional University*. 2012, no. 2, pp. 95–100. (In Russian)
14. Perfilieva N. P. *Metatext in the aspect of textual categories*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2006, 285 p. (In Russian)
15. Perfiljeva N. P., Khalzova Yu. B. Semantics of statements with particles *мол, де, дескать*. *Semantic and pragmatic aspects of the statement*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical Institute Publ., 1991, pp. 86–95. (In Russian)
16. Steksova T. I. Authorization in the scientific text as a manifestation of the communicative competence. *Psychological aspects of the study of speech activity*. 2011, no. 9, pp. 125–134. (In Russian)
17. Syrovatskaiy N. S. Authorization: problem definition and scientific description on sentence and text level. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 2009, no. 89, pp. 250–256. (In Russian)
18. Tertychnyi A. A. The nature of the application of modern genres in printed media. *Questions of the theory and practice of journalism*. 2012, no. 2, pp. 106–112. (In Russian)
19. Urunova R. D. About authorization methods of modern newspaper text. *Vector of Science of Togliatti State University*. 2015, no. 3-2 (33-2), pp. 263–266. (In Russian)
20. Shmeleva T. V. Dialogueness of mode. *Moscow University Bulletin. Part 9. Philology*, 1995, no. 5, pp. 147–156. (In Russian)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Научный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета» – электронное периодическое издание, учрежденное ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», в котором публикуются ранее не опубликованные статьи, содержащие основные результаты исследований в ведущих областях научного знания.

Материалы статей, подготовленные автором в соответствии с правилами оформления регистрируются, лицензируются, проходят научную экспертизу, литературное редактирование и корректуру.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией и редакционным советом электронного журнала.

Регистрация статьи осуществляется в on-line режиме на основе заполнения электронных форм. По электронной почте статьи не регистрируются.

Редакционная коллегия электронного журнала оставляет за собой право отбора присылаемых материалов. Все статьи, не соответствующие тематике электронного журнала, правилам оформления, не прошедшие научную экспертизу, отклоняются. Корректур статей авторам не высылаются.

Тексты статей необходимо оформлять в соответствии с профессиональными требованиями к научной статье, объемом в пределах половины печатного листа (20000 знаков).

Публикуемые сведения к статье на русском и английском языках:

- заглавие – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/ авторов, город, страна, а также УДК;
- адресные сведения об авторе – указывается основное место работы, занимаемая должность, ученая степень, адрес электронной почты для связи;
- аннотация статьи (от 1000 знаков) – отражает ее основное содержание, обобщающие результаты и ключевые слова;
- пристатейный список литературы – оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008; формируется в соответствии с порядком упоминания в тексте статьи; регистрируется ссылкой (ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат порядковый номер в списке литературы и страницы цитируемой работы).

Одновременно с направлением в редакцию журнала текста статьи, подготовленного для публикации, автору необходимо выслать сопроводительные документы к статье, оформленные в соответствии с требованиями.

Сопроводительные документы к статье:

- оригинал развернутой рецензии направляющей организации / научного руководителя / специалиста по теме публикации (с подписью и печатью);
- авторский лицензионный договор.

Подробно с правилами публикации можно ознакомиться на сайте журнала:

<http://vestnik.nspu.ru/avtoram>

FOR AUTHORS. THE INFORMATION ABOUT THE ORDER OF PUBLICATION OF ARTICLE

The scientific journal «Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin» is electronic periodical founded by Novosibirsk State Pedagogical University. Journal articles containing the basic results of researches in leading areas of knowledge were not published earlier.

The materials of articles, carefully prepared by the author, are registered, are licensed, materials are scientific expertise, literary editing and proof-reading.

The decision about the publication is accepted by an editorial board and editorial advice of electronic journal.

Also it is displayed in personal "cabinet" of the author.

Registration of article is carried out in on-line a mode on the basis of filling electronic forms e-mail articles are not registered.

The Editorial Board of the electronic journal reserves the right to itself selection of sent materials. All articles are not relevant to the content of electronic magazine, to rules of the registrations rules that have not undergone scientific expertise, are rejected. The proof-reading of articles is not sent to authors. Manuscripts are not returned.

Texts of articles are necessary for making out according to professional requirements to the scientific article, volume within the limits of 0,5 printed page (20000 signs).

Published data to article in Russian and English languages:

the title – contains article name, the initials and a surname of authors / authors, the city, the country, and also UDC;

address data on the author – the basic place of work, a post, a scientific degree, an e-mail address for communication is underlined;

the abstract (100–250 words) – reflects its basic maintenance, generalizing results and keywords;

the references – is made out according to requirements of GOST P 7.0.5-2008; it is formed according to order of a mention in the text of paper; it is registered by the reference (references in the text are made out in square brackets, contain a serial number in the References and page of quoted work).

Simultaneously with a direction in edition of electronic journal of the text of articles prepared for the publication, it is necessary for author to send accompanying documents to articles, issued according to requirements.

Accompanying documents to article:

the original of the developed review of the directing organization / the research supervisor / expert in a publication subject (with the signature and the press);

author's license contract.

In detail the rules of the publication on the site of journal:

<http://en.vestnik.nspu.ru/avtoram>